
ОГОНЁК
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1946 ГОДА

На Тверском бульваре. Москва.

Акварель Т. Ереминой

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
24-й год издания

ОГОНЁК

№ 8 (977)
ФЕВРАЛЬ 1946 ГОДА

В номере

На обложке: Герой Советского Союза Аня Масловская со своим сыном Володей. Фото О. Кнорринга.

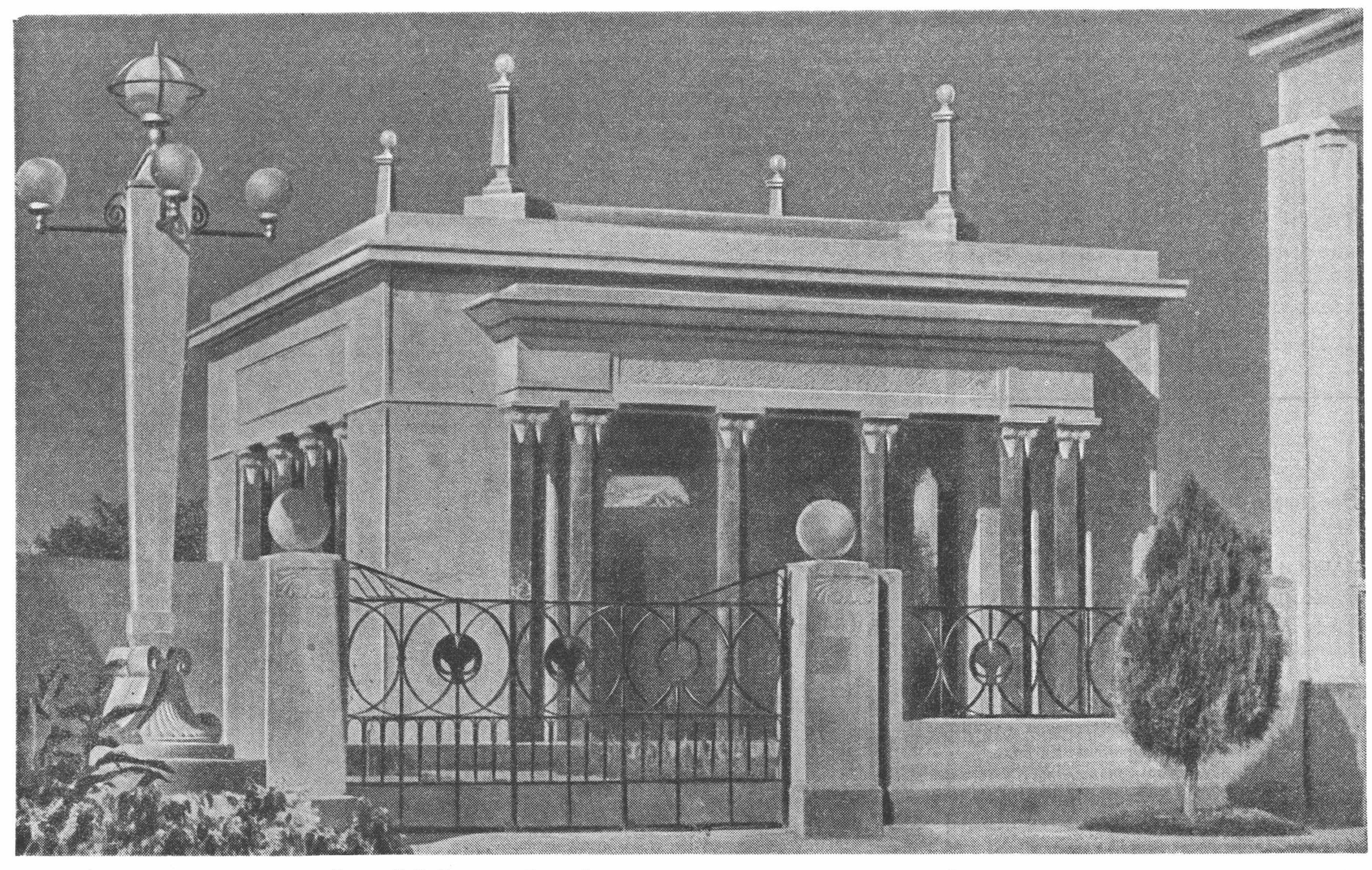
На последней странице обложки: Тбилиси. Здание госцирка. Фото С. Короткова.

К 25-ЛЕТИЮ ГРУЗИНСКОЙ ССР

Вид на столицу Грузинской ССР — Тбилиси. На переднем плане: ансамбль грузинской песни и пляски исполняет народные танцы.

Фото М. Редкина

Домик И. В. Сталина в Гори. Для сохранения домика выстроен каменный павильон.

СОЛНЕЧНАЯ РЕСПУБЛИКА

Ирина Ильичёва

Фото Б. Игнатовича и С. Короткова.

«Грузия — это один из счастливейших уголков мира, насыщенный природными богатствами и, что особенно важно, богатый людьми, таланты которых блестят в Грузии, в Закавказьи и во всём Советском Союзе... Достаточно сказать, что Грузия дала нам товарища Сталина».

В. М. Молотов.

Кажется, что здесь каждый месяц — весна. В феврале, когда под Москвой воют метели, в Грузии распускается нежная мимоза, а в декабре только ещё отцветают апельсиновые и лимонные деревья. Особенно хорошо приехать в Грузию поздней осенью, когда на севере льёт мелкий дождь и бушует холодный ветер: в это время в горных долинах Карталинии ярко и тепло светит солнце, наливаются соком яблони, крестьяне снимают пахучие гроздья винограда, везде горы золотистых плодов — страна дышит плодородием и спокойствием

Солнечная республика! Защищённая от холодных северных циклонов высокими горами Кавказа, открытая тёплому Чёрному морю, полная солнца, богатая и обильная, раскинулась на самом юге страны жемчужина Советского Союза. Один из счастливейших уголков мира, как назвал Грузию товарищ Молотов.

«Вот страна, где все деревья
склонены к земле плодами,
Где тропа летит ветвистой
молнией между горами,
Проникает радость в сердце
вместе с влажными ветрами,
Бьют фонтаны солнца с неба,
спелый хлеб шумит волнами.
Вождь! Ты в том краю родился,
жил в младенческие годы!
Ты хранишь простую мудрость
и покой родной природы», —

так писал один из грузинских поэтов.

ГОРИ

Маленький городок раскинулся в самом центре Карталинии, у подножья высокой горы с руинами древней крепости Горис-Цихе. Когда-то встарину этот уголок был знаменит боями грузин против турецких и иранских поработителей. У стен Горис-Цихе звенела сталь булатов и лилась кровь бойцов за свободу Грузии.

Здесь 21 декабря 1879 года родился И. В. Сталин.

До революции это был небольшой провинциальный город с кривыми переулками и улицами, освещёнными тусклым светом керосиновых фонарей. Днём грохотали арбы, тележки, линейки; здесь было много лавок, духанов — городок слыл купеческим. В маленьких покосившихся хибарках жили ремесленники и рабочие, трудившиеся от рассвета до сумерок за кусок хлеба. В этом районе, в низком домике, в семье рабочего родился Иосиф Виссарионович.

Сейчас этот домик — «сокровище из всех сокровищ», как назвал его один грузинский поэт, — реставрирован и над ним построен монументальный павильон с мраморными колоннами.

Кто бы ни приехал в Гори: учёный, студент, крестьянин, иностранец, — каждый обязательно зайдёт в скромный домик семьи Джугашвили, где прошло детство великого человека.

В школах Гори и поныне преподают несколько старых учителей, которые хорошо знали молодого Иосифа Виссарионовича и учились вместе с ним. Их влияние на молодёжь огромно. Интересно, что в 1945 году 20 юношей и девушек в школах Гори кончили десятый класс с золотой медалью. Юные горийцы, земляки великого человека, учатся в университетах Москвы, Ленинграда, Тбилиси. Многие уехали в далёкие северные города — на стройки и заводы; одни полюбили шумную Москву, другие облюбовали далёкие посёлки в глухих лесах; третьи, пройдя в годы войны от Северного Кавказа до Берлина, находятся теперь с армией заграницей — где-нибудь в Вене или Софии. Но куда бы ни закинула судьба горийцев, они свято берегут память о родных местах, о своём небольшом городке, имя которого известно каждому советскому человеку. Они всегда помнят о знаменитом домике под колоннадой, который стоит на их родной земле. Молодой майор Гигия Габилая прислал письмо из поверженного Кенигсберга:

«Как живёт наш Гори? Пять лет я не был на Кавказе, и, хотя никого из родных моих не осталось там, я мечтаю о поездке на родину, в наш светлый и знаменитый городок. Я часто думаю о том, как приеду, пройду по знакомым, тихим улицам к домику Сталина, войду в комнату и постою, молча думая о своём и обо всём, пережитом мною за годы войны. Я видел, как мои товарищи умирали с именем Сталина на устах, я сам поднимал в атаки солдат его именем. В самые трудные минуты жизни я думал о том, как вернусь в родной город, подойду к домику Сталина и с чистой совестью поклонюсь ему».

...С утра до вечера шумит оживлённый Гори. Дети бегут в школы, взрослые спешат на работу. Ныне здесь есть большой консервный завод, педагогический

институт, электростанции, театр, девять школ. Сады Карталинии славятся далеко за пределами Грузии, а горийские яблоки — один из лучших сортов в нашей стране. Славен Гори и своим знаменитым атенским вином. Граждане города горячо обсуждают проекты своего «Нового Гори» — красивого, благоустроенного, с чудесными гостиницами и театрами, новыми фабриками и жилыми кварталами.

Многим славен Гори. Но когда мы называем имя этого городка, в памяти прежде всего возникает маленький, старый домик под мраморными колоннами — домик, где родился Сталин.

...Полвека назад знаменитый грузинский поэт Акакий Церетели писал, обращаясь к древнему городу Гори:

«Мужайся сердцем львиным,
Не склоняй во прах колени,
Путь просторный проложи нам,
Путь грядущих поколений».

И древний Гори умом и сердцем своего великого гражданина проложил светлый, просторный путь многим поколениям человечества.

ЗОЛОТО АРГОНАВТОВ

Историк древней Эллады, описывая цветущие города и побережье Чёрного моря, с восхищением рассказывал об одном богатейшем крае — Колхиде, где цвели растения неземной красоты и недра земли таили золото. В поисках богатства и славы сюда приплыли легендарные аргонавты и бросили якорь в Фазисе — главном порте Колхиды. Аргонавты искали золотое руно, как говорит легенда, дающее человеку золото и счастье. И много веков потом в загадочную Колхиду стремились искатели славы и золота — греки, финикийцы, венецианцы, генуэзцы. Но никто из них не нашёл золотого руна: сказочная Колхида ревниво хранила свою тайну...

И только люди Советской Грузии нашли золотое руно аргонавтов. Они прошли свою страну, заглянули во все её уголки, в недра её земли и на вершины её гор и нашли чёрное золото — уголь, жидкое золото — нефть, солнечное золото — цитрусы.

Своё 25-летие Советская Грузия встречает в расцвете славы и богатства. Бывшая глухая окраина царской России превратилась за 25 лет советской власти в прекрасную, цветущую республику.

Мы расскажем здесь о золотом руне Грузии, которое не нашли аргонавты, но которое добыл сам народ солнечной республики, — о её новой Колхиде, её нефти, садах, заводах, её лазурном Черноморском побережье, о людях Грузии, простых, честных, талантливых.

* *
*

Цветущая Колхида — бухта на грузинском побережье Чёрного моря — сохранилась только в легендах. Вода и болота похитили у людей плодородную землю Колхиды. Её называли «Мёртвой долиной»: её огромные болота — рассадник смертоносной лихорадки и тропической малярии. Потийские и кутаисские князьки не раз пытались осушить болота. Но тщетно. И здесь жили самые бедные крестьяне, которым нечего было терять кроме собственной жизни. Лихорадка сводила человека в могилу к 30—40 годам. Когда разливался Рион и его жёлтые потоки бешено мчались по долине, сметая деревни, люди гибли сотнями и тысячами.

Колхида, не отдавшая своё золотое руно аргонавтам, попрежнему ревниво хранила свои богатства. В одной мингрельской легенде рассказывалось, что злые духи отобрали у людей богатый клад и зарыли его на дне озера Палеостоми, закрыв его болотами, камышами, тропическими джунглями. И достать этот клад сможет только тот, кто пройдёт по гибельной болотной топи. Тот человек будет богат и счастлив.

И вот наступило это время. На гнилую, заболоченную землю пришли люди. Ленинградский инженер Сергеев, московский студент Курбский, грузин Вано Джейраношвили и многие другие приехали покорять Колхиду. Их — далёких и разных людей — привели сюда молодость, жадность к труду, энтузиазм. Они не думали о личной наживе и славе, они хотели вернуть своей стране потерянное золотое руно.

В недоступные джунгли направились эскадры землечерпалок. Дымя трубами, поплыли вверх по Риону мощные рефулеры. Медленно, метр за метром, отвоёвывали богатые недра Колхиды советские люди. Они жили в палатках, болели малярией, но трудились упорно, терпеливо. Реки и горные потоки тщательно обносились валом, строились специальные системы каналов для стока тропических дождей. Усмирённые воды стекали в море.

С каждым годом менялась Колхида. И если бы историк древней Эллады вновь увидел сейчас долину Риона, он никогда бы не поверил, что многие сотни лет эту некогда прекрасную и вновь ставшую прекрасной землю покрывали гнилые болота. На бывших топях Поти выросли цветущие грейпфрутовые совхозы, парки декоративных растений, питомники эвкалиптов — этих чудесных естественных осушителей болот. На отвоёванных землях зацвели апельсиновые, мандариновые, лимонные рощи. Колхида оделась в изумительный по красоте наряд из редкостных растений, семена которых привезли сюда из Флориды, Африки, Индостана, Италии.

Старая легенда о неуловимом золотом руне Колхиды уходит в небытие вместе со смертоносными её болотами. Золотое руно этой богатейшей долины, её богатство — в руках людей Советской Грузии. Колхида превращается в роскошный субтропический сад на лазурных берегах Чёрного моря.

* *
*

Город лежит в горах. Он красив особенной, яркой красотой юга, в которой так много контрастов: синь неба — и белизна снежных вершин, стремительность горных рек — и спокойствие садов и лугов. Верхняя Имеретия, город Чиатури, — самое богатое в мире месторождение марганца. Марганцем Чиатури стал знаменит ещё в конце прошлого столетия, но до революции это был грязный, захудалый городишко с десятком кустарных шахт, напоминавших, скорее, небольшие каменоломни. Кирка и лопата были чиатурской техникой, а перевозили руду на древних арбах.

Немногим отличался от Чиатури и Тквибули — старый угольный район, где разработки начались в 1847 году. Те же грязные, узкие дыры шахт, кирки и лопаты, ленивые волы в арбах.

А на берегах прозрачной Гализги, в Абхазии, шумевшей над многометровыми девственными пластами чёрного золота — угля, было тихо, ничто не нарушало покой вековых лесов. Но наступил день, когда на берегах Гализги появились люди. Это было в 1926 году. Люди шли по извилистой, горной тропе вдоль ущелья, за ними двигался караван вьючных лошадей. У подножья горы Ходжал зазвенели пилы, застучали топоры, и в лесной чаще, где раньше водились лишь дикие кабаны да медведи, выросли палатки. Так возникли угольные копи Ткварчели, выдавшие на-гора́ в 1935 году первые тонны угля. Через два—три года здесь был уже город, где сейчас есть две средних и одна начальная школы, две больницы, алебастровый и цементный заводы. Близ города, подле радиоактивных источников, раскинулись дома отдыха и санатории горняков.

Другим стало лицо и Чиатури и Тквибули. Школы, театры, кино, газеты — всё, о чём до революции можно было только мечтать, стало теперь неотъемлемой принадлежностью этих богатых промышленных городов. Врубовые машины заменили в рудниках кайла и кирки, а о волах и арбах здесь уже забыли: руда и уголь транспортируются воздушными канатными дорогами. В 1939 году в Грузии добыто в 8 раз больше угля, чем в 1913 году.

Ежедневно десятки эшелонов с рудой и углем уходят от Чиатури, Тквибули, Ткварчели во все уголки Грузии. А из южной Кахетии мчатся составы с нефтяными цистернами. Жидкое золото — нефть — добывают близ Мирзаани. О существовании здесь нефтяных залежей было известно ещё до революции, но низкий технический уровень буровых работ не давал возможности точно определить нефтяные районы. Первые килограммы жидкого золота были добыты в Грузии уже при советской власти. Ныне выросли новые нефтяные районы — Патара-Ширакский, Сужа и другие.

Замечательные люди создали промышленность Грузии. Многие из тех, кто добыл первый кусок угля в Ткварчели, первый килограмм нефти в Мирзаани, теперь работают в наркоматах, учатся в горных академиях. В шахты пришли вчерашние колхозники. Они учились сложному ремеслу в шахтах Донбасса, на промыслах Баку и Грозного и, вернувшись в родную республику, создали свои методы, свои школы стахановского труда. В годы войны на рудники и на нефтепромыслы пришли женщины. Ныне они работают горными мастерами, машинистами электровозов, газомерщиками.

В дни Великой Отечественной войны ни на одну минуту не пре-

Дом правительства в Тбилиси.

Самый старый человек Грузии—Мамсыр Киут со своими правнуками в мандариновой роще.

кращали работу шахты и промыслы Грузии. Уголь и нефть сплошным потоком шли на фабрики и заводы, выполнявшие заказы фронта.

* *
*

«Зелёное золото» — так называют здесь редкостные плодовые растения и деревья, растущие под жарким солнцем. Это эвкалипты, японская хурма, хинное дерево, кокаиновый куст, алоэ, сэнна, морской лук, почечный чай, индийский папоротник. Плоды и семена этих растений, обладающих чудодейственными свойствами, ценятся действительно на вес золота.

Субтропики Грузии — единственные в Союзе — знамениты по всей стране. Недавно мне довелось побывать на селекционной станции субтропических культур близ Сухуми. На станции есть невысокая гора — её зовут «Холм солнечного золота», — где растёт около тысячи деревьев лимонов, апельсинов, мандаринов и грейпфрутов. Здесь собрано 718 видов цитрусов — богатейшая коллекция в мире. Каких диковинок тут нет! Сладкие лимоны и апельсины величиной с детскую голову; кислые мандарины, чуть побольше горошины, и гибриды, похожие по вкусу и на лимон и на мандарин. Здесь творят чудеса: прививают на дерево мандарина лимон и апельсин и на второй год снимают все три сорта этих цитрусов. Селекционная станция вывела около 10 тысяч гибридов—морозоустойчивые и качественные сорта цитрусов.

Новые сорта драгоценной хурмы, тунга, хинного дерева и кокаинового куста, не боящиеся морозов, — это также результат многолетней работы Сухумской селекционной станции.

В дни войны станция не прекращала работы. Многие её сотрудники ушли в армию. Биохимическая лаборатория зимой 1941—1942 года делала... зажигательные бутылки. Но мир «зелёного золота» попрежнему окружал учёных. Днём они укутывали на зиму редкостные растения, а вечером в сырых, нетопленных лабораториях возились у микроскопов, что-то записывали, делали новые открытия и радовались новым удачам. Старший научный сотрудник ленинградец Рындин—талантливый биолог и музыкант, — химик сибиряк Снигирёв, директор станции грузин Гогиберидзе вместе коротали длинные вечера, писали диссертации при свете коптилок. Они вместе отбирали самые лучшие плоды и посылали их товарищам на фронт.

* *
*

За 25 лет советской власти другим стало и лицо деревни. В небытие ушли беднейшие, грязные горные селения. 94 процента всех крестьян Грузии объединены в колхозы. За ними закреплено свыше трёх миллионов гектаров плодороднейших земель. Сейчас в среднем грузинском колхозе есть своя школа, больница, клуб, гостиница, электростанция. Дети колхозников, окончив в своём селе среднюю школу, уезжают в городские институты и университеты. Часто они возвращаются в родное село агрономами, учителями.

Насколько зажиточно живут колхозники Грузии, говорит такой факт: семья Кардава (колхоз имени Ворошилова, Кобулетского района) заработала в 1945 году за один трудовой день по 6 килограммов пшеницы, 2 килограмма фасоли, 500 граммов чая, 3 килограмма апельсинов. Четверо из членов семьи Кардава получили также 15 тысяч рублей деньгами. Трое младших учатся. Цаца Кардава награждена в дни войны орденом «Знак почёта». Она лучшая в районе сборщица чая. Проворные руки этой женщины собирают в день до 350 килограммов чайных листьев.

За годы войны колхозы Грузии не только не уменьшили, но увеличили площадь посевов, хотя очень многие колхозники ушли на фронт. Их заменили женщины, подростки. Они снимали урожаи фруктов, пшеницы, окутывали на зиму лимоны, выводили новые сорта винограда.

Сегодня фронтовики вернулись к родному очагу, к жаркому своему солнцу и плодородной земле. Их руки соскучились по труду. Родная солнечная республика лежит перед ними в лесах, озёрах, садах, уже зацветающих весенним цветом. Золото аргонавтов, которое многие века безуспешно искали пришельцы из заморских стран, нашли большевики Грузии и отдали это богатство своему народу...

ЗДЕСЬ ВОЗДУХ ПОЛОН ЖИЗНИ...

Древняя легенда рассказывает: однажды охотник подстрелил орла и тот упал в долину Гализги, у отвесных скал. Охотник бросился к своей добыче, но остановился изумлённый: орёл купался в источнике, обдавая водой свои перебитые крылья. Потом орёл взмахнул крыльями и свободно поднялся в воздух...

Если вы приедете сегодня в долину Гализги, вы увидите великолепные дома отдыха, санатории. Вы увидите ванны, наполненные чудесной водой, исцеляющей от всех недугов.

Грузия богата такими уголками, где, как сказал русский поэт, «и воздух полон жизни». Интересно, что в Грузии есть много людей, которые живут уже второй век: местный климат, воздух, условия жизни чрезвычайно благоприятны для человеческого организма. Мы посетили недавно старика Мамсыра Киута — самого старого человека в Грузии.

Мамсыру Киуту 151 год. Он родился в 1795 году — за 17 лет до нашествия Наполеона на Россию. Киут помнит старую Грузию, князя, владевшего её землей, турецкое нашествие, леса, покрывавшие долины, где теперь стоят города и мчатся поезда...

В селенье Томыш, близ Сухуми, 75 лет назад старый Киут построил на горе маленький домик, по старинному обычаю, на высоких деревянных сваях. Комната Киута очень чистая и простая: очаг из больших камней в нише, закопчённый котёл, низенькая резная скамеечка — постоянное место старика. Киут одет в чёрный халат. На голове—такая же чёрная повязка. У него седая борода, глубокие, светлые, мудрые глаза, обведённые коричневыми тенями.

В семье Мамсыра Киута 42 человека. 30 из них живут в Томыше, работают в колхозе. Внук Киута Георгий учился в музыкальной школе в Москве, участвовал в войне, объездил почти всю Европу. У Киута есть один праправнук. В годы войны старик взял из детского дома ленинградского двухлетнего мальчика-сироту. Новый, сорок третий член семьи играет с праправнуком своего нового отца. Мальчик хорошо говорит и по-русски и поабхазски. Киут часто говорит: «Сирота — это цветок без солнца. Беречь надо, лелеять его надо пуще своих...»

Из окрестных сёл приходят крестьяне за советами к старому Киуту, который пользуется огромным авторитетом.

Мамсыр Киут — один из многих людей Закавказья, живущих более ста лет в светлых, пронизанных солнцем горных селениях.

Воздух, солнце, море Грузии широко использованы для отдыха и лечения трудящихся. Серьёзным строительством курортов в Грузии начали заниматься только при советской власти. 25 лет назад, летом 1921 года, был открыт первый курортный сезон. А в 1940 году, последнем перед войной, на курортах Грузии отдыхало и лечилось свыше 500 тысяч трудящихся. Гагры, Цхалтубо, Боржоми и другие курорты быстро завоевали не только всесоюзную, но и мировую славу. Громадное значение имеют минеральные источники в Тбилиси. По своим физико-химическим свойствам эти источники могут сравниться со знаменитыми пиренейскими водами Западной Европы.

За годы второй пятилетки в курортное хозяйство республики вложено свыше 250 миллионов рублей. В Сурами был открыт единственный в СССР санаторий для детей, больных малярией. В Абастумани создан крупный научно-исследовательский институт, где для комплексного изучения туберкулёза используются тёплые минеральные источники. В последний год перед войной на побережье Чёрного моря открыто ещё 10 новых санаториев.

В годы войны санаторные здания были заняты под госпитали. Прошлым летом на курорты солнечной республики после долгого перерыва вновь приехали отдохнуть люди со всего Союза. Здесь лечились ленинградцы, перенесшие блокаду, офицеры и солдаты, вернувшиеся из Берлина, бывшие партизаны, рабочие и работницы.

ТБИЛИСИ

Столица Советской Грузии раскинулась в горной котловине на берегу Куры. В переводе на русский язык «Тбилиси» значит «тёплые воды». Холодные ветры редки в долине Тбилиси, здесь обычно тёплая зима. До революции Тбилиси был типично восточным городом с узенькими—в полтора метра шириной — улочками, мутными, засорёнными каналами, с огромным контрастом аристократического центра и рабочих окраин. Сегодня школьников водят на экскурсии в старую часть города, где оставлен квартал-заповедник «старого Тбилиси». Молодёжь с удивлением спрашивает:

— Неужели и наша улица была такой же?

Ныне в Тбилиси нет окраин. Самая запущенная в прошлом окраина Ваке превратилась в благоустроенный студенческий городок, где много учебных заведений, кварталы жилых домов.

За 25 лет советской власти у Тбилиси появилось новое лицо. Раньше люди боялись селиться на берегах мутной Куры. Теперь здесь парк с пальмами, платанами, кипарисами, соснами.

Особенно красив вид Тбилиси со склонов древней Сеид-Абадской горы. Сюда хорошо придти ранним летним утром, когда Тбилиси лежит внизу в голубоватой дымке и дома его кажутся особенно стройными и юными. Осенними вечерами город залит тысячами огней.

Люди Тбилиси очень привязаны к своему городу. Они любят его за красоту и годы труда, отданные ему. Трудно хотя бы вкратце рассказать о внутренней жизни и расцвете столицы Грузии. До революции это был торговый город без всякой промышленности. Сейчас здесь станкостроительные заводы, фабрики лёгкой и пищевой промышленности. Особенно выросла промышленность Тбилиси за годы войны, когда сюда приехали и начали работать эвакуированные ленинградские, ростовские, северокавказские заводы. К чести тбилисцев нужно отнести любовное, братское отношение к эвакуированным. Грузины делились с русскими и украинскими братьями пищей, жилищем. Недаром 17-летний ленинградец Пётр Панов написал своей хозяйке, старой грузинке Нине Орбели: «Я никогда не забуду Тбилиси — мою вторую родину, — город, где зелени и солнца так же много, как людского участия и теплоты...»

После войны тбилисцы мечтают о дальнейшей реконструкции города. Студенты думают о новом стадионе, агрономы говорят о цветочном парке в центре столицы, врачи — о более комфортабельных больницах; архитекторы уже вычерчивают проекты новых клубов, дворцов, гостиниц, жилых домов.

* *
*

В феврале 1921 года трудящиеся Грузии под руководством партии большевиков с помощью великого русского народа установили в своей республике советскую власть. За 25 лет Грузия превратилась в один из счастливейших уголков мира, в солнечную жемчужину нашей Родины.

ТЕЛЕГРАММА

Константин Паустовский

Рассказ

Рисунки И. Гринштейна.

Октябрь был наредкость холодный, ненастный. Тесовые крыши почернели. Спутанная трава в саду полегла, и всё доцветал и никак не мог доцвесть и осыпаться один только маленький подсолнечник около забора.

Над лугами тащились из-за реки, цепляясь за облетевшие вётлы, рыхлые тучи. Из них назойливо сыпался дождь. По дорогам уже нельзя было ни пройти, ни проехать, и пастухи перестали гонять в луга стадо.

Пастуший рожок затих до весны. От этого Катерине Петровне стало ещё труднее вставать по утрам и видеть всё то же: тёмные комнаты, где застоялся горький запах нетопленных печей, пыльный «Вестник Европы», пожелтевшие чашки на столе, давно не чищенный самовар и чёрные картины на стенах. Может быть, в комнатах было слишком сумрачно, а в глазах Катерины Петровны уже появилась тёмная вода, а, может быть, картины потускнели от времени, но на них ничего нельзя было разобрать. Катерина Петровна только по памяти знала, что вот эта — портрет её отца, а вот эта — маленькая в золотой раме — подарок Крамского, эскиз к его «Незнакомке в бархатной шубке».

Дом был, как говорила Катерина Петровна, «мемориальный». Он находился под охраной областного музея. Но что будет с этим домом, когда умрёт она, последняя его обитательница, Катерина Петровна не знала.

А в селе — называлось оно Заборье — никого уже, пожалуй, и не было, с кем можно было поговорить о картинах, петербургской жизни, о том незабываемом лете, когда Катерина Петровна жила с отцом в Париже и видела похороны Виктора Гюго. Не расскажешь же об этом Манюшке, дочери соседа, колхозного сапожника, — девчонке, прибегавшей каждый день, чтобы принести воды из колодца, подмести полы, поставить самовар.

Денег не было, и Катерина Петровна дарила Манюшке за услуги сморщенные бальные перчатки, страусовые перья, стеклярусную чёрную шляпу.

— На кой это мне? — хрипло спрашивала Манюшка и шмыгала носом. — Тряпишница я, что ли?

— А ты продай, милая, — шептала Катерина Петровна. Вот уже год, как она ослабела и не могла говорить громко. — Ты продай.

— Сдам в утиль, — решала Манюшка, забирала всё и уходила.

Изредка заходил сторож при пожарном сарае Тихон, суетливый, тощий, рыжий. Он ещё помнил, как отец Катерины Петровны приезжал из Петербурга, строил дом, заводил усадьбу. Тихон был тогда мальчишкой, но почтение к старому художнику сберёг на всю жизнь и, глядя на его картины, громко вздыхал:

— Работа натуральная — не то, что у нынешних!

Тихон суетился всегда без толку, от жалости, но всё же помогал по хозяйству: рубил в саду засохшие яблони, пилил их, колол на дрова. И каждый раз, уходя, останавливался в дверях и спрашивал:

— Не слышно, Катерина Петровна: Настя пишет чего или нет?

Катерина Петровна молчала, сидя на диване — сгорбленная, маленькая, — и всё перебирала какие-то тряпочки в рыжем кожаном ридикюле. Тихон долго сморкался, топтался у порога.

— Ну, что ж, — говорил он, не дождавшись ответа. — Я, пожалуй, пойду, Екатерина Петровна.

— Иди, Тиша, — шептала Катерина Петровна. — Иди, бог с тобой.

Он выходил, осторожно прикрыв дверь, а Катерина Петровна начинала тихонько плакать. Ветер свистел за окнами в голых ветвях, сбивал последние листья. Керосиновый ночник вздрагивал на столе. Он был единственным живым существом в покинутом доме, — без этого слабого огня Катерина Петровна и не знала бы, как дожить до утра. Ночи были уже долгие, тяжёлые, как бессонница, а рассвет чем дальше, тем всё больше медлил, всё запаздывал и нехотя сочился в немытые окна, где между рам ещё с прошлого года лежали поверх ваты когда-то жёлтые, осенние, а теперь истлевшие и грязные листья.

* * *

Настя, её дочь и единственный родной человек, жила далеко, в Ленинграде. Последний раз она приезжала пять лет назад. Катерина Петровна знала, что Насте теперь не до неё, не до зажившейся на свете старухи. У них, у молодых, свои дела, свои непонятные разговоры, своё счастье. Лучше его не смущать. Поэтому Катерина Петровна очень редко писала Насте, но думала о ней все дни, сидя на краешке продавленного дивана, так неслышно, что мышь, обманутая тишиной, выбегала из-за печки, становилась на задние лапки и долго, поводя носом, нюхала застоявшийся воздух.

Писем от Насти не было, но раз в полгода весёлый молодой почтарь Василий приносил Катерине Петровне перевод на двести рублей. Он осторожно придерживал Катерину Петровну за руку, когда она расписывалась, чтобы не расписалась там, где не надо.

Василий уходил, и Катерина Петровна сидела растерянная, с деньгами в руках, и деньги эти казались ей тяжёлыми, как чугунные гирьки. Потом она надевала очки и перечитывала несколько слов на почтовом переводе. Слова были всё одни и те же: столько дел, что нет времени не то, что приехать, а даже написать настоящее письмо.

Катерина Петровна осторожно перебирала пухлые бумажки. От старости она забыла, что деньги эти вовсе не те, какие были в руках у Насти, и ей казалось, что от денег пахнет настиными духами.

Как-то в конце октября, ночью, кто-то долго стучал в заколоченную уже несколько лет калитку в глубине сада.

Катерина Петровна забеспокоилась, долго обвязывала голову тёплым платком, надела старый салоп, впервые за этот год вышла из дому. Шла она долго, ощупью. От холодного воздуха разболелась голова. Позабытые звёзды пронзительно смотрели на неприветливую землю. Палые листья мешали идти.

Около калитки Катерина Петровна тихо спросила: «Кто стучит?» Но за забором никто не ответил.

— Должно быть, почудилось, — сказала Катерина Петровна и побрела назад.

Катерина Петровна молчала, сидя на диване — сгорбленная, маленькая

Она задохлась, остановилась у старого дерева, взялась рукой за холодную, мокрую ветку и узнала, — это был клён. Его она посадила давно, ещё девушкой-хохотушкой, а сейчас он стоял облетевший, озябший, — ему некуда было уйти от этой бесприютной, ветренной ночи.

Катерина Петровна пожалела клён, потрогала шершавый ствол, побрела в дом и в ту же ночь написала Насте письмо.

«Ненаглядная моя, — писала Катерина Петровна. — Зиму эту я не переживу. Приезжай хоть на день. Дай поглядеть на тебя, подержать твои руки. Стара я стала и слаба до того, что тяжело мне не то, что ходить, а даже сидеть и лежать, — смерть забыла ко мне дорогу. Сад сохнет, — совсем уж не тот, да я его и не вижу. Нынче осень плохая. Так тяжело, — вся жизнь, кажется, не была такая длинная, как одна эта осень».

Манюшка, шмыгая носом, отнесла это письмо на почту, долго засовывала его в почтовый ящик и заглядывала внутрь — что там? Но внутри ничего не было видно — одна жестяная пустота.

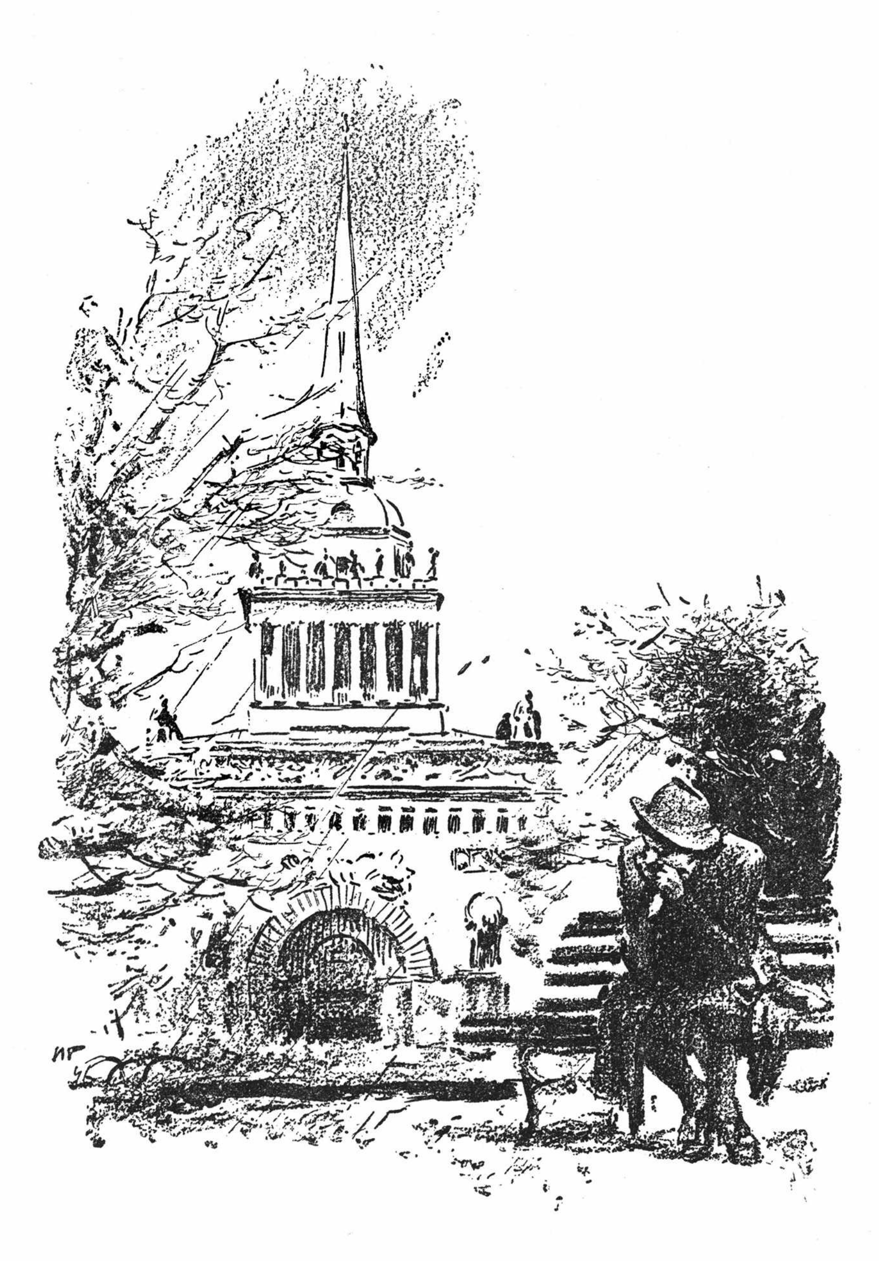
* * *

Настя работала секретарём в Союзе художников. Работы было много. Устройство выставок, конкурсов — всё это проходило через её руки.

Письмо Катерины Петровны Настя получила на службе. Она спрятала его в сумочку, не читая, — решила прочесть после работы. Письма от Катерины Петровны вызывали у Насти вздох облегчения, — раз мать пишет, значит, жива. Но вместе с тем они и раздражали, будто каждое письмо было безмолвным укором.

После работы Насте надо было пойти в мастерскую молодого скульптора Тимофеева, посмотреть, как он живёт, чтобы доложить об этом правлению Союза. Тимофеев жаловался на темноту, холод и вообще на то, что его затирают и не дают развернуться.

Жил Тимофеев на восьмом этаже. Лифта не было. На одной из площадок Настя достала зеркальце, напудрилась и усмехнулась, — сейчас она нравилась самой себе. Художники звали её Сольвейг за русые волосы и большие холодные глаза.

Настя села на скамейку в сквере около Адмиралтейства и горько заплакала.

Открыл ей сам Тимофеев — маленький, решительный, злой. Он был в пальто. Шею он замотал огромным шарфом, а на его ногах Настя заметила дамские фетровые боты.

— Не раздевайтесь, — буркнул Тимофеев. — В шубе — и то замёрзнете. Прошу!

Он провёл Настю по тёмному коридору, поднялся вверх на несколько ступеней и открыл узкую дверь в мастерскую.

Из мастерской пахнуло чадом. На полу около бочки с мокрой глиной коптила керосинка. На станках стояли скульптуры, закрытые сырыми тряпками. За широким окном косо летел снег, заносил туманом Неву, таял в её чёрной воде. Ветер посвистывал в рамах и шевелил разбросанные по полу старые газеты.

— Боже мой, какой холод! — сказала Настя, и ей показалось, что в мастерской ещё холоднее от белых мраморных барельефов, в беспорядке развешанных по стенам.

— Вот, полюбуйтесь! — сказал Тимофеев, пододвигая Насте испачканное глиной кресло. — Непонятно, как я ещё не издох в этой берлоге. А у Першина в мастерской из калориферов дует теплом, как из Сахары.

— Вы не любите Першина? — осторожно спросила Настя.

— Выскочка! — сердито сказал Тимофеев. — Ремесленник! У его фигур не плечи, а вешалки для пальто. Его колхозница — каменная баба в подоткнутом фартуке. Его рабочий похож на неандертальского человека. Лепит деревянной лопатой. А хитёр, милая моя, хитёр как кардинал.

— Покажите мне вашего Гоголя, — попросила Настя, чтобы переменить разговор.

— Перейдите! — угрюмо приказал скульптор. — Да нет, не туда! Вон в тот угол. Так!

Он снял с одной из фигур мокрые тряпки, придирчиво осмотрел её со всех сторон, присел на корточки около керосинки, начал греть руки и сказал:

— Ну вот он, Николай Васильевич! Теперь прошу!

Настя вздрогнула. Насмешливо, зная её насквозь, смотрел на неё остроносый сутулый человек. Настя видела, как на его виске бьётся тонкая склеротическая жилка.

«А письмо-то в сумочке нераспечатанное, — казалось, говорили сверлящие гоголевские глаза. — Эх ты, сорока!»

— Ну что? — спросил Тимофеев. — Серьёзный дядя, да?

— Замечательно! — с трудом ответила Настя. — Это действительно превосходно.

Тимофеев горько засмеялся.

— Превосходно! — повторил он. — Все говорят: «Превосходно!» И Першин, и Матьяш, и всякие знатоки из всяких комитетов. А толку что? Здесь превосходно, а там, где решается моя судьба, как скульптора, там тот же Першин только неопределённо хмыкает — и готово. А Першин хмыкнул, — значит, конец! Ночи не спишь! — крикнул Тимофеев и забегал по мастерской, топая ботами. — Ревматизм в руках от ледяной мокрой глины. Три года читаешь каждое слово о Гоголе. Свиные рыла снятся!

Тимофеев поднял со стола груду книг, потряс ими в воздухе и с силой швырнул обратно. Со стола полетела гипсовая пыль.

— Это всё о Гоголе! — сказал он и вдруг успокоился. — Что? Я, кажется, вас напугал? Простите, милая, но, ей богу, я готов драться.

— Ну что ж, будем драться вместе, — сказала Настя и встала.

Тимофеев крепко пожал руку, и она ушла с твёрдым решением вырвать во что бы то ни стало этого талантливого человека из одиночества и безвестности.

Настя вернулась в Союз, прошла к председателю и долго говорила с ним, горячилась, доказывала, что нужно сейчас устроить выставку работ Тимофеева. Председатель постукивал карандашом по столу, что-то долго прикидывал и в конце концов согласился.

Настя вернулась домой, в свою старинную комнату на Мойке, с лепным золочёным потолком, и только тогда прочла письмо Катерины Петровны.

— Куда там ехать! — сказала она и встала. — Разве отсюда вырвешься.

Она подумала о переполненных поездах, пересадке на узкоколейку, тряской телеге, засохшем саде, неизбежных материнских слезах, о тягучей, ничем не скрашенной скуке сельских дней — и положила письмо на дно ящика в письменный стол.

Две недели Настя возилась с устройством выставки Тимофеева. Несколько раз за это время она ссорилась и мирилась с неуживчивым скульптором. Тимофеев отправлял на выставку свои работы с таким видом, будто обрекал их на уничтожение.

— Ни черта у вас не получится, дорогая моя, — со злорадством говорил он Насте, будто она устраивала не его, а свою выставку. — Зря я только время трачу, честное слово.

Настя сначала приходила в отчаяние и обижалась, пока не поняла, что все эти капризы не стоят медного гроша, что они наиграны и в глубине души Тимофеев очень рад своей будущей выставке.

Выставка открылась вечером. Тимофеев злился и говорил, что нельзя смотреть скульптуры при электричестве.

— Мёртвый свет! — ворчал он. — Убийственная скука. Керосин — и то лучше.

— Какой же свет вам нужен, невозможный вы тип! — вспылила Настя.

— Свечи нужны! Свечи! — страдальчески закричал Тимофеев. — Как же можно Гоголя ставить под электрическую лампу? Абсурд!

* * *

На открытии были скульпторы, художники. Непосвящённый, услышав разговоры скульпторов, не всегда мог бы догадаться, хвалят ли они работы Тимофеева или ругают. Но Тимофеев понимал, что выставка удалась.

Седой вспыльчивый художник — его боялись за беспощадность оценок — подошёл к Насте и похлопал её по руке:

— Благодарю. Слышал, что это вы извлекли Тимофеева на свет божий. Прекрасно сделали. А то у нас, знаете ли, много болтающих о внимании к художнику, о заботе и чуткости, а как дойдёт до дела, так часто натыкаешься на пустые глаза. Ещё раз — благодарю.

Началось обсуждение. Говорили много, хвалили, горячились, и мысль, брошенная старым художником о внимании к человеку, к молодому незаслуженно забытому скульптору, повторялась в каждой речи.

Тимофеев сидел нахохлившись, рассматривал паркет, но всё же искоса поглядывал на выступавших, не зная, можно ли им верить или пока ещё рано.

В дверях появилась курьерша из Союза — добрая и бестолковая Даша. Она делала Насте какие-то знаки. Настя подошла к ней, и Даша, ухмыляясь, подала ей телеграмму.

Настя вернулась на своё место, незаметно вскрыла телеграмму, прочла и ничего не поняла:

«Катя помирает. Тихон».

«Какая Катя? — растерянно подумала Настя. — Какой Тихон? Должно быть, это не мне».

Она посмотрела на адрес, — нет, телеграмма была ей. Только тогда она заметила тонкие печатные буквы на бумажной ленте: «Заборье».

Настя скомкала телеграмму, нахмурилась. Выступал Першин.

— В наши дни, — говорил он, покачиваясь и придерживая очки, — забота о человеке становится той прекрасной реальностью, которая помогает нам расти и работать. Я счастлив отметить и в нашей среде, в среде скульпторов и художников, проявление этой заботы. Я говорю о выставке работ товарища Тимофеева. Этой выставкой мы целиком обязаны —да не в обиду будет сказано нашему руководству — одной из рядовых сотрудниц Союза, нашей милой Анастасии Семёновне.

Першин поклонился Насте, и все зааплодировали. Аплодировали долго. Настя смутилась до слёз.

Кто-то тронул сзади её за руку. Это был старый вспыльчивый художник.

— Что, — спросил он шопотом и показал глазами на скомканную в руке Насти телеграмму. — Ничего неприятного?

— Нет, — ответила Настя. — Это так... От одной знакомой...

— Ага! — пробормотал старик и снова стал слушать Першина.

Все смотрели на Першина, но чей-то взгляд, тяжёлый и пронзительный, Настя всё время чувствовала на себе и боялась поднять голову. «Кто бы это мог быть? — подумала она. — Неужели кто-нибудь догадался? Как глупо. Опять расходились нервы».

Она с усилием подняла глаза и тотчас отвела их: Гоголь смотрел на неё, усмехаясь. На его виске как будто тяжело билась тонкая склеротическая жилка. Насте показалось, что Гоголь тихо сказал сквозь стиснутые зубы:

— Эх, ты!

Настя быстро встала, вышла, торопливо оделась внизу и выбежала на улицу.

Валил водянистый снег. На Исаакиевском соборе выступила серая изморозь. Хмурое небо всё ниже и ниже опускалось на город, на Настю, на Неву.

«Ненаглядная моя, — вспомнила Настя недавнее письмо.— Ненаглядная!»

Настя села на скамейку в сквере около Адмиралтейства и горько заплакала. Снег таял на лице, смешивался со слезами.

Настя вздрогнула от холода и вдруг поняла, что никто её так не любил, как эта дряхлая, брошенная всеми старушка, там, в скучном Заборье.

— Теперь уже поздно, — сказала Настя, встала и медленно пошла к себе на Мойку.

* * *

Тихон пришёл на почту, пошептался с почтарём Василием, взял у него телеграфный бланк, повертел его и долго, вытирая рукавом усы, что-то писал на бланке корявыми буквами. Потом осторожно сложил бланк и поплёлся к Катерине Петровне.

Катерина Петровна не вставала уже десятый день. Ничто не болело, но обморочная слабость давила на грудь, на голову, на ноги, и трудно было вздохнуть.

Манюшка шестые сутки не отходила от Катерины Петровны. Ночью она, не раздеваясь, спала на продавленном диване, укрывалась старенькой, облезлой шубкой. Иногда Манюшке казалось, что Катерина Петровна уже не дышит. Тогда она начинала испуганно хныкать и звала:

— Бабка? А бабка? Ты живая?

Катерина Петровна шевелила рукой под одеялом, и Манюшка успокаивалась.

В комнатах с самого утра стояла по углам ноябрьская темнота, но было тепло: Манюшка топила печку. Когда весёлый огонь освещал бревенчатые стены, Катерина Петровна осторожно вздыхала, — от огня комната делалась уютной, обжитой, какой она была давным-давно, ещё при Насте. Катерина Петровна закрывала глаза, и из них выкатывалась и скользила по жёлтому виску, запутываясь в седых волосах, одна-единственная слезинка.

Пришёл Тихон. Он кашлял, сморкался и, видимо, был взволнован.

— Что, Тиша? — бессильно спросила Катерина Петровна.

— Похолодало, Катерина Петровна! — бодро сказал Тихон и с беспокойством посмотрел на свою шапку. — Снег скоро выпадет. Оно к лучшему. Дорогу морозцем собьёт, — значит, и ей будет способнее ехать.

— Кому? — Катерина Петровна открыла глаза и сухой рукой начала судорожно гладить одеяло.

— Да кому же другому, как не Настасье Семёновне, — ответил Тихон, криво ухмыляясь, и вытащил из шапки телеграмму, — кому, как не ей.

Катерина Петровна хотела подняться, но не смогла, снова упала на подушку.

— Вот, — сказал Тихон, осторожно развернул телеграмму и протянул её Катерине Петровне.

Но Катерина Петровна не взяла её, а всё так же умоляюще смотрела на Тихона.

— Прочти, — сказала Манюшка хрипло. — Бабка уже читать не умеет. У неё слабость в глазах.

Тихон испуганно огляделся, поправил ворот, пригладил редкие рыжие волосы и глухим, неуверенным голосом прочёл: «Дожидайтесь выехала остаюсь всегда любящая дочь ваша Настя».

— Не надо, Тиша, — тихо сказала Катерина Петровна. — Не надо, милый. Бог с тобой. Спасибо тебе за доброе слово, за ласку.

Катерина Петровна с трудом отвернулась к стене, потом как будто уснула.

Тихон сидел в холодной прихожей на лавочке, курил, опустив голову, сплёвывал и вздыхал, пока не вышла Манюшка и не поманила его в комнату Катерины Петровны.

Тихон вошёл на цыпочках и всей пятернёй отёр лицо, — Катерина Петровна лежала бледная, маленькая, как будто безмятежно уснувшая.

— Не дождала, — пробормотал Тихон, — приняла вечное успокоение. Эх, горе её горькое, страданье неописанное. А ты смотри, дура, — сказал он сердито Манюшке, — за добро плати добром, не будь пустельгой. Сиди здесь, а я сбегаю в сельсовет, доложу.

Он ушёл, а Манюшка сидела на табурете, подобрав рваные коленки, тряслась и смотрела, не отрываясь, на Катерину Петровну.

* * *

Хоронили Катерину Петровну на следующий день. Подморозило. Выпал тонкий снежок. День побелел, и небо было сухое, светлое, но серое, будто над головой протянули вымытую, подмёрзшую холстину. Дали за рекой стояли сизые, от них тянуло острым и весёлым запахом снега, схваченной первым морозом ивовой коры.

На похороны собрались старухи и ребята. Гроб на кладбище несли Тихон, Василий и два брата Малявины — оба робкие старички, будто заросшие чистой паклей. Манюшка с братом Володькой несла крышку гроба и смотрела, не мигая, перед собой.

Кладбище было за селом, над рекой. На нём росли высокие, жёлтые от лишаёв вербы.

По дороге встретилась учительница. Она недавно приехала из областного города и никого ещё в Заборье не знала.

— Учительша идёт, учителька! — зашептали мальчишки.

Учительница была молоденькая, застенчивая, совсем ещё девочка. Она увидела похороны и робко остановилась, испуганно посмотрела на маленькую старушку в гробу, на лицо которой падали и не таяли колкие снежинки. Там, в областном городе, у учительницы осталась мать — вот такая же маленькая, вечно взволнованная заботами о дочери и такая же совершенно седая. Учительница постояла и медленно пошла вслед за гробом. Старухи оглядывались на неё, шептались, что вот, мол, тихая какая девушка и ей трудно будет первое время с ребятами, — уж очень они в Заборье самостоятельные и озорные.

Учительница, наконец, решилась и спросила одну из старух, бабку Матрёну:

— Одинокая, должно быть, была эта старушка?

— И-и, мила-ая, — тотчас запела Матрёна, — почитай, что совсем одинокая. И такая задушевная была, такая сердечная. Всё, бывало, сидит и сидит у себя на диванчике одна, — не с кем слово сказать, такая жалость! Есть у неё в Ленинграде дочка, да, видно, высоко залетела. Так вот и померла без людей, без сродственников.

На кладбище гроб поставили около свежей могилы. Старухи кланялись гробу, утирали глаза концами тёмных платков. Учительница подошла к гробу, наклонилась и поцеловала Катерину Петровну в иссохшую, жёлтую руку. Потом быстро выпрямилась, отвернулась и пошла к разрушенной кирпичной ограде.

За оградой, в лёгком перепархивающем снегу, лежала любимая, чуть печальная родная земля.

Учительница долго смотрела, слушала, как за её спиной переговаривались старики, как стучала по крышке гроба земля и далеко по дворам кричали разноголосые петухи, — предсказывали ясные дни, лёгкие морозы, зимнюю тишину.

ЗАМЕТКИ О НАШИХ ЖЕНЩИНАХ

Елена Кононенко

Рисунки В. Высоцкого

1. МАТЕРИНСКАЯ СИЛА

Полина Тарасовна Маслич живёт в Запорожье. На войне погиб её сын Евгений. Полина Тарасовна прислала офицерам и бойцам части 37386 письмо:

«К вам, дорогие, обращаюсь: сделайте для меня, для матери, вот что: Женичка похоронен в селе Вильонец Заторского района. Найдите, если сможете, могилу моего сына, приметьте её, положите камень, сделайте надпись, чтобы дождь не смыл. Я приеду его проведать, как только можно будет. Поклонитесь женичкиной могиле вместо меня. Второй листочек пишу для сына, если его могила близко, положите листочек, прочтите ему, это будет моя клятва. Не поленитесь, родные, исполните просьбу матери.
До свидания. Полина Тарасовна Маслич».

Воины нашли могилу и всё сделали, как велела мать. Они не были мистиками, они знали, что Евгений ничего не может услышать, но они уважали просьбу матери. Над могилой молодого бойца прочли громко:

«Женичка, сын мой родной! Нас было трое: папа, ты и я. Война разлучила нас. Отец ушёл на фронт. Дошёл до Немана и погиб. Настал черёд тебе идти. Ты пошёл, ты был примерным воином, нёс смерть врагам. Но вот пуля тебя сразила. Знай, сынок мой милый, я не склонила голову перед несчастьем. Ты вечно будешь жить со мной, Женичка, и это даст мне силы воспитывать других детей — верных сынов Родины, — чтобы и они были такие, как ты, и так любили Советскую страну, как ты. Твоя мама».

2. НЕВЕСТА

Иван Миргородский и Нина Бутенко полюбили друг друга ещё в школьные годы. Вместе окончили десятилетку. Война. Расстались женихом и невестой. Писали горячие, нежные письма, мечтали о победе, терпеливо ждали друг друга.

— У меня есть жених, — гордо говорила Нина, — он на фронте.

А потом письма перестали приходить. Нина мучилась, наводила справки. Иван исчез. И вдруг случайно Нина узнала, что Иван жив. Он слепой. Он написал общему другу, что никогда не вернётся домой и никогда не напишет Нине, потому что ослеп... Адрес скрыл.

И Нина в отчаянии пишет в редакцию «Правды» письмо, горячо просит всех читателей, всех граждан Советского Союза найти ей слепого друга Ивана Ефимовича Миргородского, уроженца села Новая Прага, Кировоградской области.

«Я надеюсь, что тот, кто знает адрес Вани, напишет мне. Ведь газету читают все люди нашей великой страны, не может же быть, чтобы никто не знал что-нибудь о Ване. Может быть, даже кто-нибудь из читателей находится возле него. Поговорите с ним, убедите его, скажите ему, что я его не забыла, что я буду его глазами, скажите ему, что так нельзя, что это не великодушно, а жестоко с его стороны, скажите ему, что я буду с ним до конца жизни».

Адрес этой девушки: Измаильская область, Суворовский районо.

3. РОДНАЯ КРОВЬ

За время Великой Отечественной войны Москва дала фронту для спасения раненых воинов тысячи литров крови. Все дни войны ежесуточно самолёты мчались на передовые позиции с драгоценными ящиками, наполненными банками с кровью. Она спасла миллионы жизней. С какой радостью женщины отдавали свою кровь для спасения воинов! Кто эти женщины? Работницы, учительницы, инженеры, актрисы, домашние хозяйки.

Домашняя хозяйка Ерёменко около ста раз дала свою кровь для спасения раненых бойцов. Кто такая Ерёменко? Скромная, незаметная женщина, мать, домашняя хозяйка. Её муж в первые же дни войны ушёл на фронт. Ерёменко отдала 60 литров крови.

Много человеческих жизней спасла эта скромная женщина. Вот бы знать и записать все случаи, когда кровь Ерёменко возродила к жизни воинов! А случаи бывали глубоко впечатляющие.

Маруся Коваль, работница завода «Серп и молот», сдавала кровь двадцать три раза. Однажды она получила такое письмо с фронта:

«Дорогая Маруся Коваль! Сегодня мы переливали вашу кровь отважной 18-летней девушке Марфуше, которая спасла жизнь сержанту Харитонову Дмитрию Фёдоровичу. Он сапёр. Разминировал участок, густо усеянный немецкими минами. Взорвалась мина, обожгла ему лицо. Он потерял зрение и упал. Марфуша пряталась в лесу от немцев. Увидя израненного бойца, Марфуша, рискуя быть замеченной, вынесла его на своих руках и доставила в часть. На обратном пути Марфуша сама наступила на мину — у неё была оторвана стопа. В тяжёлом состоянии Марфушу доставили в медсанбат, она потеряла много крови, умирала, но после переливания вашей крови, дорогая Маруся, состояние улучшилось, её можно было оперировать. Марфуша и спасённый ею сержант Харитонов лежат в нашем медсанбате. Они просят передать вам благодарность. Желаю и я вам, дорогая Маруся, здоровья. Спасибо!

Врач И. Диканский. Полевая почта 28689».

4. СПАСИТЕЛИ ДЕТСКИХ ЖИЗНЕЙ

Ленинградский государственный педиатрический институт — это отважная, талантливая семья спасителей детских жизней. Вдохновитель и организатор этой семьи — доктор медицинских наук, старый профессор Юлия Ароновна Менделева.

Я пишу — старый профессор... Но видели бы вы глаза этой женщины-большевички (она член Всесоюзной Коммунистической партии большевиков с 1905 года); старые большевики помнят «товарища Наташу», работавшую в военной организации Петербургского комитета РСДРП большевиков, неизменную участницу конспиративных собраний, пропагандиста коммунистических идей.

Видели бы вы юные, живые глаза этой женщины, видели бы вы, каким ураганом носится она по огромной территории института, заглядывая во все его уголки! На груди орден Трудового Красного Знамени, орден Красной Звезды, медали...

Институт, возглавляемый профессором Менделевой, — совершенно замечательное учебное и научно-исследовательское заведение. Это целый городок. Здесь размещены теоретические кафедры, лаборатории, анатомический корпус, институтские клиники по всем детским болезням, клиники акушерства и гинекологии.

На территории институтских владений имеется клиника и «здоровая», как её зовёт Юлия Ароновна. Это физиологический стационар, а попросту говоря, «дом малютки». Здесь живут малые сироты. Их растят по всем правилам медицины. Я была в этом радостном, солнечном доме, видела крепких смышлёных бутузов с живыми глазами, с румяными щеками, с хорошо развитыми мускулами.

Вот мы с Юлией Ароновной зашли в хирургическое отделение, где немало детей — жертв войны. Как здесь славно, уютно! Для ребятишек, вынужденных лежать в гипсе, открыта школа.

Дети просияли, когда в палату вошла Юлия Ароновна. Так встречают любимого, родного человека.

В клинике недоношенных детей температура теплицы. Младенцы лежат в грелках, в специальных ваннах, стены которых внутри согреваются горячей водой. Нелёгкое дело — вырастить таких ребятишек. Сестра собиралась кормить из пипетки ребёнка. Она бережно, словно хрупкую драгоценность, подняла малютку. Это было что-то невероятно миниатюрное. Неужели это существо — человек? Неужели оно будет жить?!

— Ничего, ничего, — весело сказала Юлия Ароновна, — Наполеон, Ньютон и многие другие тоже были недоношенными! — и она наклонилась над ванной, откуда доносился едва слышный писк.

* * *

Заметки о наших женщинах, о моральной их силе и чистоте я бы могла продолжить. Но скажу только несколько слов о том, как выглядели наши женщины на Всемирном женском антифашистском конгрессе, что недавно состоялся в Париже. Там были сорок две советские женщины разных профессий. Я заметила, что простота и женственность делегаток Советского Союза в сочетании с боевыми орденами на груди произвели большое впечатление на иностранцев.

Вот и сейчас: зажмурю глаза и вижу задорную метростроевку, депутата Верховного Совета Татьяну Фёдорову, окружённую испанками, болгарками, чешками, венгерками, индусками, китаянками, негритянками. Она запевает «Москва моя...» Вижу смущённое лицо женщины-генерала Зинаиды Троицкой, которую атакуют фотокорреспонденты всех стран. Вижу полную достоинства трактористку, ныне депутата Верховного Совета СССР, Дашу Гармаш, непринуждённо разговаривающую с английскими и американскими учёными.

Вижу актрису Веру Петровну Марецкую, которая все свои маленькие покупки-сувениры, которые мы делали в Париже, озабоченно собирает для своей будущей роли Манон Леско. И её же вижу в торжественную «минуту молчания» на конгрессе. Француженка доктор физики мадам Коттон предложила, вспоминая погибших борцов с фашизмом, соблюсти минуту молчания. Женщины всех национальностей, всех политических партий, стоя плечом к плечу, тихо плакали... Напротив меня стояла актриса Марецкая. Она всхлипывала откровенно, горько, утирая свои глаза рукавом, как русская крестьянка.

Вижу профессора, лауреата Сталинской премии, Зинаиду Ермолаеву, которая тащит коробку с живыми мышками, заражёнными раком, — мышками, необходимыми для научных исканий. О, как она дрожала, что они замёрзнут на самолёте.

То вдруг вспомнится Клавдия Ивановна Кирсанова, наш заслуженный лектор-пропагандист, вдова покойного Емельяна Ярославского... Самолёт летит домой, в Москву... Утомлённые тяжёлым перелётом, все дремлют. А она передвигается по самолёту, укутывает ноги трактористке Даше Гармаш, которая плохо себя чувствует в воздухе, подкладывает что-то мягкое под голову Гориневской...

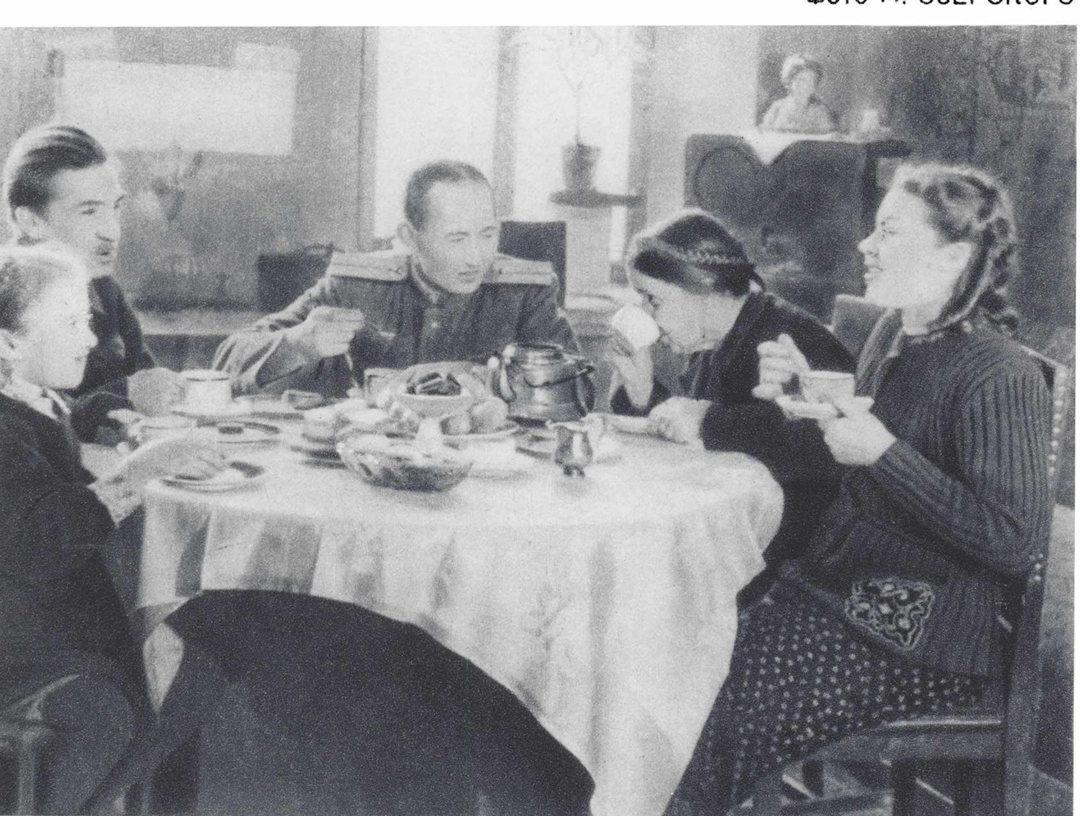
И ясно, ясно вижу Нину Васильевну Попову, председательницу Антифашистского комитета советских женщин... Она сидит в президиуме конгресса среди представительниц всех стран мира. Она одна из основных организаторов конгресса. Я знаю, что она не спала уже трое суток, но нет ни тени усталости на её скромном, застенчивом лице...

Ю. Ерёмин. Пейзажи Грузии. На берегу моря. Гагры.

ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ

Фото М. ОЗЕРСКОГО

На этой странице изображены будни обычной советской трудовой семьи. Это семья военного инженера старшего техника-лейтенанта Михаила Николаевича Прусова.

В воскресенье за утренним чаем вместе собираются Михаил Николаевич, его жена — Ирина Александровна, их 8-летняя дочь Лёля, её дедушка и бабушка — Александр Васильевич и Александра Ивановна.

День отдыха мама, папа и Лёля проводят на свежем воздухе. Семья Прусовых часто совершает прогулки на лыжах в Сокольниках.

Лёля учится во 2 классе 172 школы. Девочка усердно занимается.

Лёля увлекается самодеятельным искусством и выступает на всех школьных вечерах.

Чтение — любимый вид отдыха в семье Прусовых. Михаил Николаевич и Ирина Александровна с малых лет прививают Лёле любовь к книге.

ПОЁТ ОБУХОВА...

Н. Волков

Творчество Надежды Андреевны Обуховой равно составляет славу и русского музыкального театра и русского концертного зала. Оперная артистка и камерная певица дополняют друг друга. Мощное и глубокое меццо-сопрано Обуховой — это поистине «красавец голос». Но не только и не столько роскошью звука или мастерством исполнения привлекает Обухова сердца слушателей. Обаяние её пения таится в его необычайной душевности, в искренности и силе переживаний. Обухова поёт не потому, что это её профессия, а потому, что это — её призвание. Она поёт, как дышит, — легко, свободно, привольно.

В её искусстве щедрость большого художника. Обухова идёт со своими песнями к людям для того, чтобы сделать их жизнь богаче, наряднее и содержательней. И оттого такими восторженными рукоплесканиями гремит вокруг неё воздух. А в годы Великой Отечественной войны, когда Обухова много выступала по радио и звуки её голоса долетали до огневых линий фронта, сколько благодарных писем в скромных конвертах со штемпелем «полевая почта» приходило в адрес Надежды Андреевны в Москву!

В истории русской оперы Обухова занимает почётное место одной из неповторимых исполнительниц основных ролей репертуара меццо-сопрано. За 20 лет пребывания на сцене московского Большого театра она создала свою собственную обуховскую галерею, в которую включены многие вокальные портреты, созданные певицей в операх русских и иностранных композиторов-классиков. Обухова выходит на сцену всегда с ощущением того, что сегодня она вступает в какой-то новый для неё мир.

Про неё не скажешь, что она просто выступает: играя, она переселяется в страну вымысла. Так широки крылья у её воображения, и на них она переносится и в Египет «Аиды» и в библейский мир, где Далила обольщает Самсона.

Но всего сильнее и ярче проявляется у Обуховой этот дар перевоплощения, когда она участвует в близких её душе русских операх, когда перед ней расстилаются просторы её родины, овеянные поэзией сказок, пронизанные рокочущими струнами былинников, когда «преданья старины глубокой» развивают перед ней свой длинный свиток. И тогда образы русских женщин, спетых Обуховой, становятся «исповедью горячего сердца», теми путями-дороженьками, какие в холод и зной исходили по широким просторам её героини.

Была ли Обухова Любавой в «Садко» или Любашей в «Царской невесте», она всегда пела любовь, страсть, тоску-кручину. Она всегда была охвачена пожаром бушующих в её груди чувств. И, слушая её пение, невольно забывалось, что вы сидите в золото-алом зале Большого театра, что это вообще театр, что это двадцатый век.

Такой же яркой звукописью проникнуто и концертное пение Обуховой. Поёт ли она на своих вечерах оперные арии или классические романсы Чайковского и Рахманинова, или старинный цыганско-русский напев, или безыскусственную «Не брани меня, родная»,— всё равно у Обуховой это превращено в совершенные миниатюры, всё это сама жизнь, но рассказанная языком музыки.

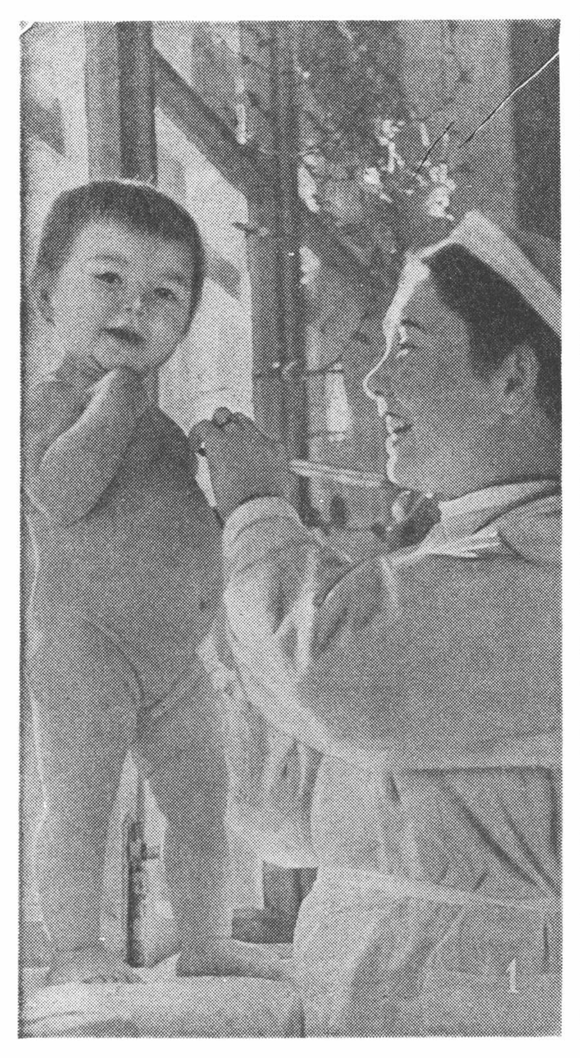
«Мы сидели с тобой у заснувшей реки», — поёт Обухова, и перед глазами слушателей встаёт летний задумчивый вечер, тихо журчит сонная вода и рисуются силуэты тех давным-давно живших людей, между которыми возникали и рвались нити сердечной близости. Но вот Чайковский сменился баркароллой, русский пейзаж заслонился уже «венецианской ночью», и в звуках пения вам слышатся не только слова, но и заглушенный плеск весла узкой гондолы. А в песнях-танцах, в вальсах, танго или тарантеллах, голос Обуховой не только поёт, но и танцует. И кажется, что в воздухе кружатся несуществующие танцоры и в безупречном ритме проносятся пляшущие пары.

Поёт Обухова и на других языках: по-французски, по-итальянски, по-испански. И опять удивляешься не безукоризненности её произношения, а самому чувству языка, тому, как умеет эта исконная русская певица придавать своим интонациям иную, национальную окраску, как ощущает дыхание того народа, чью музыку она исполняет. Иной темперамент, иная поступь, но в глубине исполнения всё та же прекрасная человечность, которой посвящено искусство Обуховой.

Лауреат Сталинской премии народная артистка СССР Надежда Андреевна Обухова.

Фото Дм. Бальтерманц

ДОЧЕРИ УЗБЕКИСТАНА

Текст Т. Квитко

Фото Г. Зельма

Представляете ли вы себе, как выглядит мир, если глядеть на него сквозь чёрную сетку? Представьте это себе на мгновение. Тёмная завеса падает на лицо — и сразу блёкнет ослепительная голубизна неба, теряет свою свежесть яркая гамма цветов на лужайке, тускнеет солнце...

Нурхон — имя узбечки, которая одна из первых сбросила паранджу. У неё было сильное сердце, у Нурхон, — сердце орлёнка. У неё была прекрасная душа — душа художника. Птица не терпит пут, творец не терпит цепей. Артистка Нурхон порвала цепи и погибла от рук фанатиков. Но огонь, который загорелся в её открытых миру глазах, — этот огонь передался сотням узбекских женщин, разбудил в них жажду к жизни, к свету, к солнцу, стремление свободно двигаться, дышать, творить. Мы помним дни, когда на площадях городов и кишлаков Узбекистана дымились костры. Женщины снимали с себя чачваны — сплетённые из конского волоса сетки — и бросали их в костры. Они сжигали своё прошлое. Они прокладывали себе путь в будущее.

Старики-узбеки говорят: кто сорвал розу свободы, тот не обронит её лепестков. Всего два десятка лет прошло с тех пор, как Нурхон бросила вызов старому свету и вопреки адату стала артисткой. Но как изменилась за эти годы жизнь узбекской женщины!

Птица вырвалась на свободу. Птица расправила крылья, и мир во всём его богатстве представился её глазам.

Познакомимся с женщинами сегодняшнего Узбекистана.

1. Вот одна из них. Не надо быть большим психологом, чтобы, взглянув на этот снимок, сказать:

— Так улыбаться при взгляде на годовалого крепыша может только человек, который по-настоящему любит своих маленьких пациентов, любит свой благородный труд. И недаром женщины-матери, приносящие своих детей в консультацию, что на окраине Ташкента, называют врача Хурию Муноварову «доктор-апа» — «доктор-сестра», Муноварова для них — советчица, сестра, друг. Она помогает растить здоровых детей.

2. Назиру Нигматуллаеву учащиеся школы ФЗО текстильщиков называют «муалима» — «учительница». Эта миловидная молодая женщина с глазами, в которых живёт мысль, — инженер-текстильщик. У неё под началом 600 учащихся. Сотни девушек за годы войны выучились у Назиры работе на сложных ткацких машинах.

3. Иными интересами живёт Динара Кары-Ниязова, и интересы её разнообразны. Талантливая пианистка, она учится на четвёртом курсе Ташкентской консерватории. А в Среднеазиатском университете её знают и как способную студентку восточного факультета.

4. Отсюда, из стен этого университета, вышли сёстры Арифхановы. Старшая, Мукаррам, — доктор естественных наук, младшая, Манзура, (видите её на снимке у доски) — кандидат физико-математических наук. Крестьянские дочери стали людьми науки.

5. Ещё одна крестьянская дочь — государственный деятель. «Госпожа заместитель президента республики» — так называют Пашшу Махмудову приезжающие в Узбекистан иностранцы. «Друг простых людей» — так называют её земляки. О ней можно много говорить. Рассказать о том, как в 11 лет Пашша уже работала на бая-кулака; как тринадцати лет она вступила в колхоз и как звено её — из таких же девчонок, как и она сама,—неожиданно для всех вырастило самый высокий в колхозе урожай; как в далёком Хорезме прокладывали канал, чтобы дать жизнь бесплодным землям, и стройная длиннокосая девушка — начальник строительства — вдохновляла изнемогающих от жары и жажды землекопов. И люди, для которых она находила какие-то особые, рождённые сердцем слова, забывали об усталости, с новой силой брались за работу; как... Но в десяток строк жизнь Пашши Махмудовой не уложишь... Скажем только: 10 февраля она избрана депутатом Верховного Совета СССР.

Пашшу Махмудову мы застали, как видите, за очень серьёзным делом; на снимок попало только четверо её детей; пятый, к сожалению, ещё очень мал, чтобы понимать толк в сказках, он спит в своей люльке.

6. Пашша Махмудова баллотировалась в родном Хорезме. А за сотни километров от Хорезма — в чудной Ферганской долине — депутатом Верховного Совета СССР избрана её сестра по духу и стремлениям — Турсун-ой Каримова. Лицо Турсун-ой вам незнакомо, но голос её вы могли слышать. Это она в 1942 году, выступая на Всесоюзном антифашистском митинге женщин, обратилась к женщинам всего мира с пламенным призывом помогать, не зная отдыха, в борьбе против немецких захватчиков. И это её, совсем юную девушку, в суровые годы войны избрали председателем колхоза «Сталинчи» («Сталинец»), одного из крупнейших в Ленинском районе, Андижанской области. Как хозяйничает Турсун-ой? А вот как: в 1945 году колхоз сдал государству до 30 центнеров хлопка с гектара — почти втрое больше, чем было намечено по плану.

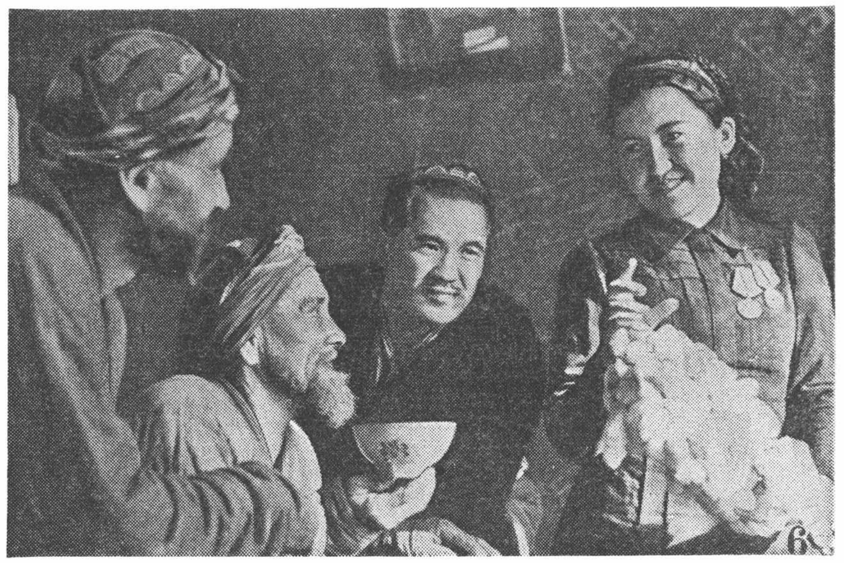
7. Вместе с Пашшой Махмудовой и Турсун-ой Каримовой депутатом Верховного Совета избрана Сара Ишантураева (на снимке она с народным артистом Узбекской ССР Уста-Алым). Много лет назад маленькая девочка Сара случайно попала в театр. Девочка увидела на сцене шайтана — чорта — и так испугалась, что убежала из театра. От «чорта» она спаслась (впрочем, потом этот «чорт» — народный артист СССР Абрар Хидоятов — стал её мужем), но театр на всю жизнь пленил Сару... Нурхон погибла от ножа убийцы. Прекрасным венком на её могилу является вдохновенное творчество народной артистки республики Сары Ишантураевой, создательницы образа Офелии на узбекской сцене.

8. Перед художницей Шамерой Хасановой с детства открылись все дороги к счастью, к творчеству. Нам этот снимок кажется глубоко символичным. Разве не знаменательно то, что узбекская женщина, глядевшая на мир сквозь чёрную сетку паранджи, ныне переносит на полотно великолепие его красок!

9. Инженер и врач, государственный деятель и учёный, пианистка и хлопковод, артистка, и художница... Прекрасная судьба прекрасных советских женщин! А время не ждёт — и новые сотни молодых узбекских девушек спешат присоединить свою судьбу к судьбе Хурии, Назиры, Турсун-ой, к судьбе Пашши и Сары.

Вот выходит из стен института весёлая студенческая семья. Сколько радости принесут эти девушки своей семье, сколько пользы — отечеству, сколько дорог перед ними открыто!..

5

6

7

8

9

ИЗ ЗАЛА СУДА

На процессе главных немецких военных преступников в Нюрнберге

Фото А. Капустянского, В. Тёмина и корреспондента ТАСС Е. Халдея

Общий вид здания, где заседает Международный Военный Трибунал

На заседании Международного Военного Трибунала. Судьи — представители четырёх держав.

Советская охрана у входа в здание Международного Военного Трибунала.

Главные обвинители тов. Руденко (СССР) и г-н Джексон (США).

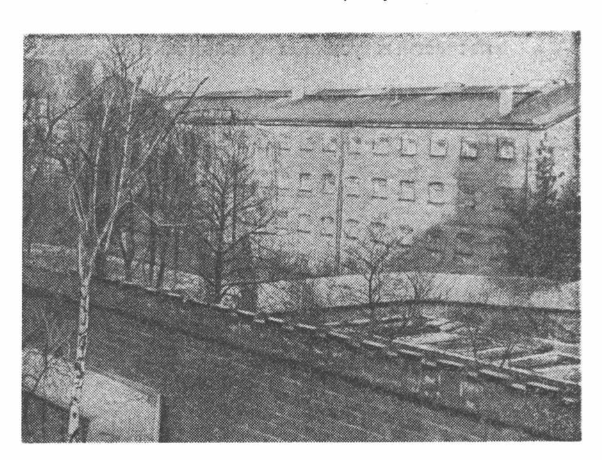
Последовательно, детально и тщательно государственные обвинители четырёх союзных держав раскрывают на процессе всю преступную деятельность верхушки гитлеровской банды. С неослабным вниманием народы Советского Союза следят за заседаниями Международного Военного Трибунала. На этих страницах помещены снимки из зала суда.

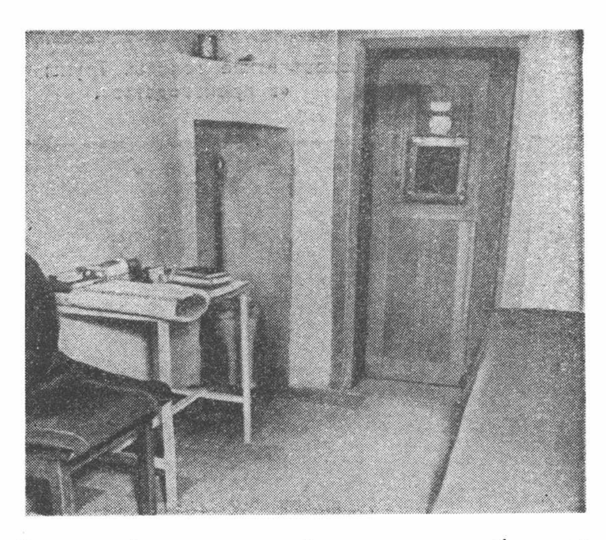
Засушенная голова человека, казнённого в концлагере Бухенвальд. Представители обвинения демонстрировали эту голову на заседании Международного Военного Трибунала.

Места для гостей. В первом ряду, второй справа, тов. А. Я. Вышинский.

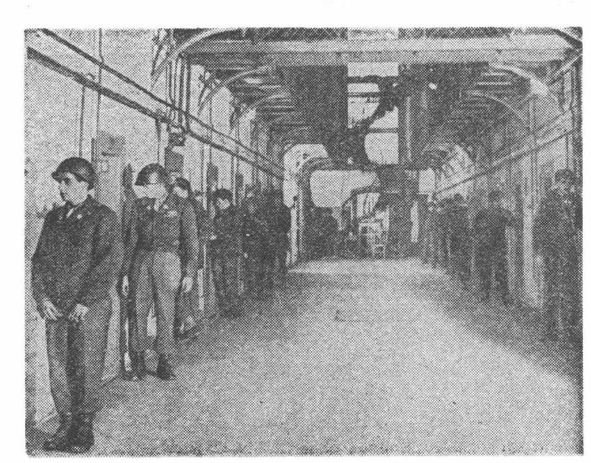
Здание тюрьмы, где содержатся главные немецкие военные преступники.

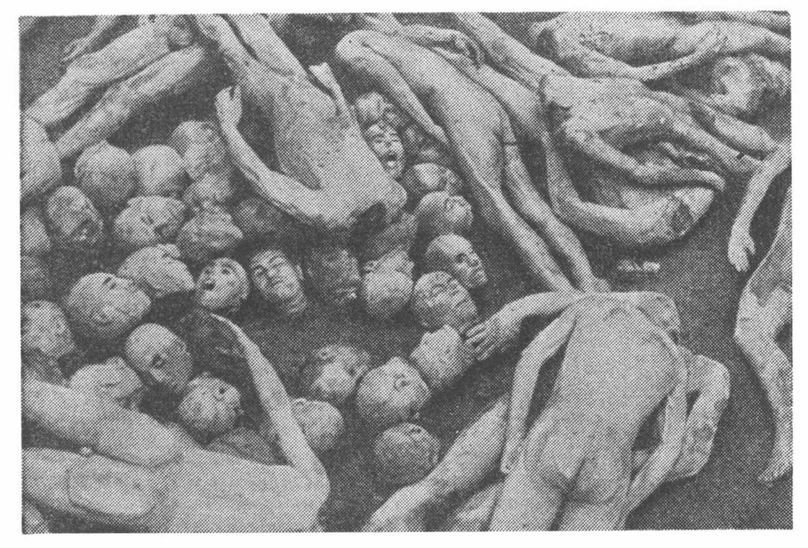
Внутренний вид одиночной камеры в нюрнбергской тюрьме. В таких камерах содержатся главные немецкие военные преступники.

Бывший начальник генерального штаба германской армии Гудериан (первый слева) на допросе.

Тюремный коридор со входами в камеры, где содержатся главные немецкие военные преступники. Американская стража ведёт непрерывное наблюдение за преступниками.

«Сырьё» для мыловаренного завода. Гильотинированные трупы несчастных узников фашистских тюрем и концлагерей.

Отрубленные человеческие головы. Трупы уже отправлены «в производство».

Останки жертв «профессора» Шпаннера.

Куски выделанной человеческой кожи.

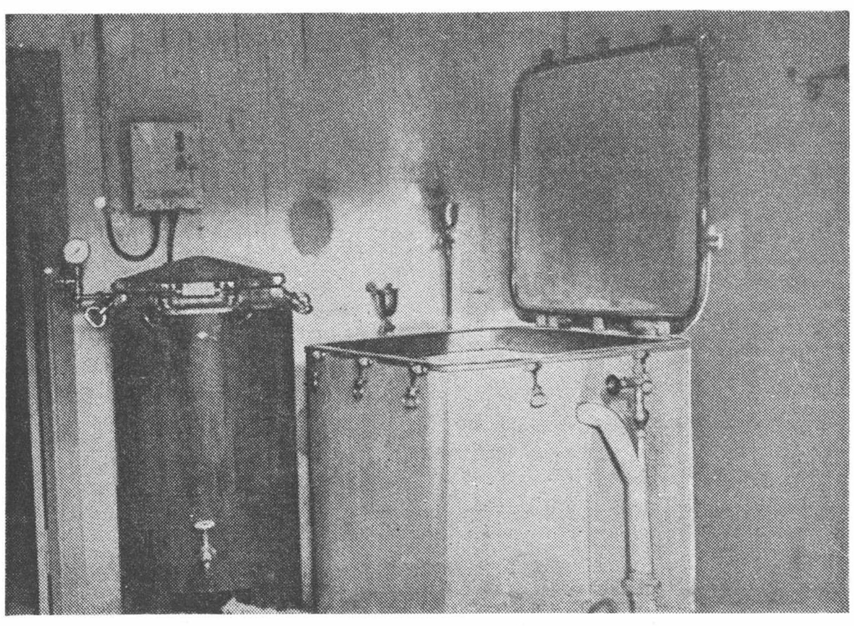
В этом здании под вывеской «Фармакологический институт Медицинской академии» гитлеровцы творили чудовищные злодеяния. Фашистские преступники в «институте» организовали в полупромышленном масштабе завод по получению мыла из человеческих тел и дубление с промышленными целями человеческой кожи.

В ФАШИСТСКОЙ «АКАДЕМИИ»...

«Мазур показал, что ещё летом 1943 года в глубине двора Данцигского анатомического института было построено специальное здание для обработки трупов и вываривания костей. В феврале 1944 года профессор Шпаннер дал свидетелю рецепт приготовления мыла из человеческого жира. (Этот рецепт предъявляется суду.) Трупы доставлялись из Кенигсбергской тюрьмы. «Когда я приезжал за трупами, — показывает Мазур, — то трупы были свежие, только что после казни. Мы брали их в комнате, соседней с той, где находилась гильотина. Мыло варил я из трупов мужчин и женщин».

(Из речи обвинителя СМИРНОВА на процессе главных немецких военных преступников в Нюрнберге 19 февраля 1946 года).

Фото представлены редакции «Огонька» экспертом-криминалистом Н. И. ГЕРАСИМОВЫМ.

Автоклавы для выварки жира из человеческих трупов.

ВИНТИК

Николай Атаров

Рассказ

Рисунки А. Кокорина

Поздней ночью на военной дороге в Румынии русские девушки-бойцы услыхали о том, что их отпускают по домам. В сонную землянку регулировщиц привёз эту новость неразговорчивый сержант из дорожно-комендантского участка.

— Ты правду говоришь, сержант? А то, смотри...— говорила Клавдия Кубышкина, вталкивая ноги в просторные сапоги.

В полумраке чей-то девичий голос запел:

— Родненькие, в Россию! В Старобельск!

Дуська Солдатова постучала румынам в дверь:

— Доамна Лючча! Горячую воду! Будем стирать!

Радостные, счастливые девушки побежали под дождём на регулировочный, где стояла на посту в плащ-накидке их подруга Варя Каширина. Пост находился на дунайской дамбе, по которой шоссе бежало над ивовыми рощами и камышами в Болгарию. Дождём размоченная дорога была по-ночному безлюдна, и девушки увидели Варю, лишь вплотную подбежав к ней.

— Куда вы?! Приказ?!. — спросила, догадавшись, Каширина.

— Ой, что у меня на душе сейчас! — пискнула Дуська Солдатова.

— Завтра едем на сборный! Обомлеть можно!

Смеясь и жарко дыша, девчата прижались друг к дружке мокрыми шинелями, запрыгали, покружили Варю, а потом убежали в свою землянку стирать и укладываться. Регулировщица осталась одна на пустынной дороге.

Шлёпая взад-вперёд по мокрой мостовой, Каширина шептала: «Мамочка, рыбонька ты моя!..» И тишина разорённого войной городка, откуда Варя уходила на фронт, и весенние лужи, прошитые танковыми следами, и солнце в старобельских разобранных частоколах — всё это всплыло перед ней в эту минуту. Тот, кто заглянул бы сейчас в её лицо — курносое, мокрое, обветренное и с чуприной из-под набухшего капюшона, — тот лишь руками бы развёл: экое несоответствие с сияющей красотой её глаз!

«Сны сбываются», — думала регулировщица, вспоминая, как позапрошлой ночью она видела во сне, будто вернулась в Старобельск, летит по улице, а на лавке, у ворот, Славунчик: увидел, бросился к ней, она только успела схватить его за руку и... проснулась. «Скоро, скоро, золотой братик, будем вместе... будем петь: «Ходят волны кругом вот такие...» И на дунайской дамбе Варя запела любимую песню брата.

Дождь перестал. Посвежело перед рассветом. Длинный сноп автомобильного света упал с широкой дуги дамбы на ивовые рощи. Было то сказочное ночное время, когда мокрые листья блестят в темноте, камни чернеют от воды, дорога вся в мелких лужицах, а свет фар освещает наклонённые старые ивы, как будто ищет кого-то под деревьями.

«Меня разыщи!» — подумала Каширина, и лучи тотчас выскочили на дорогу и осветили регулировщицу. Она взмахнула левой рукой с жёлтым флажком и с силой опустила его к ноге, взмахнула правой рукой с красным флажком, ловко повернулась вполоборота, и в два приёма флажок опустился на грудь — проезд свободен! Варя лихо козырнула людям, сидевшим в машине, проводила их взглядом.

Это был «виллис», он медленно пронёс мимо регулировщицы свои мокрые хлопающие холсты. Знакомый генеральский адъютант, выглянув из машины, крикнул:

— Как она, жизнь, Каширина?

— Как по камешкам, товарищ «личный»!

— Нужно чего-нибудь в Бухаресте?

— Перламутровый аккордеон!.. Домой повезу!..

Было слышно, как расхохотались в машине.

— Жди вечером! Прощай!

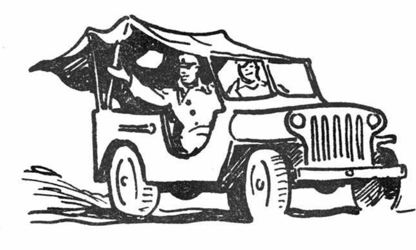
И «виллис» пошёл дальше маячить маленьким красным фонариком; скоро и его не стало.

— На том свете простимся!.. — крикнула вслед регулировщица.

Каширина сунула флажки в голенища. Она вспомнила, как познакомилась с адъютантом под Будапештом, он так и назвал себя — «личный». С тех пор она всегда подсмеивалась над ним: «товарищ личный»... А генерал тоже молодой, статный, вежливый... Однажды в Альпах она сказала «личному», что ей генерал нравится. «Он красивый, когда весёлый, — согласился адъютант и добавил:— А в бою разозлится, ох, страшный же!..»

«Знаю всех, как облупленных,— подумала Варя.— Привыкла. Свои...» Грустно стало регулировщице, и мысли её приняли иное направление. Она всегда любила, чтобы в землянке было тепло натоплено, — ни скрипучих дверей, ни чтобы порога, занесённого снегом; не любила спать на узко вытесанных в глине лежанках, как было на Днестре; не любила в лампах керосина пополам с водичкой, но тут выручали водители, хотя всегда она гнала лишних из помещения... Сколько дорог, машин, запоминавшихся лиц!.. На скольких перекрёстках спокойно выстаивала она свои часы; то проводишь улыбкой шофёра, а то взглядом—бегущее в небе облако. А сильно заскучаешь по дому, по родным — только смахнёшь флажком пыль с носка. Ничего. Война.

...Стало светать. Под откосом дороги, близко от регулировщицы, прошла длинноногая птица с розовым клювом. Броневик пронёсся по шоссе — Варя знала, что это связной к командующему. Значит, уже шесть утра. Зелёная ракета вспыхнула и погасла на далёком аэродроме, в той стороне, где на бугре стоял могучий и широкий дуб. Над ним ракета всегда догорает. Короткая её жизнь: две—три секунды... Начало лётного дня... И вдруг отчётливо и ярче, короче, чем свет сигнальной ракеты, вспыхнула мысль: «Привыкла, дура. Жаль расставаться».

И такое беспокойство охватило её, нахлынула тоска такая, что, увидев первую же машину, показавшуюся на дамбе, Варя подняла флажок. Стой!

В первый раз она осмелилась на регулировке задержать машину.

Это был старый грузовичок-полуторка; пар бил из радиатора, и какая-то железка стучала на каждом обороте колеса. Пожилой шофер притормозил и, недовольный, высунулся из разбитого окна:

— Ты, гвардии курносая! Почему задерживаешь?

— А чего тарахтит?

— Ты что — контрольно-проверочный? Или инспектор?

— Я думала, знакомый водитель, — смущённо сказала Варя.

— Хоть бы законный супруг. Ты имеешь право задерживать?

Наступило молчание.

— Есть нынче у меня это право, — тихо сказала регулировщица.— Уезжаю домой. В последний стою...

И так это было сказано, с такой душевностью, что хмурый дядя вышел из кабины и хлопнул дверцей.

— Видали? — сказал он. — А где твой дом?

— Старобельск. За Донцом...

— Хорошие там названия местам: Ровеньки, Волошино.

— То далеко от нас.

— Я знаю. Я ж там с полком всё объездил...

— Да. Завтра домой, — повторила Каширина.

— Встречал тебя, — сказал шофер, приглядевшись.

— Меня кто не встречал. Ведь весь путь с фронтом прошла. От Донца и до самой Австрии. А где видал-то?..

— А в позапрошлом. На сватовском пригорке. Помнишь, гололедица, метель, каждый час дорогу переносит. А ты продрогла, стоишь, как штык. Никак не можешь регулировать, флажка не подымаешь... Лицо мокрое, губы распухли, не шевелятся. Я тебя насилу доставил до обогревательного...

— Помню. Мы шлак сыпали под колёса. Толкали машины.

— А куда ж там девчатам, когда на двойном буксире и то не вытянешь... Ромом насилу угостил— не хотела...

Небритый майор с седой щетинкой, услышав разговор, вышел из кабины:

— Ведь и я припоминаю вас, товарищ регулировщица.

— Ну вот, и вы...

— Была под Самбором на переправе бомбёжка. Там тогда скопилось много машин. Я приехал на мотоцикле, в коляске, колею расчищал для танков. Рассвирепел, кричу, командую. А вы мне, как сейчас помню, осипшим голосом: «Что же вы, товарищ майор, в лукошке приехали, а шумите больше всех!»

— Вот вспомнили! — смутилась регулировщица. — А вы всё кричали: «Я майор, хоть и в лукошке! А тебя, пигалицу, сейчас мой головной танк — мокрое место останется!» А я там трое суток не спавши. Злые были все. Сверху посыпают фрицы, а тут и без них пробка...

Они помолчали, майор и регулировщица, глядя, как водитель открывал пробку кипящего радиатора.

— Машина тоже, небось, со Сватова? — сочувственно спросила Варя.

Водитель почесал затылок:

— Машину давно пора в область преданий: со сталинградской эпопеи идёт.

И все трое улыбнулись друг другу.

— Как же мы без вас останемся? Винтик... — сказал майор.

Это сталинское слово «винтик» очень подошло сейчас к Варе Кашириной, как нежное девичье имя. Регулировщица ничего не ответила. А шофер, тот складных

слов не знал, и захлопнув крышку капота, сказал:

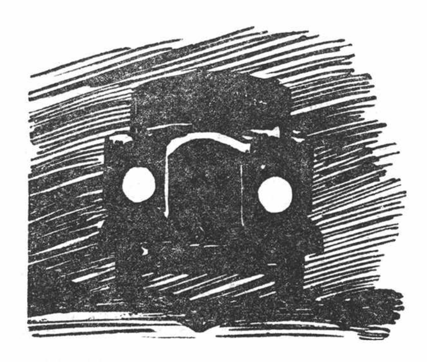
— Ты ж смотри у меня, чтобы дома, как штык... Понятно? Что бы там у нас, в России, как штык... Учиться будешь? Учись. Нас дожидайся. Приедем, чтобы ты, как штык. Понятно?..

Варя смеялась:

— Ну вот, один говорит «как штык», другой — «винтик». Езжайте уж, ладно.

И регулировщица отошла на своё место.

В этот день не одну машину задержал варин флажок. Бежали трёхосные «бюсинги», «виллисы», автоцистерны, мчались «пикапы», полные офицеров и бойцов, шли ремонтные летучки. В полдень проследовал заказной эшелон из

сорока восьми «доджей» с затянутыми кузовами.

Захмелевшая от расставания, Варя всем рассказывала свою новость: и отпускникам, и тем, кто ехал в командировку, и даже новеньким офицерам, следовавшим из школы по назначению.

И никто не обижался на задержку.

Под вечер остановилась автоколонна, и Варя ходила от машины к машине, слушала дорожные голоса: «Масло в картер залей!», «Как запаска на багажнике, — цела?», «Кто сахару не получал? Якимов, бери на двоих...»

Подойдя к одной из машин, на которой солдаты готовились обедать, Варя вспомнила, что она не ела с ночи.

— Голодная, — сказала она бойцам, виновато улыбнувшись, — я девчат отпустила укладываться, вот и голодная...

Бойцы усадили её к котелку.

Казалось, скромный регулировочный пост (без права задержки машин) превратился в этот день в какой-то важный контрольно-проверочный, самый важный на всех тысячевёрстных путях войны, что вели от Старобельска за Вену, в Альпы.

И на этом контрольно-проверочном, где стояла Варя Каширина, каждый на минуту обращался к собственной судьбе и — какой бы она ни была — испытывал к ней чувство благодарности за то, что ввела и его во фронтовое братство, сделала сильным — силой родства со всей громадой отвоевавшего себе жизнь народа.

— Ну, коли так, прощай, девочка!

— На том свете простимся...

Солнце садилось в стороне аэродрома. На дальнем бугре чернел в огненной полосе знакомый девчатам дуб. В пойме Дуная отчётливо разносились румынские голоса пастухов и звуки ботала. А когда стемнело и снова угомонилась военная дорога, как чудесно — далёкой звездой — засияла в конце дамбы первая ночная машина!..

РАБОТА

Симон Чиковани

Настоящий поэт осторожен и скуп,
Дверь к нему изнутри заперта.
Он слететь не позволит безделице с губ,
Не откроет не вовремя рта.

Как блаженствует он, когда час молчалив!
Как ему тишина дорога!
Избалованной лиры прилив и отлив
Он умеет вводить в берега.

Я сдержать налетевшего чувства не мог,
Дал сорваться словам с языка,
И, как вылитый в блюдце яичный белок,
Торопливая строчка зыбка.

И, как раньше, в часы недовольства собой —
Образ Важа Пшавелы при мне.

Вот он сам, вот и дом, вот и крыша с трубой,
Вот и купы чинар в стороне.

И, как к старшему младший, застенчив к нем,
Подхожу я к его очагу
В замешательстве и, растерявшись совсем,
Должных слов подыскать не могу.

Я ищу их, однако, и шелест листа
Пробуждает под утро жену.
Мы читаем сомнительные места,
Завтра я их совсем зачеркну.

И начальная мысль не оставит следа,
Как бывало и раньше раз сто.
Так проклятая рифма толкает всегда
Говорить совершенно не то.

Перевёл с грузинского
Борис Пастернак

МОЙ ПУТЬ

Леся Украинка

Я вышла в путь свой раннею весной,
И песнь моя несмело зазвучала.
Кто шёл со мной дорогою одной,
Тех я приветом дружеским встречала:
«Одной недолго сбиться мне с пути —
А вместе будет нам верней идти!»
Иду вперёд под звуки тихих песен —
Они у многих не развеют скуки:
Мой голос слаб, напев неинтересен,
Но, если кто рыдает в горькой муке,—
Я молвлю: «Брат мой, плачу я с тобой».
С рыданьями сливаю голос свой.
От разделённых мук не так ведь больно!
Когда ж в дороге долгой мне придётся
Напев услышать радостный и вольный,—
Моя душа, как эхо, отзовётся.
Тогда тоской, от всех её тая,
Не отравлю свободной песни я.
Когда я взоры поднимаю к небу, —
Светил там новых не ищу, тоскуя.
Свободу, равенство и братство мне бы
Сквозь тучи видеть — одного хочу я.
Те золотые три звезды, чей свет
Сквозь мрак сияет много тысяч лет...
Лишь тернии найду я на пути
Иль, может быть, сорву и цветик милый?
Удастся ли до цели мне дойти
Или сойду безвременно в могилу —
Хочу закончить путь — одно в мечтах! —
Как начинала: с песней на устах!

Перевёл с украинского
Н. Карабан

БУДТО Я И НЕ КРУЧИНЮСЬ

Леся Украинка

Будто я и не кручинюсь, а не рада что-то,
Отчего-то тяжело мне, на сердце забота.

Ой, возьму её, закину в поле, в бездорожье —
Расцвела моя забота, словно мак меж рожью.

Алы цветики сорву я, веночек сплету я,
Да в ручей веночек брошу, в голубые струи.

Ты плыви, плыви, веночек, до самого моря,
Может, бурею потопит — я забуду горе.

Ой, венок не потопило, только растрепало,
Только стало сине море, как от крови, ало.

Горька вода в синем море, горько пить такую.
Отчего ж свою заботу избыть не могу я?

Перевёл с украинского
Н. Карабан

ХУДОЖНИК-ПАТРИОТ

В довоенные годы А. Ф. Пахомов был широко известен как блестящий иллюстратор детских книг. В созданных им рисунках к произведениям Маяковского, Маршака, Михалкова детские образы привлекали своей ясностью, теплотой и пониманием душевного мира ребёнка.

В изданиях для юношества Пахомов иллюстрировал «Мороз Красный нос» Некрасова, «Бежин луг» Тургенева, «Дубровского» Пушкина и «Как закалялась сталь» Николая Островского. Здесь художник проявил другую сторону своего творчества: глубокое понимание народной жизни, русской деревни, с которой он был неразрывно связан. За выдающиеся иллюстрации Пахомов получил звание заслуженного деятеля искусств.

Война застала художника в деревне. Он возвратился в Ленинград и отдал свои силы плакатам, открыткам, листовкам, призывавшим к обороне города Ленина.

Кольцо блокады всё больше сжимало Ленинград — не было света, воды, топлива. Город погрузился во тьму. Его заносило снежными метелями. Стены домов содрогались от орудийных обстрелов. Пахомов с женой и ребёнком, родившимся в Ленинграде в страшную зиму 1942 года, переселяется из холодной мастерской в крошечную кухню. Коченеют пальцы, держащие карандаш, но художник неустанно трудится в эти героические дни. С горечью наблюдает он страдания людей, с трепетным вниманием зарисовывает подвиги ленинградцев.

Так возникла замечательная серия рисунков, выполненных впоследствии в автолитографиях «Ленинград в дни блокады», за которую художник удостоен Сталинской премии.

Художник видел, как брели, измученные голодом, женщины и дети за несколько километров к Неве,— тут родилась потрясающая своим драматизмом автолитография «За водой».

Волнующая радость тех, кто своей нечеловеческой выдержкой и стойкостью победил все испытания, передана на листе «Первый салют».

Трудовым подвигам женщин, восстанавливающих родной город, посвящена вторая серия литографий — «Восстановление Ленинграда». Самоотверженные девушки — каменщицы, кровельщицы—залечивают раны, нанесённые врагом любимому городу.

Наравне с темой человека в литографиях Пахомова проходит тема самого города, его своеобразный облик в дни войны — прекрасный и трагический. Каждый исторический момент художник запечатлевает на фоне ленинградского пейзажа. Мы узнаём силуэт Петропавловской крепости, громаду Исаакиевского собора, Пушкинский дом и Нарвские ворота. Перед нами — пустынные просторы Невы, занесённые снегом проспекты, страшные картины разрушенных бомбардировкой домов.

Эмоциональная сила, глубина и правда в изображении людей и событий, которые мы видим в вещах Пахомова, могли быть достигнуты только человеком с горячим сердцем патриота и талантом большого художника.

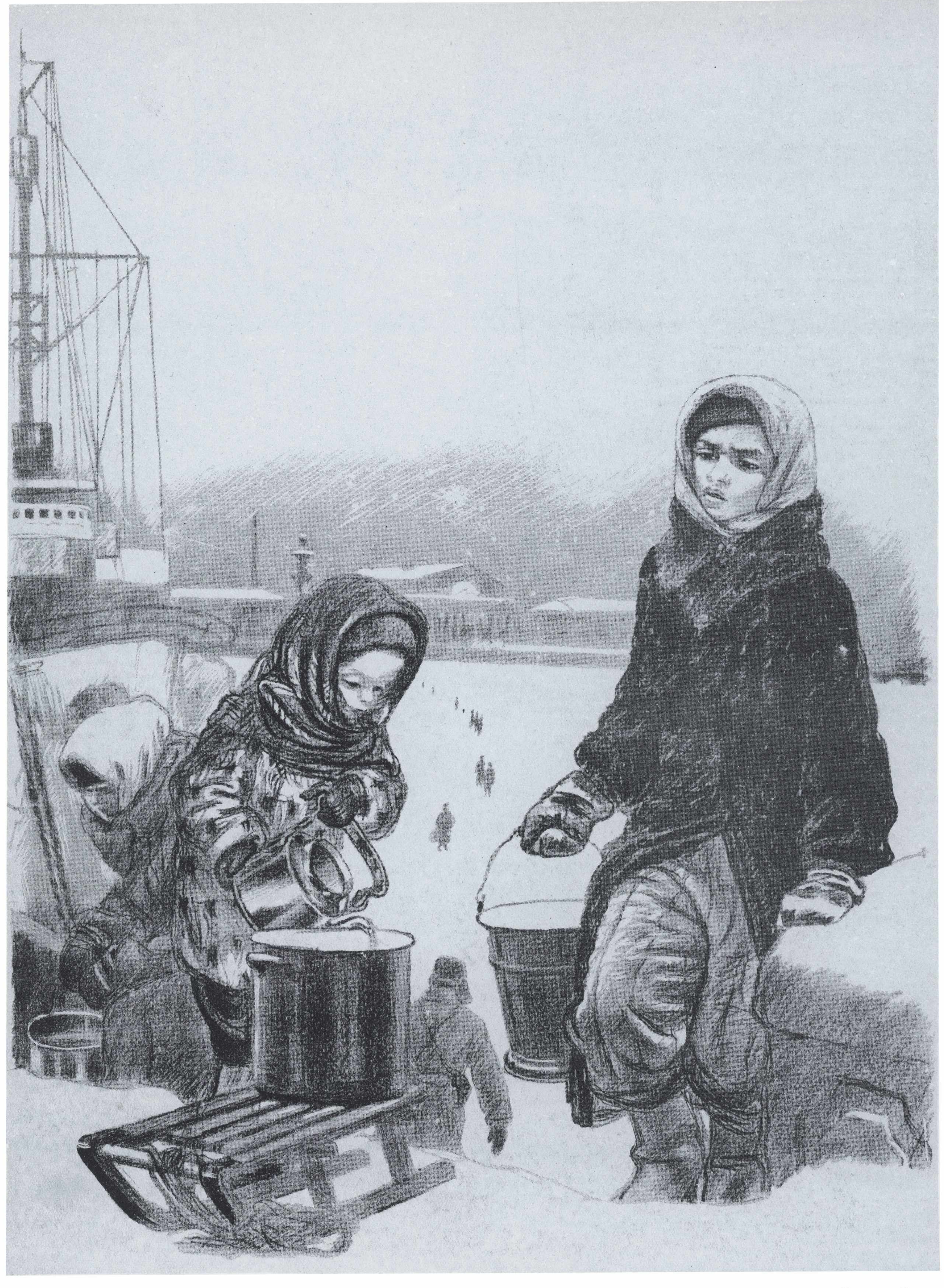
К. КРАВЧЕНКО

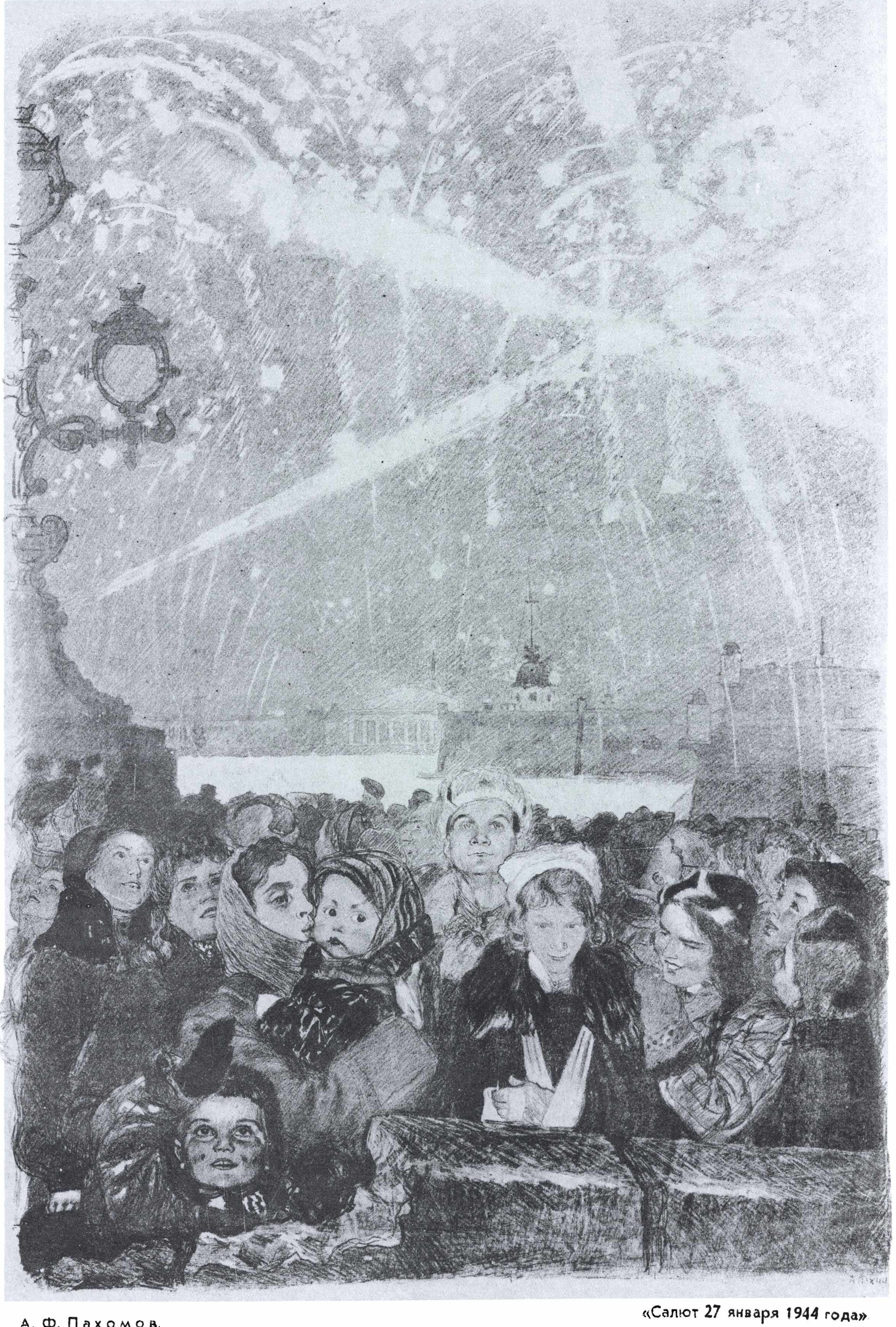
А. Ф. Пахомов. «На углу Мойки и Невского»

ГЕРОИЧЕСКИЕ ЖЕНЩИНЫ ГОРОДА ЛЕНИНА

ИЗ СЕРИИ АВТОЛИТОГРАФИЙ ЛАУРЕАТА СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ А. Ф. ПАХОМОВА

А. Ф. Пахомов. «За водой».

А. Ф. Пахомов. «Салют 27 января 1944 года».

А. Ф. Пахомов. «На Марсовом поле в затишье».

ЛЮБИМЫЙ АРТИСТ РУССКОГО НАРОДА

Т. Щепкина-Куперник,

заслуженный деятель искусств

Не было человека в стране, который не пережил бы минуты острого горя при известии о кончине Ивана Михайловича Москвина — одного из старейших деятелей МХАТ и любимейшего артиста России. Русская сцена и любившие его люди,— а таких было много, согретых излучавшимся от него теплом,— стали много беднее с уходом И. М. Москвина.

Москвин родился в бедной, трудовой семье и с детства, по его собственным словам, «отравился театром». В то время — время глухой реакции — сцена, особенно сцена Малого театра, была отдушиной для настроения московской молодёжи, слышавшей слова справедливости и свободы только с кафедры университета да с подмостков сцены, а Малый театр, как выражались, был для Москвы «вторым университетом».

Скромный юноша, почти мальчик, решился держать экзамен в школу при Малом театре, которому он поклонялся. Но, как это часто бывает, Москвина «проглядели». В нём не нашли никаких способностей и не приняли его.

Но тяга к искусству была велика, велика была и решимость добиться своего. Ему удалось поступить в драматическое училище при Филармонии, которым руководил известный режиссёр и педагог В. И. Немирович-Данченко.

Обычное чутьё на этот раз изменило Немировичу: он тоже не нашёл способностей в Москвине и по окончании полугода предложил ему оставить школу и заняться чем-нибудь другим, бросив мечты об артистической карьере. Увидав побелевшее лицо юноши, Владимир Иванович смягчился и оставил его в училище.

А через четыре года Москвин, на открытии МХАТ, сыграл роль царя Фёдора Иоанновича в одноимённой пьесе А. Толстого. Я была на этом спектакле и хорошо помню впечатление, которое произвёл Москвин. Юный, скромный, не обладавший тем, что принято называть «артистической внешностью», не отличавшийся ни поэтичностью, ни религиозным смирением,— этот простой русский паренёк вдруг дал такой образ Фёдора, что Москва была им захвачена. Около нового театра было тогда много споров и волнений, но и друзья и враги сходились в одном мнении, что лучшего Фёдора нельзя было и представить себе. Всем теперь известна история начала МХАТ с его труппой, состоявшей из неискушённой молодёжи, вдохновляемой горением Станиславского и впоследствии давшей нам таких актёров, как Качалов, Книппер, Лилина и другие. В книге Станиславского «Моя жизнь в искусстве» есть запись: «Сегодня показывали Москвина в роли Фёдора. Я плакал от его игры и от радости, и от надежды, что среди нас находятся талантливые люди, могущие вырасти в больших актёров». Станиславский не обманулся: Москвин стал большим актёром.

В роли Фёдора Москвин сумел дать именно тот кристально чистый образ, который рисовался автору: детски наивного человека с трогательным желанием устроить так, «чтобы всем было хорошо», с его нежным доверием к Ирине, сквозь которые иногда, как отдалённые зарницы, вспыхивали отблески характера его грозного отца,— и с его трагической концовкой:

«О, господи! За что меня поставил ты царём?» — когда он как бы сгибался и терял силы под тяжестью той «шапки Мономаха», которой не выдержал и сильный Борис Годунов.

Лауреат Сталинской премии народный артист СССР Иван Михайлович Москвин.

Фото М. Сахарова

После Фёдора Москвин, как говорится, «проснулся знаменитостью». Вскоре после этого он сыграл странника Луку в пьесе Горького «На дне» и уже там показал разнообразие и широкий диапазон своего дарования. Юный Москвин так перевоплотился в умудрённого по-своему, многоопытного старика, с его безнадёжным обнадёживанием и безрадостной радостью: оригинально задуманный образ нашёл оригинального исполнителя, глубоко проникшего в совершенно чуждую ему психологию.

А кто может забыть, если видел его, Москвина, в роли конторщика Епиходова в пьесе «Вишнёвый сад» Чехова? Трагикомические «двадцать два несчастья» воплощены были Москвиным в совершенстве.

А контрастная с этой ролью роль Фомы Опискина в «Селе Степанчикове» Достоевского? Этот русский Тартюф, с его колючим, как буравчик, «серым глазом», с его лицемерием, самовлюблённостью и самодовольством — одно из лучших достижений Москвина.

На палитре Москвина были разнообразные, сочные и яркие краски, как на палитрах русских самородков Сурикова или Репина, и с годами эти краски не блекли и не бледнели.

В каждой новой роли был новый Москвин — старого в нём было только его удивительное актёрское обаяние, благодаря которому он завоёвывал зрителя, ещё не произнося ни одного слова. Это очень таинственная вещь — актёрское обаяние,— и далеко не все, даже талантливые артисты, обладают им, определить его нельзя, но оно невольно чувствуется и делает артиста другом зрителя.

Обаяние было у Москвина и в жизни — у него были все чисто русские свойства, у этого русского человека: мягкий, добродушный, а в гневе — горячий; с ленцой, а возьмётся работать, так работает за троих. Любил повеселиться, но если даже просидит ночь, слушая цыганское пение, от которого душа исходит в слезах,— наутро подставит голову под струю холодной воды и придёт на репетицию первым, с выученной назубок ролью.

Как сейчас, помню милого, весёлого «Ваню Москвина» — всегда с остроумным словечком, с добродушной шуткой, заражавшего своим весельем всю нашу молодую компанию. Это не мешало ему и серьёзно работать и быстро выдвигаться в первые ряды русских актёров.

С годами утихали порывы буйного веселья, но доброта и простота его оставались неизменны. В нём совершенно не было никакого «зазнайства», — большая скромность и признание чужого таланта.

И. М. Москвин с первых дней своей карьеры стал любимцем Москвы и всей страны, но особенно ярко любовь народа проявилась к великому артисту в годы советской власти. Он получил высокое звание народного артиста СССР, был удостоен двух орденов: ордена Ленина и ордена Трудового красного знамени — и стал сталинским лауреатом.

В дореволюционную эпоху жизнь артистов ограничивалась лишь интересами своего искусства. За редкими исключениями, артисты далеко стояли от дел страны. И как бы их ни засыпали цветами, как бы ими ни восхищалась толпа, — дальше этого не шло.

Революция резко изменила положение, и И. М. Москвин, русский человек и артист, стал в полной мере гражданином. Он всё больше и больше вовлекался в строительство нового мира, пока не принял в нём заметного, важного участия. Он был избран делегатом на Чрезвычайный VIII съезд Советов, утверждавший Сталинскую Конституцию, состоял в комиссии по выработке текста её и, наконец, в 1937 году был избран депутатом в Верховный Совет СССР.

Лишнее говорить, что этим всем он обязан двум свойствам: своему честному, горячему отношению к делу и своей любви к Родине. Все последние годы болезнь уже подтачивала его, а он работал, не щадя сил. Любимому театру, которому он буквально отдал всю жизнь — с первого дня театра и до последнего своего дня, — он посвящал много времени: он был председателем актёрского цеха, директором театра, учил молодёжь и ещё находил время для руководства кружками самодеятельности рабочих. С особенной чуткостью относился он к молодым дарованиям из среды рабочих, памятуя, как 15-летний «Ваня Москвин», работавший на литейном заводе, бредил театром... Да, замечательный путь прошёл Москвин: от полуголодного детства, с 14-часовым рабочим днём, в то время установленным и для подростков, с ночёвками на мешках в складе инструментов и до великого артиста и государственного деятеля.

Большой, благородно пройденный путь...

РАДИОИЛЛЮЗИИ И ФАКТЫ

Радио стало неотъемлемой частью нашего быта. Что происходит «за кулисами» эфира? Некоторые секреты и тайны радиовещания раскроются для наших читателей после ознакомления с фотоинформацией корреспондента «Огонька» В. Грюнталь, сопровождаемой разъяснительными подписями В. Ардаматского.

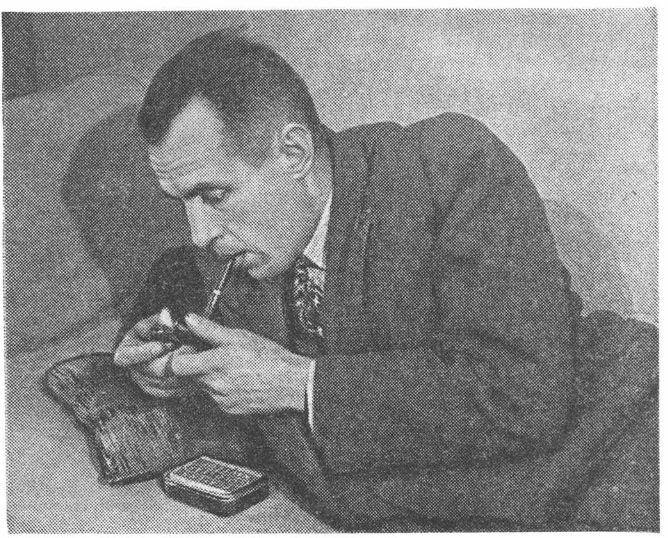
Как только заканчивается последняя ночная передача, в радиостудии начинается подготовка к первой утренней передаче. Идёт тщательный осмотр всех сложных радиоагрегатов. Сложнейший механизм радиостанции должен работать, как идеальные часы, даже секундный перебой недопустим. Но вот всё готово.

Диспетчер аппаратной по телефону принимает сообщения о «подключении эфира» к радиостудиям (снимок вверху). Теперь «хозяином эфира» становится дежурный диктор. У него в руках самый обыкновенный английский ключ, на который «заперт эфир». На снимке справа вы видите «дежурную хозяйку» эфира диктора Дмитриеву:

— Внимание! Говорит Москва! Радиопередачи начались...

Спортивный референт Вадим Синявский ведёт репортаж со стадиона в Лондоне. Сотни тысяч болельщиков футбола переживают острые перипетии игры...

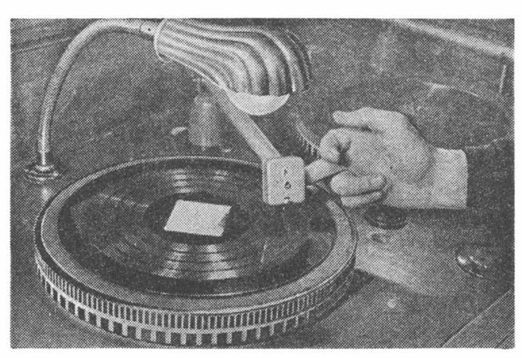
«...и Бобров один на один с вратарём «Челси». Удар! Гол! Восторженная овация!..»

Но... в то время, когда вы это слушали, стадион в Лондоне был пуст, шумные его обитатели давно уже дома обсуждали матч. Вадим Синявский, после тяжёлой полуторачасовой работы у микрофона, отдыхал в гостинице (снимок справа)... А все волнующие радиослушателей переживания вызвал аппарат, именующийся магнитофоном. На снимке (справа внизу) вы видите звукооператора Алексея Спасского, «запускающего» в эфир звуковую запись радиорепортажа Синявского из Лондона. Матч в Лондоне проходил около пяти часов вечера по московскому времени, когда многие наши радиослушатели были ещё на работе. Поэтому радиорепортаж передавался в эфир в более позднее время.

Диктор объявляет имя народного артиста СССР Ивана Семёновича Козловского... Но в радиостудии Ивана Семёновича сейчас нет, вместо него поёт... аппарат, управляемый дежурным оператором (снимок справа).

Иван Семёнович в эти минуты находится дома, играет со своими детьми (снимок слева) и даже не предполагает, что он сейчас «выступает» по радио, доставляя огромное удовольствие своим слушателям.

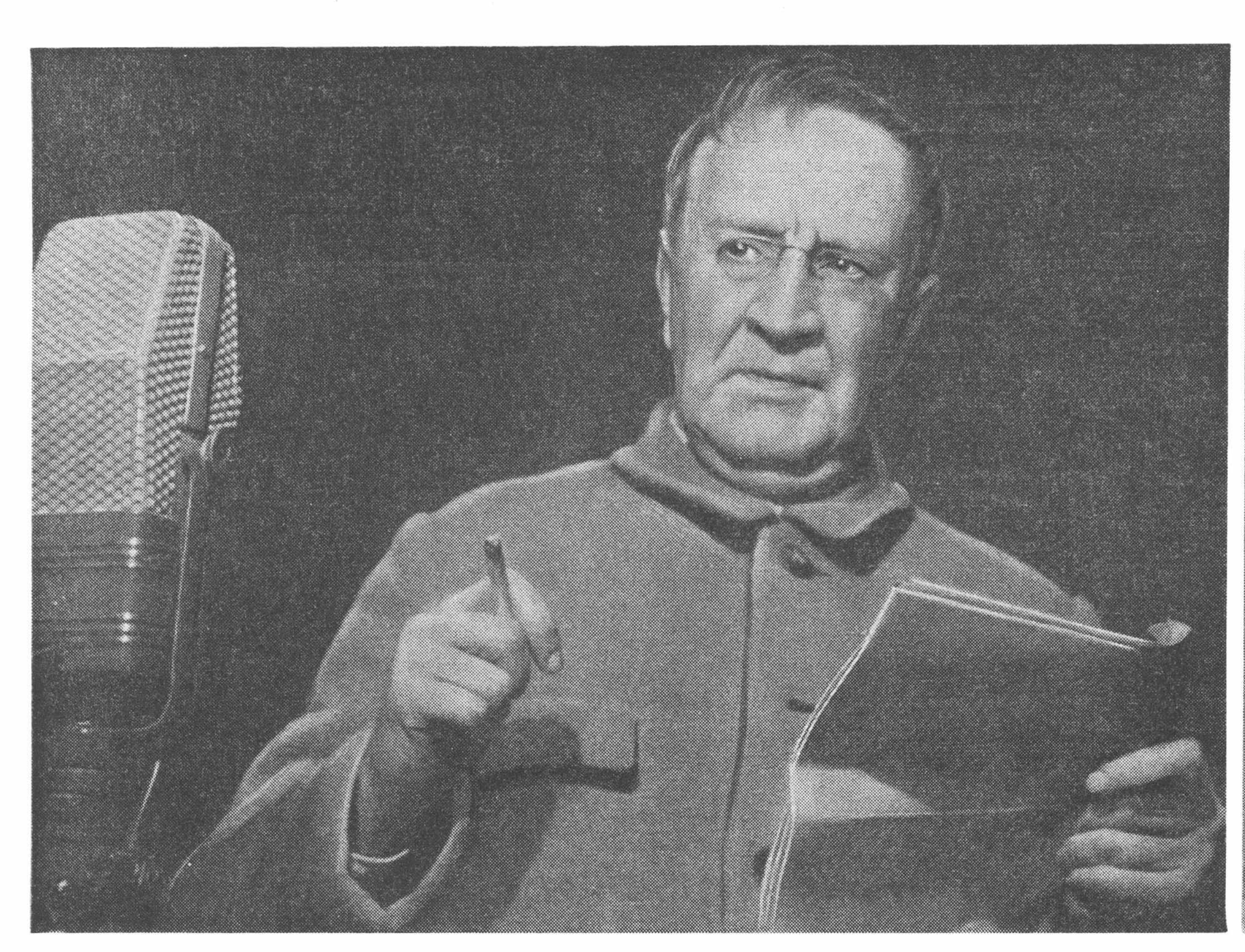

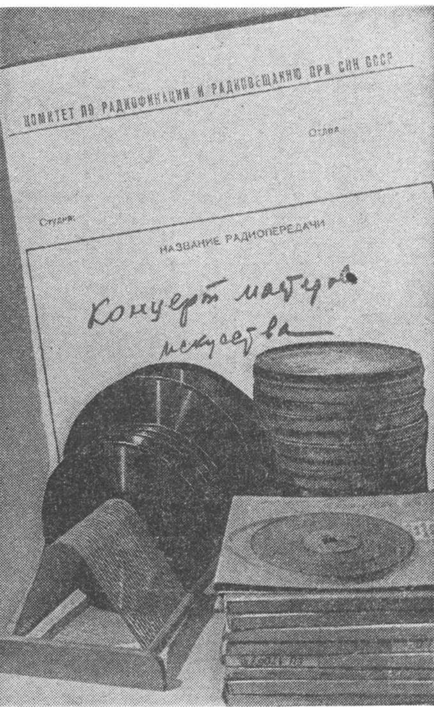
Трудно переоценить огромное значение проводимой Всесоюзным радиокомитетом работы по звукозаписи мастеров советского искусства.

Вот выступает в радиостудии народный артист СССР Василий Иванович Качалов (снимок внизу, слева). Его чудесный голос слышат миллионы советских радиослушателей. Окончится концерт, и Василий Иванович Качалов пройдёт в специальную комнату, где прослушает только что сделанную запись своего выступления. Если качество записи удовлетворит артиста, то в следующий раз выступление Качалова вы услышите в записи на магнитофон или тонфильм (снимок в круге).

Иной раз вот как выглядит большой концерт мастеров искусств (снимок внизу, справа).

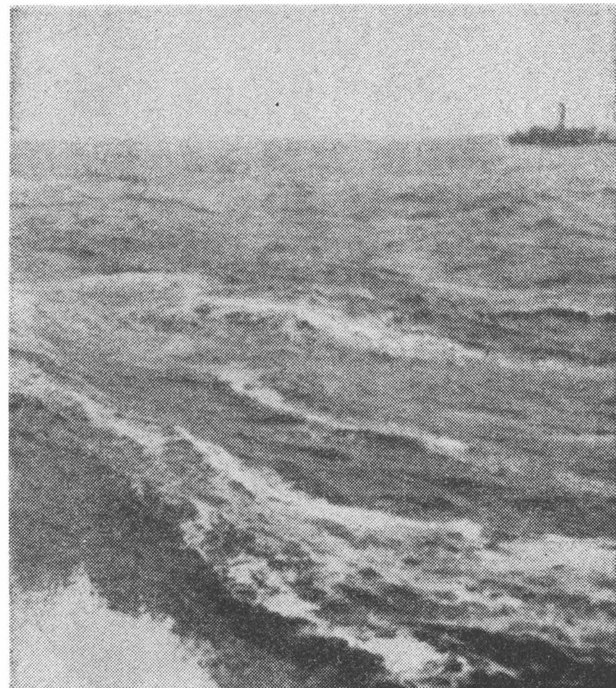

Если вы заглянете в радиостудию в момент радиопередачи для детей сказки «Гуси-лебеди», вы увидите у микрофона такую Бабу-ягу... Роль Бабы-яги исполняет народный артист РСФСР О. Н. Абдулов (снимок сверху, слева).

В радиостудии, где идут радиоспектакли, можно увидеть много «смешных чудес». Перед микрофоном стоит артист, исполняющий роль ведущего в радиоспектакле «Мальва» по Горькому. Он читает прекрасные горьковские строки о море, и вы слышите, как море шумит и плещется.

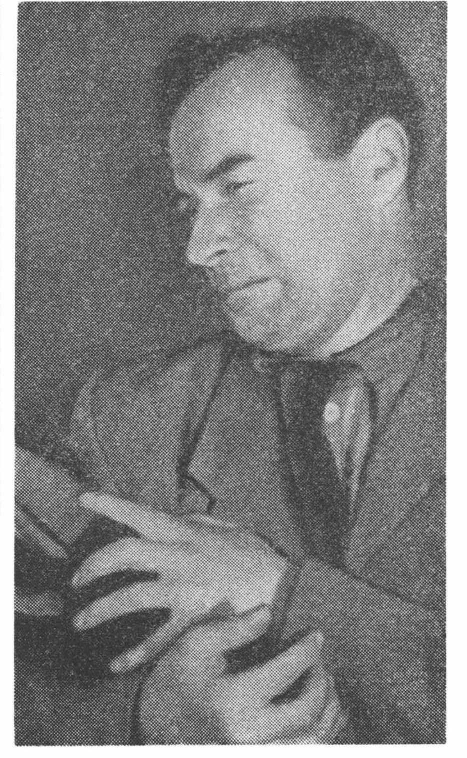
В радиостудии это море «делают» артистки шумовой бригады. Одна из них держит, покачивая, две автомобильные камеры, в которые налита вода (снимок вверху, справа). Эта операция совершенно точно воспроизводит рокот спокойного морского прилива.

Две других артистки шумовой бригады на этом «общем фоне моря», пользуясь обыкновенным тазом с водой, воспроизводят звух всплесков моря (снимок справа).

«Звуковые чудеса» в радиостудии делаются не только приборами, но и специальными артистами. Во многих «детских» и «взрослых» передачах участвуют артисты Андрюшинас и Соколов, обладающие уменьем точно подражать голосам зверей, птиц и т. п.

Артист Соколов изображает рычащего тигра... Он же «играет» роль плачущего ребёнка (справа)... Он же «в роли» поющего петуха (слева)...

УРОК БАЛЕТА

Письмо из Ленинграда

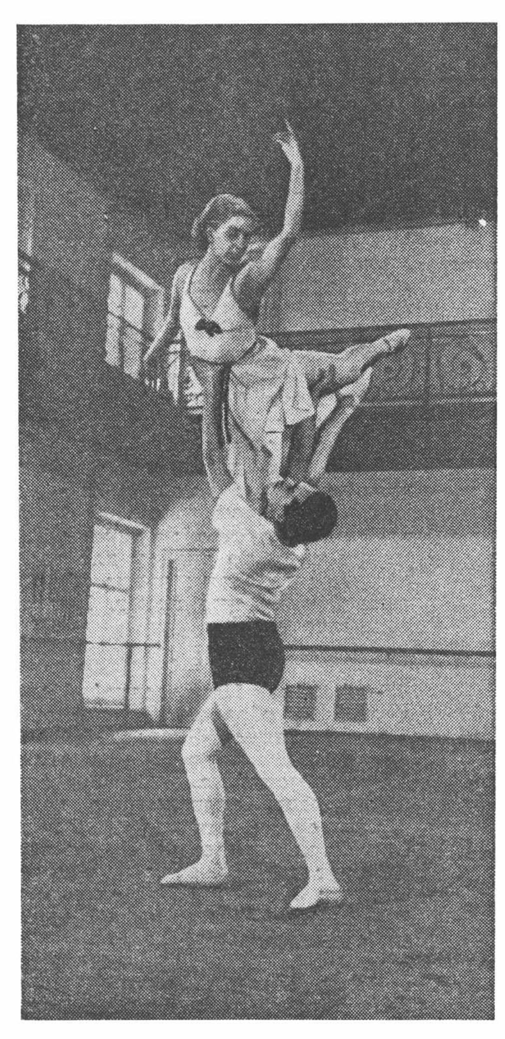
М. Исаков

Фото Л. Сергеева

С этим домом связана вся их жизнь. Сюда привели их ещё в детстве.

Агриппина Яковлевна Ваганова и Владимир Иванович Пономарёв впервые вошли в это здание в прошлом веке.

В двадцатых годах нашего века здесь начали свою творческую жизнь их ученики.

Ещё и ещё раз повторяется упражнение... Лауреаты Сталинской премии Дудинская и Сергеев репетируют «поддержку».

Будучи уже знаменитыми артистами, балерины и премьеры продолжают ежедневно посещать дом № 2 на улице Зодчего Росси, где они провели своё детство.

Урок!..

С этим словом возникает представление о школьных партах, грифельной доске и беспощадном классном журнале...

Если утром остановить заслуженного артиста республики, лауреата Сталинской премии Сергеева, выходящего из своей квартиры, и спросить у него: «Куда вы идёте, Константин Михайлович?»,— он ответит: «На урок!»

* * *

Просторный, светлый, пустой зал. Одна стена — сплошное зеркало от пола до потолка. По трём другим стенам горизонтальная круглая палка, на уровне человеческой талии.

У этой палки «разогреваются» балетные актёры, прежде чем выйти на середину.

Приседание, прыжок, круг... Круг, приседание, прыжок... Мускулы становятся эластичнее и послушнее. Пока это только разорванные на куски, составные части танца.

Но вот концертмейстер начинает играть на рояле.

Народная артистка РСФСР Агриппина Яковлевна Ваганова занимает своё место в кресле у зеркала. Её ученицы Н. М. Дудинская, Т. М. Вечеслова, Г. Н. Кириллова и А. Я. Шелест выходят на середину зала.

Агриппина Яковлевна произносит фразу, таинственную для непосвящённого:

— Батман тандю с маленьким адажио!

И вдруг эта фраза, похожая на заклинанье, оживает! Мы видим, как, еле касаясь пола кончиками атласных туфель, балерины проносятся по залу. Шёлковые прозрачные туники развеваются по воздуху.

Хлопнув в ладоши, Агриппина Яковлевна произносит новую непонятную фразу. Ритм музыки меняется. Как будто порыв ветра приподнимает танцовщиц над полом.

Это — всего лишь упражнение, развивающее прыжок, но как по-разному проделывают его балерины!

Легка, изящна, почти невесома Дудинская. Насыщены чувством и предельно выразительны движения Вечесловой. Динамичны и полны лирики манеры Шелест и Кирилловой.

Ещё и ещё раз повторяется экзерсис. Труд, невероятный физический труд, лежит в основе лёгкого, блестящего танца...

* * *

Урок в мужском классе. Занятия ведёт заслуженный артист республики Владимир Иванович Пономарёв.

В центре зала «ученик» Константин Михайлович Сергеев. Мягкость, соединённая с неожиданной мощью, лёгкость, подчёркивающая силу, виртуозность, за которой не чувствуется физического напряжения,— вот что бросается в глаза даже на уроке, где мы не видим законченного танца.

Не преувеличивая, можно сказать, что Сергеев — гордость современного русского балета.

Если случается, что какое-нибудь упражнение, по мнению Константина Михайловича, не удаётся ему, он будет биться над ним до тех пор, пока не «отработает» его максимально пластично. Он начинает сначала, снова повторяет труднейшие упражнения и к концу урока добивается желаемого результата.

Сейчас Сергеев занят не только своей повседневной работой балетного премьера. Он постановщик «Золушки», нового балета Сергея Прокофьева. Вся труппа театра имени Кирова находится сегодня в состоянии творческой нервной приподнятости. Репетиции будущего спектакля идут тут же, на улице Зодчего Росси, № 2.

Одним из ведущих репетиторов и лучшим педагогом характерного класса является заслуженный артист республики Андрей Васильевич Лопухов.

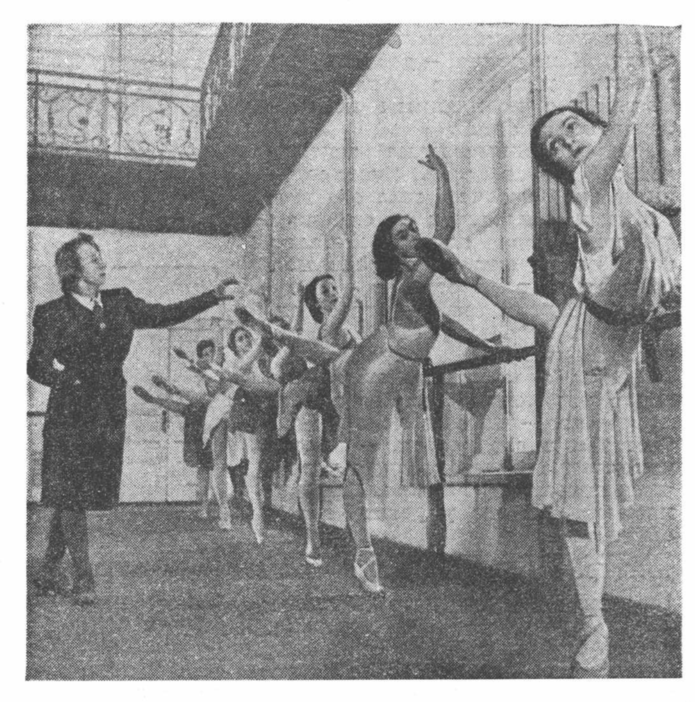
Блестящий танцовщик, Лопухов провёл на сцене театра имени Кирова более двадцати пяти лет.

Отточенность каждого жеста, внутренний смысл движения — эти требования не устаёт предъявлять к ученикам на репетициях Андрей Васильевич.

А вечером, на спектакле, бурно рукоплещущий зал, вероятно, не догадывается, из какого многолетнего, каждодневного труда рождается прекрасное, благородное искусство прославленной балетной труппы Ленинградского театра имени Кирова.

Они идут всё по той же улице Зодчего Росси, по которой прошли за свою жизнь сотни километров. (Слева направо: Т. М. Вечеслова, Н. М. Дудинская, Н. А. Анисимова, А. Я. Шелест.)

Балерины «разогреваются» у палки, прежде чем выйти на середину зала.

Еле касаясь пола кончиками атласных туфель, начинают экзерсис ведущие балерины театра: Кириллова, Шелест, Дудинская, Вечеслова.

РОВНО В ПОЛНОЧЬ

Повесть

Б. Райтонов

Рисунки Г. Балашова

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

В штаб немецкого заградительного отряда прибыл агент немецкой разведки Лауниц для работы в оккупированном Нефтеграде. Одновременно в штаб отряда доставляют пленного партизана, но ему удаётся бежать. Лауниц в Нефтеграде приступает к исполнению своих обязанностей коменданта города. Чтобы завоевать популярность у населения, он приказывает начальнику гестапо Гейнцу освободить некоторых арестованных. Гейнцу поведение Лауница начинает казаться подозрительным, о чём он сообщает своей помощнице, следователю гестапо Луизе Миллер. На допросе в гестапо Гейнц требует, чтобы один из арестованных, профессор Кузнецов, дал ему карты нефтеносных участков. Кузнецов отказывается. Лауниц приказывает Гейнцу освободить профессора. Гейнц сообщает о своих подозрениях особоуполномоченному Гиммлера оберштурмбанфюреру фон Руммелю. Лауниц передаёт Руммелю карты нефтеносных участков, полученные им от профессора Кузнецова. Гейнцу доставляют найденный портфель, в котором он обнаруживает личное дело Лауница с фотографией человека, совершенно непохожего на нового коменданта. Гейнц пытается разоблачить Лауница перед Руммелем. Но основной его козырь бит, так как на фотографии изображён покойный чемпион мира по шахматам — Капабланка. И без того раздражённый Руммель узнаёт, что карты нефтеносных участков, которые он накануне получил от Лауница и дал сохранить Гейнцу, исчезли из сейфа. Руммель грозит разжаловать Гейнца. Ночью Гейнц пробирается к заболевшему Лауницу, чтобы тайно произвести у него обыск. Он подозревает, что мнимый Лауниц — командир партизанского соединения Яковлев. Навестить Лауница приезжает командир корпуса генерал Шервиц. Появившиеся партизаны арестовывают Гейнца и Шервица и отвозят их в месторасположение партизан.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

По крутому откосу оврага Лауниц скатился в густой кустарник. Продираясь сквозь колючие ветки, он падал, поднимался и опять устремлялся вперёд.

Стихли голоса партизан, прекратились выстрелы. Небольшое усилие — и он будет вне опасности. Но тут Лауниц оступился, потерял равновесие, рухнул вниз и дальше ничего не помнил...

Когда он очнулся, то оказалось, что он лежит в липкой холодной грязи на болотистом дне оврага.

— Зря торопились, — услышал Лауниц насмешливый голос. — Мы и так доставили бы вас сюда...

— И с не меньшим комфортом! — добавил другой.

Лауниц открыл и снова закрыл глаза. Животный страх парализовал его чувства и мысли. Минута возмездия приближалась: на него сурово смотрели советские люди...

Во время допроса Лауница начальник партизанского отряда Яковлев неожиданно встал и приказал своему помощнику Андрею следовать за собой.

— Вот что, друг, я решил стать немецким комендантом Нефтеграда. Я не шучу! — добавил он, заметив удивление Андрея. — Свяжись с подпольным комитетом и сообщи им...

Андрей внимательно запоминал всё, что говорил Яковлев, а когда тот замолчал, стал его уговаривать отказаться от слишком рискованного шага. Яковлев только отшучивался и продолжал собираться в дорогу.

— Пойми, Андрей, — сказал он, наконец, серьёзно, — второго такого случая не представится. Лауница здесь почти никто не знает, документ у меня на руках, кроме того, — озорные искорки заблестели в его глазах, — нового коменданта будет сегодня встречать начальник гестапо. Сам понимаешь, обидно упустить такой случай.

Через час из штаба партизанского соединения незаметно проскользнул в машину человек. Его левое ухо было забинтовано, сквозь марлю проступала кровь. Ожидавший его шофёр включил скорость — и машина понеслась в сторону Нефтеграда.

Лауница заперли в бревёнчатую сторожку. Семь дней никто не входил к нему, кроме охраны. Жизнь в партизанском лагере замерла. Лауниц догадывался, что отряды ушли, но от этого ему не стало легче. Все попытки бежать кончались неудачей: конвоиры не спускали глаз со сторожки.

II

Ночь уже кончилась, но солнце ещё не взошло. Андрей, Ганна и дед Артём сидели у костра, на краю глубокого ущелья. Все они думали об одном...

Коваленко тяжело вздохнула и первая нарушила молчание.

— Верно говорят: ждать да догонять тяжелее всего!.. Не случилось ли с нашими какой беды?

— Тьфу, типун тебе на язык! — огрызнулся Андрей. — Если товарищ Яковлев за дело взялся, — сам чорт ему не помешает! — Он подбросил в костёр сучья и задумчиво проговорил: — А в самом деле, чего это их нет?! — Андрей молча поднялся и ушёл.

Старик посмотрел ему вслед и сказал:

— А знаешь, я его чуть не убил!

— Кого? Андрея? — удивилась девушка.

— Да нет, Леонида Николаевича... Помнишь Рачкова, начальника полиции?

— Как не помнить! — воскликнула Ганна.

Ганна слушала Артёма...

Погружённый в воспоминания о недавно пережитом, Артём не услышал ответа Ганны.

— Ждал я в камере расстрела, — тихо начал он, — и вот является ко мне ночью этот самый Рачков. Во весь рот улыбается и говорит: «Ну, товарищ парторг, вы как-то изволили заявить, что родина ваша спасает верных ей людей? Что-то на вашем примере не видно... Пожалуйте бриться!» И повёл меня к Лауницу. — Дед Артём конфузливо улыбнулся. — Я ведь тогда Леонида Николаевича за немца принимал. Приехали. Запер Леонид Николаевич дверь, посмотрел на Рачкова и спрашивает: «Это тебя партизанский трибунал за предательство к смерти приговорил?» «Меня, — отвечает Рачков, а сам смеётся, — только куда им, руки коротки». «А может, не коротки?» — спрашивает Леонид Николаевич. Побледнел предатель, но тут же улыбнулся, решил: шутит комендант. «Нет, — говорит, — коротки. За мной немцы, а немцы — сила!..» «Сила ли?» — процедил Леонид Николаевич и ко мне: «Хочешь привести в исполнение приговор трибунала?» — а сам пистолет мне протягивает. Кто он, я ещё не понял, но пистолет взял. А как почувствовал в руках оружие... Веришь, Ганна, до прихода немцев, когда куру резать, соседку просил... а тут с таким наслаждением всадил пулю в этого мерзавца, что сам потом удивлялся. Упал Рачков, а я в раж вошёл — пистолет на Яковлева направил, да и нажал спуск...

— Ты же его убить мог! — испуганно воскликнула Ганна.

— О том и речь... Нажал я спуск, а выстрела нет... Смотрит на меня Леонид Николаевич и улыбается. «Знал я, — говорит, — что второй выстрел мне достанется, потому-то всего один патрон и оставил». Взял он у меня пистолет, зарядил и говорит: «Идём». Иду я и думаю, а ну как он мне пулю в затылок пошлёт? Догадался тут Леонид Николаевич и сказал: «Не бойся, друг, руки мои чисты, разве Родина простила бы мне, если бы я даже ради дела хоть одного своего человека убил?! Да я и сам себе этого не позволил бы!» Смотрю я на него и ничего не понимаю. Чего долго говорить: дал он мне пропуск, указал путь-дорогу, и под утро я был уже у партизан.

Ганна слушала Артёма, и ей казалось, из темноты на неё смотрят лукавые глаза любимого командира.

— Семь дней в Нефтеграде побыл, а сколько наших спас!.. — тихо проговорила она. — Ведь и я ему жизнью обязана! Когда забрали меня в гестапо, прицепились ко мне Гейнц и Миллер: «Скажи да скажи, где типография?» Если бы и знала, — ни за что бы не открыла, а тут даже понятия не имела, где она находится. До смерти бы забили, да на моё счастье Леонид Николаевич в Нефтеграде появился... Привезли меня к нему... Повёл он в отдельную комнату, запер дверь, взял трость да как заорёт: «Скажешь, где типография? » И со всей силы тростью по дивану. Так минут пять: по дивану хлестал и разными голосами вопил. А под утро бежать мне помог. Вот он какой человек!..

III

— Леонид Николаевич! Наконец-то! — обрадованно произнёс Андрей, увидев Яковлева.

— Удача, Андрей! — Яковлев обнял помощника. — У Шервица обнаружены оперативные документы, среди них план немецкого контрнаступления. Какая обида, чорт возьми, если немцы его отменят. Но как добиться, чтобы приказ остался в силе?.. — И вдруг его осенила мысль. Но до поры до времени он решил никому не открывать своих планов.

По дороге к штабной землянке Яковлев давал распоряжения, одно удивительнее другого. Андрей недоумевал: зачем нужно попраздничному накрыть стол и поставить его против окон сторожки, где находился пленный генерал? Зачем в такие тревожные минуты нужно приглашать баяниста?

— Но это ещё не всё! — и озорные искры заблестели в глазах у Яковлева. — Затем ты устроишь свидание генералу Шервицу с комендантом Нефтеграда...

IV

— Заходьте до хаты, господин генерал, — говорил Метелица. — Битте-дритте!

Шервиц вошёл в комнату, опустился на скамейку, сжал руками голову. Метелица вышел.

Всемогущие небеса!..— простонал Шервиц. — Что теперь будет?! Мой портфель!.. Наступление... Неужели они не догадаются отменить?.. Святая дева, вразуми их!

Чуть слышный стон привлёк внимание Шервица: посредине

комнаты лежал связанный человек в форме немецкого офицера.

Шервиц подошёл к нему и отпрянул:

— Бог мой! Лауниц!

Увидев, что тот без сознания, Шервиц схватил со стола глиняный кувшин и вылил воду на голову коменданта.

— Где я? — простонал Яковлев. — Господин генерал! Вам не удалось спастись? О, боже!..

— Вы не ранены? Можете подняться? — спрашивал Шервиц, развязывая верёвки, которыми был опутан Яковлев. — Колоссальное несчастье, Лауниц. В руках у партизан мои оперативные документы.

В то время, когда Шервиц рассказывал Яковлеву о постигшем его несчастье, партизаны расставили стол и скамейки под дикой яблоней — как раз против окна сторожки. Вскоре на столе появились вина и закуски.

Вошёл Андрей. Его сопровождали Грицко и баянист. Позади уныло плёлся Гейнц с винтовкой за плечами. Андрей первым сел за стол и пригласил Гейнца занять место рядом. Баянист заиграл «Яблочко» — весело, с переборами. Андрей поднял кружку, чокнулся с Гейнцем и, коверкая немецкие слова, провозгласил тост за его здоровье.

Услышав звуки баяна и немецкую речь, Шервиц подошёл к забитому досками окну.

— Что я вижу! — воскликнул он. — Лауниц, сюда!

— Я здесь, господин генерал,— приближаясь к нему, ответил Яковлев.

— Смотрите!.. Кто этот человек в мундире, с винтовкой?

Яковлев прильнул к щели.

— Неужели!.. Нет, мне показалось... Гейнц?

— Да! Вы не ошиблись, Лауниц Это начальник гестапо Нефтеграда. Так вот кто нас предал!— воскликнул Шервиц, потрясая сжатыми кулаками.

— Вы правы, это Гейнц,— подтвердил Яковлев.

— Какая западня! Какое предательство!.. Выход? Где выход?! — Шервиц умоляюще посмотрел на Яковлева. — Господин фон Лауниц! Иоганн! Во имя моей дружбы с вашим покойным дядей... придумайте что-нибудь. Попытайтесь бежать... Я не знаю, как... Сделайте невозможное возможным, Иоганн, вы должны добраться до моего штаба, до Руммеля. Спасёте вы меня или нет,— не важно... Необходимо отменить приказ и наказать предателя.

— Не знаю, господин генерал,— ответил Яковлев, — сто шансов против одного.

— Иоганн, на вас смотрит Германия!

— Если смотрит Германия, — надо рисковать! — без тени улыбки произнёс Яковлев. Он обвёл взглядом сторожку и решительно направился к заднему окну.— Господин генерал, пишите письмо фон Руммелю! — сказал он и стал отрывать доски, которыми было забито окно.

На лужайке громко играл баянист. Музыканта окружили партизаны, даже часовые — и те отошли от сторожки.

— Всё в порядке! — сказал Яковлев. — Можно рискнуть.

Шервиц подошёл и протянул ему письмо.

— Разрешите прочитать? — спросил Яковлев.

Шервиц кивнул головой.

«Руммель, я в плену у партизан. Поставьте в известность штаб. Отмените приказ 04/222. Шервиц»,— Яковлев вернул письмо и сказал:

— Осмелюсь, господин генерал, дать совет: я бы написал в другой редакции.

— А именно? — спросил Шервиц.

— Я бы написал так: «Руммель! Приказ 04/222 остаётся в силе. Поставьте в известность мой штаб». И подпись. А дальше — постскриптум: «Верьте тому, что скажет Лауниц».

— Не понимаю вас! — удивлённо воскликнул Шервиц.

— Вы сказали, что в руках русских оперативные документы. Им важно, чтобы приказ о наступлении остался в силе. Не так ли?

— Ну и что же?

— Если я благополучно доберусь до Нефтеграда, то ваша приписка «верьте Лауницу» сделает меня правомочным; я задержу приказ и с отрядом явлюсь сюда, чтобы спасти вас. Если же мне не повезёт и я попаду в руки партизан, то и тогда есть надежда. Прочитав вашу записку, они могут допустить мой побег. Ведь им важно, чтобы приказ остался в силе, ради этого они пойдут на всё...

Шервиц просиял.

— Иоганн, у вас светлая голова! — радостно воскликнул он. — Если только удастся выполнить ваш смелый план, — вас ждут награды и слава!

— Благодарю, господин генерал, — скромно наклонив голову, ответил Яковлев.

Шервиц подошёл и отдал ему письмо.

— Бегите, дорогой. Да поможет вам бог!.. Одну минуту, Лауниц,— и он торопливо написал ещё одну записку. — Возьмите, — сказал он. — Это моё распоряжение относительно Гейнца.

Яковлев вылез в окно. Шервиц несколько минут стоял неподвижно, он прислушивался.

— Слава богу, — прошептал, наконец, Шервиц, — кажется, побег удался, — и, подождав ещё, радостно выпрямился и с пафосом произнёс:

— Да, господа, нация, воспитавшая таких людей, непобедима!

V

С Андреем они встретились у командирской землянки.

— Наконец-то, — обрадовался Андрей. — Удалось?

— Всё в порядке. Записка Шервица у меня в кармане. А теперь слушай, Андрей, внимательно. Я еду в Нефтеград. Ты же должен немедленно собрать командиров всех наших отрядов, и, если я не вернусь завтра к пяти часам, прикажу моему отряду ворваться в Нефтеград. Задание — помешать немцам разрушить нефтепромыслы и стараться удержать город до прихода Красной Армии. Разработанный план возьмёшь у моего начальника штаба. На всю операцию я даю тебе час сорок минут. Город надо взять с налёта. Понятно?

— Понятно, товарищ майор!

— Я пошёл, Андрей!

Андрей поднял кружку, чокнулся с Гейнцем и провозгласил тост за его здоровье.

— В добрый час, Леонид Николаевич, ни пуха тебе, ни пера! Я провожу тебя.

Они углубились в лес, где стоял замаскированный ветвями партизанский гараж. Воздух был так чист и прозрачен, что казалось, он усиливает желтизну листвы, увеличивает окружающие предметы.

— Чудесное утро, Андрей! Слышишь, и птицы не спуганы, будто конец пришёл войне. Уже скоро, — Яковлев расправил плечи и, глубоко вздохнув, продолжал:— Выйдем мы с тобой вот совсем в такое же утро и от сознания, что нигде на земле не льётся кровь, как легко будем дышать! Как хорошо будет жить в нашей стране, Андрей!.. Эх, дожить бы только!

Помолчав, Яковлев тихо сказал:

— Грустно мне что-то стало, Андрей. Иду и вернуться не надеюсь. Ну да ладно, авось обойдётся, прощай!

— Не спал ты сколько, Лёня,— любовно смотря на друга, сказал Андрей. — Оттого-то грустные мысли тебе и лезут в голову. До свиданья, Лёня!

VI

В руках искусного музыканта заливался баян. Гулким эхом отзывалась в лесу весёлая мелодия.

«Чего они добиваются этой мистификацией?» — мучительно думал Гейнц и не мог найти ответа.

Представление не затянулось. Подошёл Метелица и приказал отвести Гейнца к Андрею в землянку. Грицко отобрал у начальника гестапо испорченную винтовку и повёл его по узкой тропке среди густого орешника. Не прошли они и трёх десятков шагов, как Гейнц упал, споткнувшись о торчащий из земли корень.

— Вставай, ирод! — крикнул Грицко.

Гейнц в ответ только жалобно застонал.

«Может быть, ему и вправду трудно подняться?» — подумал Грицко и, приблизившись к начальнику гестапо, наклонился над ним.

В ту же секунду он почувствовал острую боль в глазах и в переносице...

Гейнц вскочил, выхватил из ослабевших рук партизана маузер и, ударив им своего конвоира по голове, скрылся в темноте...

VII

У огромной карты стояли Руммель и пожилой полковник — начальник штаба армии. Большой указкой полковник водил по карте, объясняя оберштурмбанфюреру обстановку на фронте.

— Для характеристики положения трудно найти оптимистические фразы... — медленно подыскивая слова, говорил он.

Руммель понимал опасения полковника.

— Не бойтесь, говорите прямо! — кисло улыбаясь, приказал он.

— Если смотреть истине в глаза, — более смело продолжал полковник, — то надо признать положение угрожающим. Умело выбрав слабые места нашей обороны, — указка поползла вверх по карте, — и блокируя отдельные укреплённые точки, советские танковые и кавалерийские части прошли за эту ночь шестьдесят километров по прямой, перерезали линию железной дороги и сейчас находятся от Нефтеграда в 47 километрах...

В коридоре раздались громкие шаги, взволнованные голоса, а затем настойчивый стук в дверь.

— Соблаговолили явиться? — раздражённо воскликнул Руммель, увидев входящего Яковлева. — Где вы изволили пропадать, Лауниц? Я решил, что и вас убили партизаны.

— По приказанию господина командующего, сопровождал его в поездке по фронту,— почтительно ответил Яковлев.

Руммель покраснел от радости:

— Где он?.. Да говорите же!

— Письмо от господина генерала! — и Яковлев передал Руммелю записку Шервица.

Руммель прочитал её и облегчённо вздохнул.

— Слава богу! Я серьёзно беспокоился о судьбе генерала,— Руммель повернул голову к полковнику: — Приказ 04/222 остаётся в силе! Пройдёмте в штаб. Я скоро вернусь, Лауниц!

Яковлев остался один: «Итак, приказ остаётся в силе! — подумал он. — Поздравляю вас, господа немцы!»

За стеной послышался шум, возбуждённые голоса: «Где господин фон Руммель?» «Труп шофёра!» «Шофёр убит...» «Автомобиль генерала!» — затем раздался знакомый голос Руммеля: «Оцепить здание!» — и другой голос ответил: «Оцеплено, господин обер-штурмбанфюрер...»

«Чорт возьми! Нашли труп шофёра Шервица? — подумал Яковлев — Эх, Метелица, погубил ты меня!»

VIII

Капитан Савельев сосредоточенно слушал профессора Кузнецова.

Рассказ приближался к концу.

— Из Нефтеграда мне помогли бежать партизаны,— говорил профессор. — Сначала они доставили меня в штаб партизанского соединения, оттуда на самолёте — в штаб фронта... Я уже стар, недолго мне осталось жить, — закончил он. — Но всё-таки я надеюсь пожать руку храброго офицера и прекрасной души человека, моего спасителя, товарища Яковлева!

— Яковлев? — насторожился Савельев. — Вы, случайно, не знаете, как его зовут?

— Леонид Николаевич.

Савельев достал из ящика письменного стола документы арестованного Лауница.

— Так и есть! — взволнованно произнёс капитан. — Яковлев попал в руки немцев. По его документам немцы и заслали к нам в тыл этого самого Лауница, — объяснил он профессору.

Кузнецов растерянно смотрел на Савельева.

— Неужели Яковлев погиб?! — чуть слышно прошептал он.

— Может быть, он жив и немцы случайно нашли его документы? — с надеждой в голосе спросил он капитана.

— Вряд ли, профессор, такие люди, как Яковлев, не теряют документы! Не волнуйтесь, профессор, сейчас всё выясним. Если Лауниц сознался в диверсии, он скажет правду и о судьбе Яковлева.

Савельев снял трубку внутреннего телефона:

— Приведите ко мне арестованного Лауница, — посмотрел на стенные часы и добавил: — К 22 часам.

Профессор нервно шагал по комнате, нетерпеливо поглядывая на узорчатые стрелки часов. Он не мог дождаться, когда войдёт Лауниц. Что же немцы сделали с его спасителем, с Яковлевым?

(Окончание следует.)

ЧУДЕСНАЯ КУХНЯ

Ан. Тролль

Большой светлый зал. Чисто, как в палате лечебницы. Ни угара, ни дыма. Только едва уловимый запах напоминает о том, что это не палата и не лаборатория, а громадная кухня.

Но где же топки, уголь, дрова, газ? Почему не шипит жареное масло, не булькает кипящая вода?

Кухня, о которой идёт речь, необычайного типа. Топливом для неё служит электрическая энергия.

В быту мы уже давно привыкли к электрическим приборам. Но они совершенно непохожи на те, которыми оборудован комбинат питания № 14 Октябрьского района Москвы. Представьте котёл, где одновременно варится 400 литров борща! Или шкаф, куда закладывают полтонны овощей! Это не приборы, а крупные механизмы, сделанные из нержавеющей стали. Их пропускная способность так велика, что они могут испечь, изжарить и сварить свыше 100 тысяч блюд в день.

Фабрика-кухня № 14. Повар тов. Романченко у пароэлектрических автоклавов.

Фото С. Шингарёва

Безопасность, лёгкость и быстрота, с какой работает оборудование кухни, восхищает поваров. Нет опасения, что пища подгорит или переварится. Потребитель получит блюдо, изготовленное по всем правилам кулинарного искусства.

Вот центральный зал. Главный его механизм — распределительный щит. Человек включает рубильник. Общий ток дан. Теперь надо включить рубильники отдельных аппаратов. Прошло всего несколько минут — и поверхность плиты горяча, как огонь. Каждая из двенадцати конфорок имеет свой переключатель мощности. Стоит повернуть его в одну сторону — температура поднимается до 180 градусов. При повороте в другую сторону температура снижается до 90 градусов, а если нужно, то до 45 и до нуля.

На разных конфорках одной и той же плиты одновременно жарятся: бифштексы — на сильном огне, запеканки — на среднем, и тушится картофель — на слабом.

Рядом с плитой жарочные шкафы. В них по три отделения, и в каждом своя определённая температура. В тот момент, когда мы осматривали шкафы, повар закладывал в верхнее отделение пудинг, в нижнее — котлеты. Он засёк время и отошёл в сторону. Через десять минут он вернулся, открыл дверцы шкафа и вытащил сковородку с великолепно обжаренными котлетами, а ещё через пять минут вынул румяный пудинг.

Затем шеф-повар Алексей Семёнович Крылов предложил нам посмотреть, как варятся супы, борщи и каши. Для приготовления этих блюд применяются особые электродные котлы ёмкостью в 400, 250 и 150 литров. Ряд мелких приборов на их отполированной поверхности создаёт впечатление сложности механизмов. Между тем по своему устройству и действию эти котлы чрезвычайно просты. Пища варится в электродном котле паром, который образуется в пароводяной «рубашке» из воды, нагреваемой электродами.

Самое остроумное приспособление этого котла — контактный манометр. Едва вода начинает нагреваться, стрелка быстро движется вверх. Давление пара повышается, содержимое котла кипит. Стрелка достигает красной черты, и тогда нагрев воды автоматически прекращается.

Мы присутствовали при закладке продуктов в электродные котлы. В одном из них, вместимостью в 400 литров, варились свежие щи, в другом — суп «по-крестьянски», в третьем — пшённая каша, в четвёртом — картофель, в пятом — кофе. Через час шеф-повар отвинтил герметическую крышку первого котла.

Щи были густые, наваристые, вкусные. Конечно, и на огневой плите хороший повар изготовит хорошие щи. Но для этого ему потребуется значительно больше времени.

В этом же зале можно увидеть опрокидывающиеся жаровни для оладий, электрические кофейники и соусники ёмкостью в 45 литров каждый, шашлычные шкафы, сосисковарки.

В других цехах комбината действует ещё несколько оригинальных аппаратов. Вот, например, электропароварочный шкаф, именуемый поварами «баней». Температура в «бане» достигает 200 градусов. Сюда сразу закладывают полтонны овощей. Они варятся 50—70 минут, не теряя своей первоначальной формы.

Направляемся в обеденный зал. На пути раздаточная. Сюда из кухни непрерывно поступают готовые кушанья. Они попадают на столы с постоянно нагретой поверхностью из нержавеющей стали. В ящиках столов греются тарелки. Супы, жаркое и каши на этих горячих тарелках подаются в обеденный зал потребителю.

Досадный случай

И. Меттер

Рассказ

Рисунки Б. Фридкина

Командировочный Павел Васильевич Жихарев стоял в очереди. Вокзальный медпункт помещался в маленьком домике, двери которого ежеминутно распахивались, и в обмен на десяток осмотренных людей в медпункт входило десять новых пассажиров.

Жихарев, как и все командировочные, всегда ждал от судьбы каких-нибудь неприятностей: в гостинице могло не оказаться койки, в удостоверении — штампа, в хлебной карточке — ещё чего-нибудь. Злая судьба закалила его характер, и если бы на какой-нибудь промежуточной станции оказалось, что от командировочного требуется уменье петь тенором, Павел Васильевич покорно пошёл бы попробовать свой голос.

В маленькой, жарко натопленной комнате медпункта Жихарев привычно разделся до пояса и в таком виде снова стал в очередь к медсестре. Медсестра действовала с необычайной быстротой.

— Фамилия?

— Жихарев.

— Имя-отчество?

— Павел Васильевич.

Она окинула подозрительным взглядом полураздетую фигуру, подвергая сомнению сразу всё: и фамилию, и имя, и отчество, и самое физическое существование клиента.

— В баню! — категорически приказала медсестра.

— Поймите...— начал было Павел Васильевич, но она уже опрашивала следующего клиента.

Жихарев потоптался на месте, мысленно перечисляя все веские доводы, которые он мог бы привести, но их так часто приходилось пускать в ход, что они смертельно надоели ему самому.

Он отошёл в угол.

Тут уже стояло человек пять с таким видом, как будто их уличили в чём-то очень нехорошем. И именно поэтому они старались держать себя шумно и с достоинством. Особенно горячился один из них — высокий, с нахальным лицом.

— Что я, маленький?! — кричал он.— Что она мне указывает на воротник? Пусть она поездит с моё!

Павел Васильевич, человек смирный, не любивший скандалов, примирительно сказал:

— У неё служба такая. Ей богу, она не виновата.

— А кто ж тогда виноват? — обрушился на него нахальный командировочный.— У меня заготовки задерживаются, у меня план стоит, а она— бюрократка! — за воротник хватает.

Командировочный пошумел ещё с полчаса и затих.

Через час всю группу повели в баню.

В раздевалке у них забрали носильные вещи и сказали, что, пока они будут мыться, вещи выпарят в специальном барабане.

От пара и горячей воды командировочные размякли. Они вернулись в раздевалку тихими и умиротворёнными. Даже нахальное лицо в распаренном состоянии казалось более добродушным и спокойным.

Сидели, переговариваясь ленивыми голосами Павел Васильевич дремал, уронив голову на грудь.

В комнату неожиданно вошёл заведующий баней. Он остановился в дверях в такой позе, которая давала ему возможность немедленно уйти и захлопнуть за собой дверь.

— Граждане! — сказал заведующий.—Произошла досадная опечатка: по случаю неисправности дезинфекционного барабана получился перегрев температуры.

Кто-то громко охнул.

— Соблюдайте выдержку, граждане! — сказал заведующий. — Вследствие перегрева температуры, носильных вещей в барабане не оказалось...

— Украли? —взвизгнул сосед Павла Васильевича.

— Прошу без оскорблений! — строго оборвал его заведующий.— Сомневающиеся лица могут опознать свой пепел на дне барабана. Пуговицы и крючки выдаются в кассе.

Он быстро захлопнул за собой дверь.

Дальнейшее представлялось Жихареву как во сне. Крики, топот босых ног, неистовый стук в дверь — всё это туманно доходило до его сознания. Сражённый, он сидел на скамье, тупо глядя на большой палец правой ноги.

Из шести человек только у него одного не оказалось в чемодане запасной одежды. И когда пятеро его спутников, кое-как экипировавшись, ушли в город писать жалобы, Жихарев остался в раздевалке.

Он прикрыл плечи полотенцем — становилось зябко — и сидел на скамье без мыслей, подавленный случившимся. Приходили какие-то люди; мылись, одевались, уходили; иногда и он шёл с ними мыться во второй, в третий, в четвёртый раз, чтобы хоть как-нибудь скоротать время.

Изредка в дверь заглядывал заведующий. Поражённый покорностью Жихарева, заведующий к вечеру принёс тарелку супа.

— Ешьте! — сказал он строго.

Находясь в высоком чине директора дезинфекционного пункта, он никогда не позволял себе разговаривать с клиентами человеческим голосом.

— Ешьте, гражданин!

Жихарев покорно начал хлебать суп.

— Докладную я отправил,—сказал заведующий.— Убытки, в крайнем случае, возместим.

— Мне бы одеться,— робко попросил Жихарев.

— Натурой, конечно, лучше,— согласился заведующий.— Если фонды в откомхоз спущены, вам, наверное, брюки оформят.

— У меня ещё пиджак был и рубаха,— тихо добавил Жихарев.

— Полный гарнитур вряд ли,—сказал заведующий.— Зависит от фондов.

И он начал длинно объяснять голому Жихареву разницу между плановыми и децентрализированными заготовками.

Павел Васильевич кивал головой и поддакивал: он по опыту знал, что

если затеять спор, то ни к чему хорошему это не приведёт. Тем более что в настоящем виде ему было очень затруднительно бегать по инстанциям.

— Буду нажимать,— на прощанье сказал заведующий.— Дня за три оформим. Хотя зависит от фондов.

— Как же три дня? — прошептал Жихарев.

— Большой объём работ,—пояснил заведующий.— Прямо не знаю, за что хвататься: дрова надо вырвать, крыша течёт...

— А как же я?—спросил Жихарев.

— А тут ещё вы,— недовольно сказал заведующий.— У меня, например, завтра в бане женский день, и я прямо не знаю, куда вас от них спрятать...

Он ушёл, захватив пустую тарелку. Первую половину ночи Павел Васильевич проспал в раздевалке. Потом ему стало холодно и он перебрался в баню. Сначала было жутковато. Для храбрости он открыл кран и послушал, как течёт вода. Этот мирный, привычный звук успокоил его. Затем он зажёг повсюду свет и, гулко шлёпая босыми ногами, стал прохаживаться из конца в конец бани. На секунду показалось, что так можно сойти с ума. Он начал уговаривать себя, что ничего особенного не случилось. В сущности, он остался таким же человеком, каким был раньше: с семилетним образованием, член профсоюза; разница заключается только в том, что раньше тело его было прикрыто одеждой, а сейчас, временно, эта условность отпала. Ходили же когда-то его предки именно в таком виде. Честное слово, всё это ерунда!

Жихарев зашагал бодрее; он даже попытался насвистывать какой-то весёлый мотивчик. Но тут, как на зло, ему захотелось засунуть руки в карманы. Он скользнул ладонями по бёдрам — карманов не оказалось, и Жихарев снова затосковал.

Он взобрался на верхнюю полку и полежал в тепле.

Под утро вошли уборщицы. Пришлось кочевать из комнаты в комнату.

Впереди был длинный, пустой день. И когда показалось, что дальше терпеть немыслимо, вбежал заведующий.

— Поздравьте! — сияя, крикнул он с порога.

— Достали?—кинулся к нему Жихарев.

— А как же! Из глотки вырвал! Сто кубометров берёзы. Завтра начнут завозить.

Павел Васильевич медленно опустился на скамью:

— А что со мной?

— Проталкиваем, проталкиваем,— бодро сказал заведующий.— От фондов зависит. Кушать хотите?

Жихарев безучастно смотрел в пол.

Заведующий потрепал его по голому плечу:

— Выше голову, товарищ! Крышу над головой имеете? Имеете. Коммунальные услуги бесплатные? Бесплатные. Суточные капают? Капают. Гостите у нас на здоровье.

На третий день Жихарев уже не реагировал ни на какие внешние события. Он уже не прятался от уборщиц утром, не бросался к заведующему, когда тот приходил сообщать ему о своих успехах на хозяйственном фронте.

Заведующий даже обиделся на него.

— Удивляюсь вам, гражданин,— сказал он.— Удивляюсь вашему равнодушному характеру. Я полтонны жести для крыши вырвал, а вам хоть бы что. Нельзя, милый, стоять в стороне от текущей жизни!

На четвёртый день Павлу Васильевичу принесли брюки, рубаху и пиджак, оформленные из децентрализованных фондов. Он принял это молча, оделся и, даже не поблагодарив заведующего, ушёл из бани на вокзал.

И ещё много месяцев спустя, когда в его присутствии называли город Н., в котором случилось это происшествие, Павел Васильевич вздрагивал и скрипел зубами.

Перелистывая старые журналы...

В УЧАСТКЕ

— Господин пристав, позвольте мне, как потерпевшему, поблагодарить вас за расторопность ваших подчинённых, которым удалось поймать вора... Но сделайте одолжение, разрешите повидаться с этим молодцом.

— Это к чему?

— Я хотел бы его спросить... Никак не могу понять, как он ухитрился в два часа ночи пробраться в мою квартиру — и моя жена ничего не слышала! Вот уже пять лет, как я пытаюсь это сделать, и всё безуспешно!

ОДНО ДРУГОГО СТОИТ

— Как ужасно положение певицы, когда она чувствует, что уже начинает терять голос!

— Ещё ужаснее, если она этого не чувствует.

КОММЕРЧЕСКИЙ УМ

Жена. Ах, боже мой! Кто-то храпит под диваном. Верно, вор забрался к нам...

Муж. Ничего, душа моя! Раз уж он заснул, то пускай спит. А завтра мы сдерём с него за ночлег.

В КОНТОРЕ

— Джон! Я вам запретил свистеть во время работы.

— Я не работаю, патрон. Я только свищу.

СОГЛАСИЕ

Он. Когда мы поженимся, у нас всегда будут общие мысли и желания.

Она. Хорошо... Но только я всегда буду высказывать их первая.

В ЗООПАРКЕ

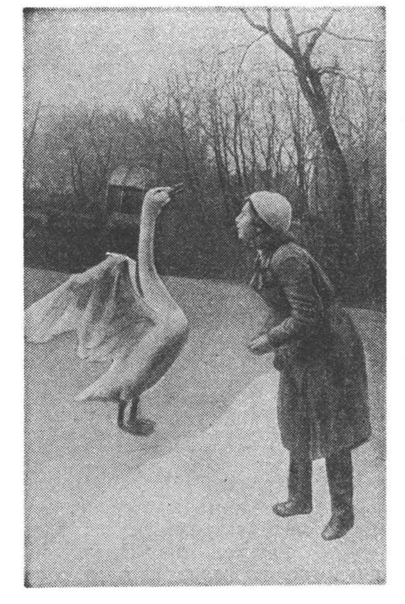
Фото А. Устинова

ЛЕБЕДЬ ВАСЬКА

С приближением весны над прудами Московского зоопарка всё чаще звучит протяжный гортанный голос, словно кто-то печально кличет свою далёкую подругу. Служители привыкли к этому звуку и узнают его среди тысячи других голосов животного мира.

— Это Васька кличет,— говорят они,— Васька-кликун.

Васькой зовут большого белоснежного лебедя-кликуна, который в отличие от лебедей-шипунов обладает жёлтым, а не красным клювом и красивым, звучным голосом. Лебедь Васька знаменит как единственный ручной лебедь в зоопарке. Может быть, это объясняется тем, что он здесь родился и с первых дней привык к человеку. До сих пор в зоопарке никому не удавалось приручить лебедей. Они всегда настороженно, враждебно относятся к людям и, когда человек приближается, до синяков избивают его своими могучими крыльями.

У Васьки-кликуна характер мирный, общительный. За это его недолюбливают другие лебеди и на своём птичьем языке называют его, вероятно, подлизой и подхалимом. Но Васька не обижается и привычек своих не меняет.

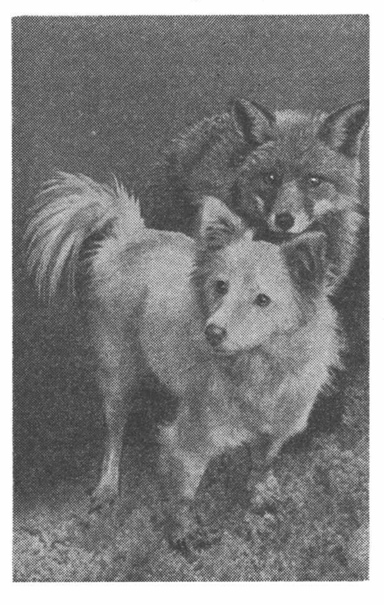
Достаточно служителю Зое Макаровне Калмыковой с кормом приблизиться к пруду, как в птичьем царстве начинается оживление. Степенно, с гордо изогнутыми шеями, словно не замечая человека, подплывают к берегу лебеди. И только один Васька громко хлопает крыльями и, вытянув шею, опережая товарищей, с криком бросается к женщине. С радостью он ласкается к ней и что-то непонятное бормочет на ухо. Он словно выпрашивает самый лакомый кусок.

Зоя Макаровна гладит лебедя по белоснежной головке, целует в клюв и действительно выбирает для своего любимца наиболее вкусную порцию, а сама, улыбаясь, говорит, глядя вслед самодовольно отплывшему в сторону Ваське:

— Эх ты, подхалим, подхалим! Оказывается, и птицы совесть теряют!..

НЕРАЗЛУЧНЫЕ ДРУЗЬЯ

Года три назад дети принесли откуда-то в зоопарк лисёнка. Лисёнок был мал и слаб. Его пробовали кормить молоком из соски, но он дичился, сердито шипел и вырывался из рук. Тогда лисёнка подбросили к кормившей своих щенят белой болонке Мими. Собака с материнской нежностью взяла под своё покровительство маленького зверька. Лисёнок рос вместе со щенками, и Мими с одинаковой любовью относилась к своим питомцам, как бы не замечая, что у лисёнка и шерсть иная, и хвост пушистый, да и повадки не такие, как у её детёнышей.

Когда щенки подросли и их отняли у матери, Мими всю свою нежность перенесла на лисёнка Ласку.

Однажды Мими уехала на юг, на съёмку детского кинофильма «Робинзон Крузо». Ласка почти год не видела свою приёмную мать, скучала в одиночестве, но ни с кем из обитателей зоопарка не заводила дружбу.

И вдруг однажды в зоопарке раздался пронзительный собачий лай. Лисица насторожилась, а через мгновенье, узнав голос Мими, заметалась по клетке, радостным визгом оглашая воздух. Она визжала и каталась на спине, выражая этим свою бурную радость. Болонку впустили в клетку, и та с визгом и лаем бросилась к лисе и стала лизать её шерсть, ласково теребить за уши. Кто-то сказал:

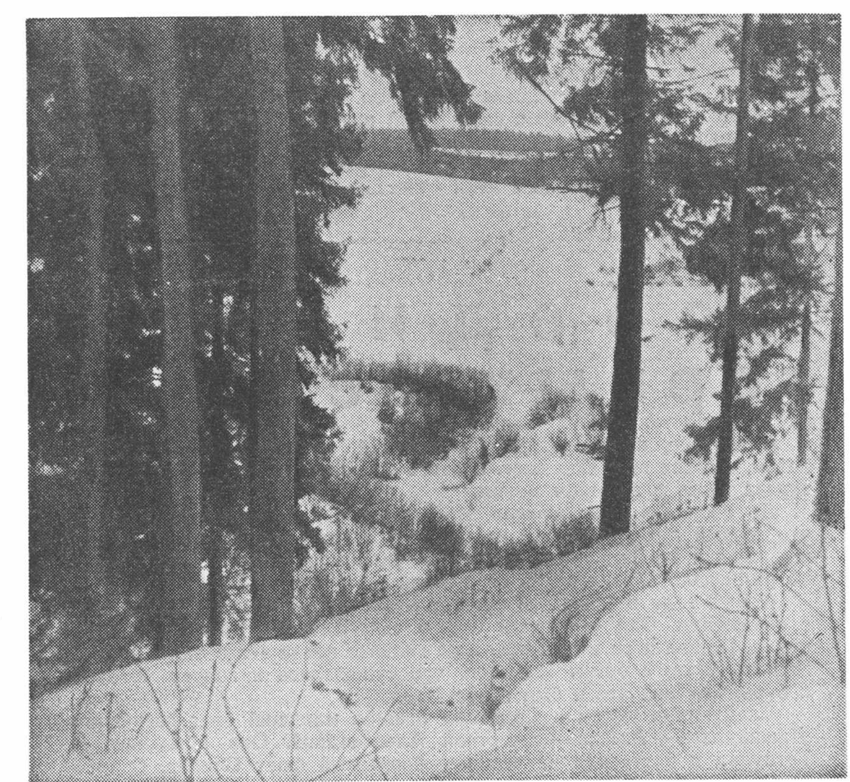
— Это настоящая дружба. Для неё не страшны ни время, ни расстояние...

Собака Мими и лисица Ласка живут теперь неразлучно в одной клетке.

Ал. СВЕТОВ

Лепехов легко и свободно скользил вперёд...

Здесь прошла гонка.

Орлов теперь проигрывал Иванову 25 секунд...

Движения Иванова были ритмичны, лицо сосредоточено...

ЛЫЖНАЯ ГОНКА

Дмитрий Васильев,

заслуженный мастер спорта СССР

Фото автора

Завтра предстояла лыжная гонка, и ещё с вечера мной овладело обычное волнение. Я привёл в порядок своё снаряжение: лыжи, палки. Но вместо спортивного костюма, слишком лёгкого, я взял более тёплый, хотя он и был потяжелее. Ботинки выбрал посвободнее, в которых обычно только тренировался, и кроме того приготовил свой «ФЭД». Я не собирался участвовать в гонке. На этот раз мне предстояла необычная роль зрителя. И всё же рано утром, уходя на вокзал, я положил в карман различные сорта лыжной мази и неизменный термос с молоком, который так часто выручал меня во время трудных состязаний. Видно не так-то легко старому лыжнику примириться с ролью наблюдателя.

Всё было, как обычно, перед гонкой. Тот же неизменный третий вагон от конца поезда, где ещё в темноте по голосам узнаёшь старых товарищей. Всё тот же медленный зимний рассвет. Ощупью развязываешь лыжи, чтобы дать им согреться, и обтираешь осевшую на них влагу. Потом вынимаешь из вещевого мешка мазь, пробку — и по вагону распространяется столь любимый нами, гонщиками, запах смолы и резины.

За разговорами и сборами незаметно проходит время. И вот ещё несколько секунд назад пустынный полустанок заполняется толпой. У каждого за спиной рюкзак, в руках лёгкие лыжи.

Тот, кто не бывает зимой за городом, не может представить себе всей прелести зимней природы. Белоснежные поля, перелески и лес, запорошённые снегом. На первый взгляд, всё кажется окрашенным только в два цвета: белый и бурый. Но всмотритесь, и вы увидите, как снег под действием света кажется то белым, то розовым, а к вечеру отливает синевой.

Однако опытный лыжник, направляясь к месту состязаний, не только любуется природой, но и оценивает её как место предстоящей гонки. И я тоже стараюсь разгадать путь, который предстоит сегодня моим товарищам...

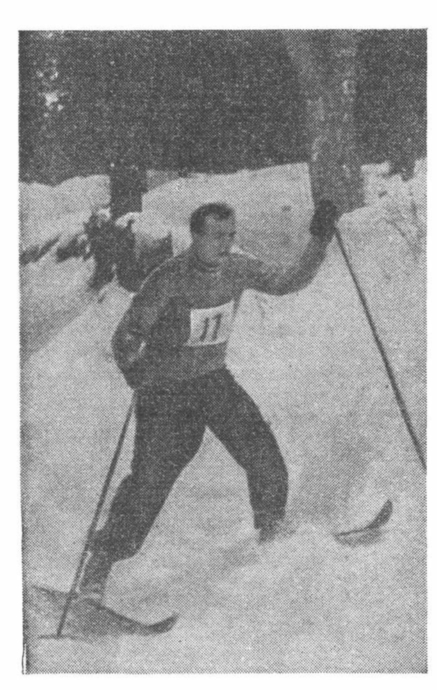
Лыжи хорошо скользят по мягкому снегу, и мы вскоре подходим к большому дому, у которого будет дан старт. У дверей дома мне бросается в глаза массивная спина в тёмном свитере. Это Алексей Иванов, один из лучших «лыжных спринтеров» страны, — гонщик на короткую дистанцию. А короткая дистанция в лыжном спорте — 20 километров! Изящные, хорошо подготовленные лыжи Иванова прислонены к стене дома.

До старта ещё целый час, и лыжники пробуют различные сорта мазей, стараясь найти лучший «элексир скорости». Вот и Иванов пробует скольжение.

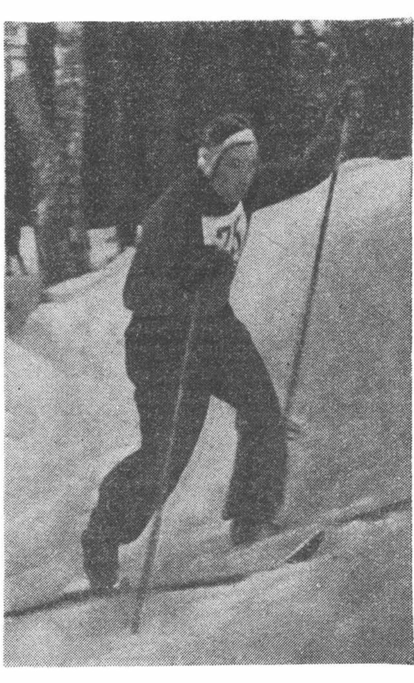
— Ну, как? — спрашиваю я.

Иванов кивает головой, лицо его сосредоточено. Мне хорошо понятно его самочувствие. Ведь даже я, не собираясь брать старта, чувствую сдержанное волнение, которое охватывает перед гонкой каждого лыжника.

В вестибюле я встречаю других участников гонки. Вот Роман Лепехов — рослый и поджарый. Вот мой старый ученик и соперник Павел Орлов — невысокий, крепко сложенный горьковчанин. Не раз мы с ним до войны выходили на старт. Тут все, кого обычно встречаешь на крупных лыжных соревнованиях: Алексей Добрышин, Валентин Матюшенков,

Добрышин проигрывал Иванову восемь секунд...

Мимо меня быстро в гору пробежал Хрящиков.

Василий Хрящиков. Не хватает только неоднократного чемпиона страны — Василия Смирнова.

Лыжники все возбуждены, хоть и стараются казаться спокойными. Через несколько минут жеребьёвка... Участники приглашены в судейскую комнату. Судья перемешивает номерки, и гонщики, столпившись вокруг, напряжённо смотрят на его руки. Решается вопрос, каким номером идти со старта. Ведь старт раздельный, лыжники пускаются через каждые 30 секунд. В момент жеребьёвки каждый мечтает только об одном: иметь впереди себя на дистанции сильнейшего. Ведь тогда можно узнать в пути его время и, если потребуется, увеличить свой темп.

Кажется, все приготовления окончены, но это не так.

Я вижу, как Алексей Добрышин останавливается у дерева, снимает лыжи и, вынув из кармана баночку со шведской мазью «Уттерстрем», быстро и нервно наносит новый слой на скользящие поверхности. Я знаю по своему опыту, что такие лихорадочные решения приводят часто к печальным результатам. Мне хочется напомнить Добрышину старое, доброе правило: сильному гонщику достаточно намазать лыжи не хуже своих конкурентов... Но давать советы перед гонкой рискованно: каждая неудача будет возложена на советчика.

В последние минуты перед гонкой я ещё раз стараюсь представить себе, как сложится состязание. У меня свой стартовый лист, где записаны фамилии наиболее сильных. 6-м номером идёт Матюшенков. Через три с половиной минуты за ним 13-м номером должен двинуться Иванов. Ещё через две минуты под номером 17 пойдёт Добрышин. Через одну минуту возьмёт старт лыжник под номером 19 — Лепехов. Ещё через минуту вдогонку пойдёт Орлов с 21-м номером на груди, имея позади себя, с интервалом в две минуты, Хрящикова под номером 25. Прекрасная шестёрка! Все, кроме Хрящикова, в последние годы добивались побед на первенство страны. Такая близость на дистанции основных конкурентов делает борьбу ещё более напряжённой.

Сверив свои часы с часами судей, я, не дожидаясь начала старта, двинулся вперёд, чтобы встретить участников гонки на четвёртом километре. Позади меня уже двигались один за другим лыжники. Выбрав удобное местечко, на вершине подъёма, я остановился. С минуты на минуту должны появиться гонщики. И, в самом деле, из леса вниз к реке выскочил первый, вскоре за ним второй, третий, четвёртый... Затем ещё издали я разглядел цифру шесть на груди Матюшенкова. Он прошёл первые четыре километра в шестнадцать минут тридцать секунд. Хорошее время!

Едва я успел произвести первые расчёты, как появился Иванов. Он шёл своим размашистым, скользящим шагом. Его движения были ритмичны, а лицо, уже вспотевшее, попрежнему сосредоточено. Я быстро взглянул на часы. Нет сомнения: Иванов всё же проигрывал Матюшенкову 10 секунд!

Иванов проскочил мимо и скрылся за поворотом в лесу, а меня уже захватило дальнейшее развитие борьбы. Я увидел Добрышина. Он шёл в гору прекрасным раскатистым шагом, словно без труда, но стрелки моих часов говорили о другом: Добрышин проигрывал Иванову восемь секунд... Едва я успел отметить это, как рядом со мной появился Лепехов. Легко и свободно скользил он вперёд, но мой глаз отметил слишком большую щедрость, с которой он тратил свои силы уже на первых километрах.

Потом я увидел Орлова. Как всегда, он поднимался в гору своим быстрым, похожим на бег, шагом.

— Проигрываешь Лепехову и Матюшенкову 12 секунд, — они идут лучше всех! — крикнул я и проводил взглядом его хорошо знакомую, покачивающуюся из стороны в сторону, фигуру.

Лыжники проходили один за другим, но никто не мог показать время, лучшее, чем Лепехов, Матюшенков, Иванов и Орлов. Лидеры гонки, казалось бы, определились, но я хорошо знал, как изменчива судьба спортсмена.

Развернувшаяся гонка звала и меня вперёд. Мне хотелось знать время участников после десяти километров.

Половина дистанции пройдена. Лыжники «вошли в работу». Но многим из них уже пришлось начать борьбу с усталостью. Матюшенков, прошедший первые четыре километра с лучшим временем, начинает сдавать. Видно, сказался сильный темп, взятый вначале. Движения его потеряли резкость, свойственную его ходу. Зато Иванов поразил меня своей свежестью, румянцем щёк, попрежнему уверенными и сильными движениями. Не он ли будет первым? Но вот вслед за ним прошли Лепехов и Орлов, и, сверив время троих, я узнал, что Иванов со второго места «отвалился» на третье. Да, после 10 километров случилось то, что придаёт такую прелесть спортивному состязанию. Иванов шёл прекрасно, но ещё лучше шёл Орлов. Теперь он был первым, а Лепехов проигрывал ему только 13 секунд. Но что же с Добрышиным? Шведская мазь в самом деле подвела его. Теперь он проигрывал первой пятёрке больше минуты.

Лыжники начали второй круг. Им снова предстояло пробежать по ровному, поросшему лесом месту, пересечь долину реки, преодолеть три спуска и довольно тяжёлых подъёма и финишировать по полю. Дистанция оставалась той же, но теперь она была труднее для каждого: ведь сил стало меньше...

До финиша мне предстояла ещё одна встреча с гонщиками на 16-м километре. Может быть, там мне первым удастся увидеть победителя ещё до того, как стрелки судейских секундомеров укажут его всем.

16-й километр был последним подъёмом перед финишем. Стоя на вершине этого подъёма, я почему-то вспомнил один из моментов гонки на первенство страны, в которой пришлось мне участвовать. Тогда передо мной был тоже склон, ещё более трудный, и, начав подъём, я почувствовал, что с каждым шагом силы покидают меня. Осталось сделать каких-нибудь 100 шагов, а я еле двигался. Первое место уходило от меня. Но в этот момент простая мысль мелькнула у меня в голове: надо сделать последнее усилие, и всё будет позади, в прошлом. Я нашёл в себе силы сделать это усилие и выиграл.

Вспоминая это, я видел, как мимо меня проходили лыжники, испытывая, вероятно, точно такое же чувство предельной усталости. Но многим простая мысль, выручившая меня, видимо, не приходила в голову. Они не могли заставить себя попрежнему двигаться быстро.

Но вот появился Иванов. Его румяное лицо хорошо было видно издали на фоне снега. Его движения так же мощны и раскатисты. Ему нелегко, я знал это, но он бежал кверху так, как будто был не на 16-м километре пути, а в начале гонки. Это непринуждённое стремительное движение человека, победившего свою усталость, было так заманчиво, так хорошо знакомо мне, что я едва удержался, чтобы не броситься за ним вдогонку. Наблюдая состязание со стороны, я как бы жил жизнью каждого из четырёх вероятных победителей. Я остался на месте, дожидаясь Лепехова, который должен был появиться вскоре. А когда тот прошёл мимо, стал поджидать Орлова.

Лепехов проигрывал Иванову 35 секунд, а Орлов теперь тоже проигрывал Иванову 25 секунд. Знал ли об этом Иванов, устремляясь к финишу вдоль опушки леса? Вероятно, нет! Ведь раздельный старт тем и сложен, что гонщик, не имея возможности следить за своими противниками, вынужден всё время двигаться с максимальной скоростью.

Гонка шла к концу. Мимо меня быстро в гору пробежал Хрящиков. Я двинулся вслед за ним по лыжне, к тому месту, где стояли озябшие судьи, где за столиком, поставленным прямо на снег, девушка окоченевшими пальцами уже выводила время победителя Алексея Иванова — 1 час 20 минут 31 секунда.

И весь этот день, прошедший для меня так непривычно, кончился так же: я последним подходил к финишу, что не случалось со мной за все 25 лет моей спортивной жизни.

Победители горных вершин

В октябре, когда долины Грузии ещё дышат щедрым южным летом, в горах выпадает снег. С этого времени Сванетия на всю зиму теряет связь с внешним миром.

До последних лет жители этой маленькой страны верили в то, что горный дух Дао живёт на вершине Тетнульда. Ни один сван не поднимался на Тетнульд, чтобы не разгневать духа. Пришельцам не разрешалось осквернять священной вершины.

В 1929 году в Сванетию пришли альпинисты Симон Джапаридзе с товарищем. Они уговорили сванов разрешить им подъём на Тетнульд. Пошли и не вернулись. Ещё сильнее после этого стала власть горного духа, и сваны тревожно прислушивались к голосу метелей и бурь: для них это и был голос Дао.

Следующим летом в Сванетию пришёл младший брат погибшего Джапаридзе — Алёша — с сестрой Александрой. Они поднялись на Тетнульд и поставили на вершине бронзовый бюст Симона. С того дня сваны побороли свой страх. В маленькой стране появились первые альпинисты: братья Габриэль и Бекну Хергиани, Ониани и другие — ученики Алёши Джапаридзе.

Ещё много вершин покорил Алёша Джапаридзе. Он первым поднялся на вершины Гаухи, Саба Сулхани, Важа-Пшавела и пика Берия. Выросший среди гор, привыкший всегда видеть перед собой далёкие неприступные пики Кавказского хребта, Алёша был одержим страстью горных восхождений. Жизнь альпиниста, полная опасностей и романтики, неудержимо влекла его.

Джапаридзе был не только спортсменом, но и педагогом, исследователем. Он написал несколько книг, рассказывающих о природе Кавказских гор, он организовал в Тбилиси самый крупный альпийский клуб страны и стал учителем грузинских альпинистов. За 15 лет Джапаридзе воспитал целую плеяду первоклассных мастеров альпинизма. Не проходило года, чтобы члены альпийского клуба Грузии не провели несколько трудных восхождений.

Когда осенью 1942 года немецкая армия подошла к перевалам Кавказа, места спортивных походов стали полем боя. Стена горных хребтов, словно неприступная крепость, воздвигнутая самой природой, преградила путь врагам. Немецкое командование бросило сюда альпийскую дивизию «Эдельвейс», проходившую 2-летнюю подготовку в Альпах.

Навстречу этой дивизии двинулись наши горно-стрелковые части. В части полковника Курашвили, оборонявшей перевалы Центрального Кавказа, сражались два отдельных горно-стрелковых отряда, укомплектованные альпинистами-спортсменами. Сваны организовали свой отряд. В нём были люди, хорошо помнившие тот день, когда Алёша Джапаридзе поднялся на вершину неприступного Тетнульда: Мурзахан Джапаридзе, Гоштелиани, Ротиани, Зарубиани, два брата Хергиани — сыновья знаменитого горного проводника, не раз ходившего в походы с Алёшей Джапаридзе.

Около ста альпинистов-сванов составили третий отряд, вступивший в бой с немецкой дивизией «Эдельвейс».

Линия фронта проходила тогда по склонам Эльбруса. «Приют одиннадцати» был занят немцами. Старый кругозор, Новый кругозор, Ледовая база, перевалы Хотю-Тао, Цака — места, столь знакомые каждому альпинисту, — стали ареной боёв.

Жестокая горная война, с засадами, с разведкой в тыл врага по горным кручам, со схватками на крутых тропах, — всё испытали альпинисты Грузии, сражаясь рядом со своими русскими товарищами. Немцы были остановлены на высоте 3 тысяч метров над уровнем моря.

Поздней осенью враг был сброшен с Кавказских перевалов, через которые он пытался прорваться в долины Грузии и Армении...

Во время войны Алёша Джапаридзе тренировал бойцов горных частей. Летом 1945 года он стал готовиться к трудному восхождению. Вместе с двумя товарищами — Николаем Мухиным и Нележби Ониани — Джапаридзе разработал рекордный траверс — прохождение вершин Центрального Кавказа — Ушбы и Шхельды. Альпинисты двинулись в путь в конце сентября и погибли во время восхождения на северную вершину Ушбы.

Именем Джапаридзе названы теперь безымянная вершина Центрального Кавказа и альпийский клуб в Тбилиси.

Сейчас альпийский клуб имени Джапаридзе объединяет более 3 тысяч человек. Среди них есть и опытные мастера, такие, как Сандро Гвалия и Хатэ Джаврвишвили, и молодые альпинисты, уже совершившие свои первые трудные восхождения.

На груди многих из них можно увидеть рядом со значком альпиниста медаль «За оборону Кавказа». **В. В.**

БОРЬБА С ГИПЕРТОНИЕЙ

М. Б. Коган,
профессор, доктор медицинских наук

Гипертоническая болезнь, или болезнь высокого кровяного давления, привлекает к себе внимание специалистов как у нас, в СССР, так и за рубежом. Оно и понятно: гипертония — в настоящее время распространённое явление.

«Коварство» этого порой длительного и тяжёлого заболевания заключается в том, что его симптомы очень редко проявляются на ранних стадиях. Известны случаи, когда человек десятки лет страдал гипертонической болезнью и узнавал об этом совершенно случайно, после измерения кровяного давления.

При гипертонии больные в отдельных случаях жалуются на головные боли, приливы крови к лицу, повышенную возбудимость, быструю утомляемость. В других случаях они жалуются на бессонницу, сердцебиение, боли в левой половине груди, в левом плече и левой руке до кончиков пальцев.

Немало людей болезненно переживают, когда узнают, что у них повысилось кровяное давление.

Известный русский клиницист, ныне покойный профессор М. П. Кончаловский, очень образно рассказывал об одном эпизоде, который он наблюдал заграницей. На одной из парижских улиц стоял человек, который за несколько франков измерял прохожим кровяное давление. В ресторан направлялась весёлая компания. Один из этой компании засучил рукав и стал измерять кровяное давление. По мере того, как ртутный столб повышался, настроение у молодого человека стало падать... В ресторан он уже не пошёл.

Какие же цифры кровяного давления следует считать нормальными?

Отдельные учёные считают, что нормальная высота кровяного давления у человека должна определяться двумя слагаемыми: количеством лет плюс 100. Если, к примеру, человеку 50 лет, то нормальной высотой кровяного давления, с небольшими, конечно, отступлениями в ту или другую сторону, следует считать 150.

Другие учёные считают, что высота кровяного давления по норме не должна превышать 140.

Следует ли и врачам и больным придавать большое значение колебаниям кровяного давления? Клинические наблюдения над больными показывают, что без наличия признаков нарушения кровообращения в мозгу, в сердце и почках сравнительно высокое кровяное давление не всегда имеет практическое значение. Очень часто такие больные хорошо себя чувствуют и вполне работоспособны.

Не следует также забывать и о том, что при гипертонии, особенно в начальном периоде, кровяное давление неустойчиво и часто зависит от случайных обстоятельств. Подчас боль и даже небольшие эмоции — страх, горе и радость — могут вызвать резкое повышение кровяного давления. Оно колеблется в течение дня: утром — ниже, вечером — выше, нередко снижаясь после приёма пищи. Иногда даже короткий отдых в течение нескольких дней может снизить кровяное давление до нормы.

То обстоятельство, что кровяное давление от различных, часто внешних причин сравнительно легко повышается и снижается, обычно показывает, что болезнь находится либо в начальном периоде либо протекает нормально.

Более серьёзно надо расценивать заболевание, когда кровяное давление упорно держится на высоких цифрах и сопровождается такими осложнениями, как кровоизлияние в мозг, приступы грудной жабы, почечные страдания и т. д.

Учёные уже много лет занимаются гипертонией, но до сих пор всё же неизвестны причины, вызывающие её. Некоторые склонны считать, что в основе этой болезни лежат причины нервно-психического порядка. Имеются весьма убедительные доказательства тесной взаимосвязи гипертонии с нарушением функций почек. В последние годы удалось экспериментальным путём вызвать гипертоническую болезнь у собак, которым зажимали почечные артерии.

По новейшим данным, гипертоническое страдание может быть также результатом нарушения функции эндокринной системы (надпочечники, щитовидная железа, придаток мозга).

Учёные уже давно обратили внимание на тот факт, что рядом с гипертонией обычно идёт другой неизбежный спутник людей относительно пожилого возраста — артериосклероз.

Каковы же пути профилактики и борьбы с гипертонией?

Я знаю капитана корабля, который вот уже свыше 20 лет «болен» гипертонией. Я беру слово «болен» в кавычки потому, что у капитана обычно всегда хорошее самочувствие и он к тому же человек редкой трудоспособности.

Может быть, мой пациент — здоровый человек? Нет, он, несомненно, болен гипертонией Но дело в том, что капитан строго соблюдает предписанный ему режим и в труде, и в отдыхе, и в диэте. Кроме того он обладает чрезвычайно важным и ценным качеством: он сдержанный человек.

Следовательно, в профилактике гипертонической болезни жизненно важно правильно регулировать режим труда и отдыха, всячески избегать перенапряжения нервной системы, полезно заниматься физкультурой (конечно, под наблюдением врача). Хорошо действуют на таких больных тёплое обтирание тела и тёплые ванны, прогулки на свежем воздухе. Следует полностью отказаться от употребления алкоголя и табака; в диэте избегать солёной и жирной пищи; приём жидкости ограничить 5—6 стаканами в сутки.

При лечении часто хорошо действуют старинное средство — пиявки — или периодические кровопускания. Из лекарств — различного рода сосудорасширяющие и сердечные средства, регулирующие кровообращение. Весьма полезны витамины и особенно витамин «А».

Положительные результаты наблюдались и от хирургического лечения гипертонии. Речь идёт о введении новокаина и спирта в нервные узлы, регулирующие кровообращение, а также об удалении отдельных симпатических узлов.

Мы уже видели, что больной гипертонией, сумевший разумно организовать режим труда и отдыха, сохранил на протяжении многих лет хорошее самочувствие и трудоспособность. Следовательно, в этом направлении и лежат пути профилактики гипертонической болезни.

РЕКОРД ДНЕПРОСТРОЕВЦА ТРУБКИНА

При восстановлении взорванного немцами Днепрогэса изготовляются фермы цельнометаллического служебного моста плотины. Два портальных крана будут ходить по мосту и закрывать многотонными щитами донные отверстия.

Знаменитый гидромонтажник Днепростроя бригадир-стахановец Илья Васильевич Трубкин, работая на сборке ферм служебного моста плотины, установил выдающийся рекорд. Тов. Трубкин поставил за смену 1170 заклёпок. По утверждению специалистов, в довоенное время, в самой благоприятной производственной обстановке, немногим монтажникам удавалось поставить за смену тысячу заклёпок, но не больше.

Недавно тов. Трубкин внёс существенную «поправку» в свой рекорд: за восемь часов он поставил 1360 заклёпок.

Этот фотоснимок сделан в день установления И. В. Трубкиным первого стахановского рекорда, когда он в конце обеденного перерыва просматривал качество заклёпок. Рядом с знаменитым гидромонтажником — его бессменная помощница горновая Дуся Кучерова, одна из известной на Днепрострое семьи Кучеровых, одиннадцать членов которой во главе с отцом работают на восстановлении Днепровского гидроузла.

Фото Гр. Сагал

Семь дней

ФЕВРАЛЬ		
ПН		11
ВТ	5	
СР	6	
ЧТ	7	
ПТ	8	
СБ	9	
ВСКР	10	

ФЕВРАЛЬ		
ПН		18
ВТ	12	
СР	13	
ЧТ	14	
ПТ	15	
СБ	16	
ВСКР	17	

ЗАБЫТЫЙ ВАЛЬС

В жаркий июльский день 1879 года полусонная тишь полтавских улиц была внезапно нарушена появлением двух незнакомцев. Из брички, подкатившей к дверям единственной в Полтаве го-

Дарья Михайловна Леонова.

Со старинной литографии

стиницы, вышла полная дама; за нею — коренастый мужчина средних лет. Пока дама хлопотала у баулов и картонок, толпа зевак, окружившая бричку, терялась в догадках насчёт звания новоприбывших. Впрочем, на другой же день любознательность обывателей была удовлетворена.

«С дозволения начальства, в зале дворянского собрания,— гласили в изобилии расклеенные на домах и заборах афиши, — состоится концерт примадонны контральто Дарьи Михайловны Леоновой».

Далее афиши называли имя второго участника концерта — Модеста Петровича Мусоргского.

С партии Вани в опере Глинки «Иван Сусанин» началась карьера Дарьи Леоновой. А вскоре сам Глинка, взявший её к себе в ученицы, во всеуслышание сказал:

— Дарья Михайловна — самородный русский талант!

Жители юга надолго запомнили в то лето и осень концерты гениального автора «Хованщины» и замечательной русской певицы. Мусоргский играл в этих концертах отрывки из собственных опер. Не знавший себе равных в искусстве аккомпанемента, он сам сопровождал выступления Леоновой.

— Дарья Михайловна, — делился он с друзьями после первого концерта, — была, есть и пребудет бесподобна!

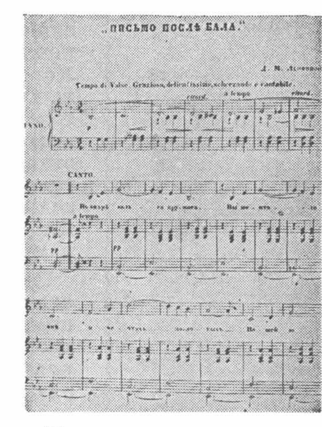
И, описывая энтузиазм публики, Мусоргский добавлял:

— И слёз было довольно, да и восторгов не занимать стать!..

Однажды в Елисаветграде Леонова под аккомпанемент Мусоргского исполнила новый романс — «Письмо после бала».

— Очень грациозный и симпатичный вальс! — одобрительно отозвался Мусоргский.

Публика дружно присоединилась к этой оценке. Успех романса возрос ещё больше, когда с эстрады было объявлено, что музыка его принадлежит Д. М. Леоновой. Но публика так и оставалась в неведении: кто же был автор текста этого вальса? Его имя не было раскрыто даже издателем, напечатавшим вскоре «Письмо после бала». Лишь в одном из писем к близким

Первая страница вальса «Письмо после бала».

друзьям Мусоргский скромно обмолвился:

— Дарья Михайловна изволила утверждать, что это «Письмо» сочинено мною на её музыкальное сочинение...

Прекрасный вальс, сочинённый выдающейся русской певицей, скончавшейся 6 февраля 1896 года, долгие годы не сходил с русской эстрады.

Е. КАНН

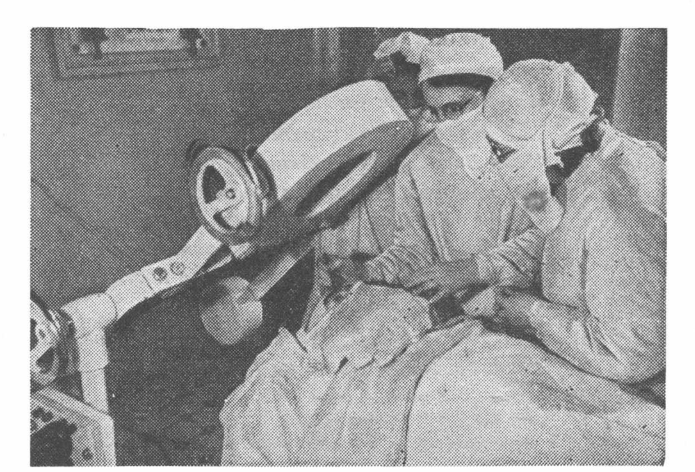
ВОССТАНОВИТЕЛИ ЗРЕНИЯ

Зимой 1941 года в боях под Москвой был ранен бывший учитель Мельников. При взрыве снаряда он потерял зрение: один глаз был выбит осколком, другой — сильно повреждён. Только сложная и рискованная операция могла спасти раненому зрение. Полтора года он был слепым.

— Что ж, будем дерзать, — сказали однажды больному в Московской глазной больнице. — Попробуем вернуть вам зрение.

Мельникову сделали сложную операцию: удалили поражённый хрусталик глаза. Отсутствующий хрусталик заменили сильные очки. Человек прозрел, он снова вернулся к своей любимой профессии — преподавателя одной из подмосковных школ...

7 февраля 1826 года на мизерные пожертвования открылась одна из старейших в России Московская глазная больница. «Глазная больница, — говорится в старинном документе столетней давности, — основана на пожертвования от частных лиц без всяких пособий от казны и города». О характере этих пожертвований можно судить по другому документу: «От фабриканта Кузнецова два больших медных подсвечника... От г. Иксона бюст главного основателя больницы князя Дмитрия Владимировича Голицина».

Удаление металлического осколка из глаза при помощи электромагнита.

Фото С. Шингарёва

В истории русской офтальмологии Московская глазная больница заняла видное место. В ней работали крупнейшие врачи-окулисты — профессора Лажечников, Браун, Одинцов. При советской власти здесь обучилось и повысило свою квалификацию свыше двух тысяч врачей...

Работу врача-окулиста часто сравнивают с искусством ювелира: та же точность и тщательность, та же виртуозная тонкость операции. Разница лишь та, что врачу приходится иметь дело не с мёртвым драгоценным камнем, а с живым человеческим глазом. При глазной операции имеют значение доли миллиметра. Приступая к операции, врач знает, что от его искусства и точности зависят судьба и счастье человека.

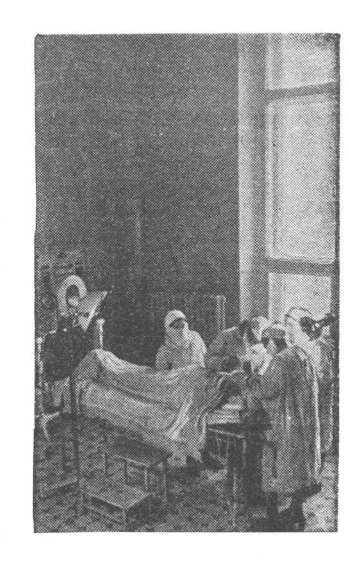
Тысячи бойцов и офицеров Красной Армии обязаны спасением своего зрения врачам Московской глазной клинической больницы.

Сюда поступали лётчики, танкисты с обожжёнными лицами, с вывернутыми и лишёнными подвижности веками. Днём и ночью человек не моргая смотрел в пространство. Через некоторое время открытые глазные яблоки должны были высохнуть, и человек неминуемо утрачивал зрение.

Офталмолог искусно удалял рубцы, стягивающие веки. Затем, чтобы закрыть раны, выкраивал лоскуты кожи на руке или на лбу больного и приращивал их к обнажённым местам. Сначала следы операции заметны: пересаженная кожа имеет неестественный, белый цвет. Но постепенно веко приобретает нормальный вид и былую, утраченную подвижность. Зрение спасено.

В больницу часто привозили раненых с осколками в глазу. Раньше металлические осколки удалялись при помощи электромагнита через зрачок с разрезом роговой оболочки. Теперь этот метод значительно усовершенствован. Осколок удаляется мощным электромагнитом кратчайшим путём — через белочную оболочку.

Тысячи людей, для которых, казалось, наступила вечная ночь, вновь обрели

Операционный зал Московской клинической глазной больницы.

зрение благодаря самоотверженной работе врачей Московской глазной клинической больницы, отметившей на днях свой 120-летний юбилей.

А. Ш.

ШАМИЛЬ

«Природа не отказала Шамилю ни в одном из своих даров: он отличается стройной и благородной осанкой, прекрасной наружностью и врождённым рассудком. Лицо его бледно, покрыто немного морщинами и выражает всегда глубокую и внушающую уважение задумчивость. Иногда это лицо украшает чрезвычайно ласковая улыбка. Взгляд выражает спокойствие и доброту, но вмещает в себе вместе с этим столько проницательности, что кажется, глаза его готовы проникнуть в глубину души виновного».

Эту запись о замечательных качествах Шамиля — вождя горцев и выдающегося человека — оставил русский офицер, бывший, очевидно, у народного героя Дагестана в плену.

Жизнь Шамиля, умершего 75 лет назад, 16 февраля 1871 года, полна необычайных приключений. Много раз шёл он на смерть, много раз военная хитрость или необычайная физическая сила и ловкость выводили его из, казалось бы, безнадёжного положения, но Шамиль никогда не сдавался.

В августе 1839 года Шамиль был осаждён царскими войсками в своей столице— крепости Ахульго. Расположенная в непроходимых горах, окружённая с трёх сторон скалистыми обрывами и укреплённая завалами и башнями, крепость была неприступной. Однако солдаты Кавказской армии после общего штурма овладели важнейшими укреплениями Ахульго. Сопротивление было невозможно. В живых осталось лишь несколько десятков человек. Все они перебрались в пещеру, недоступную для выстрелов. Тогда Шамиль приказал:

— Не сдаваться в плен. Тот, кто обессилел от ран, пусть бросается в реку.

Имам обдумал план вылазки — отчаянно храброй и рискованной.

Ночью через непроходимый обрыв была переброшена длинная балка, по которой бесшумно и как можно быстрее — почти на виду у противника — каждый должен был перебраться «на просторную землю».

Первый показал пример Шамиль. Посадив своего старшего сына на спину, он двинулся в опасный путь...

Шамиль.
Со старинной литографии.

Переправа удачно закончилась. Прорвавшись через линию пикетов и всё время отстреливаясь, Шамиль со своими спутниками вышел на безопасное место. Многих друзей он не досчитался. Особенно пострадала семья имама. Жена Шамиля с младшим сыном умерла ещё в пещере. Сестра его, чтобы не попасть в плен, бросилась в бурный поток.

Измученные и обессиленные брели беглецы. И даже Шамиль, казалось, мог потерять веру в возможность дальнейшей борьбы. Навстречу попался старик-горец.

— Где Шамиль? — спросил он.

— Убит, — ответил ему имам, не желая, чтобы слишком быстро распространился слух о его спасении.

Старик застонал и бросился в глубоком горе на землю. Но шедшие сзади товарищи Шамиля шепнули ему:

— Ты поверил шутке? С тобою ведь говорил сам Шамиль!

Шамиль между тем решил устроить привал, чтобы подождать отставших товарищей. Неожиданно он увидел бегущего к нему ковыляющей походкой человека. Это был тот же старик. Он плакал и радовался спасению имама. Вместе с ним радовался и Шамиль. Он чувствовал, что в лице горца-крестьянина с ним весь народ.

А. Б.

ГРЕНАДЕРКА АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА

Утро 2 июля 1807 года озарилось ярким солнечным восходом, осветившим окрестности Фридланда, где расположилась русская армия. Никто из бойцов лейб-гвардии Павловского полка не знал, что день этот станет днём русской славы и гордости.

С рассветом на левом фланге павловцев началась горячая перестрелка. Против полка, среди золотистого поля поспевавшей ржи, появились чёрные линии наступавших французов. Павловские стрелки, поддержанные батареями, начали бой. Пушечный дым затянул всё Фридландское плато.

Неожиданно на полк обрушился огонь 10-пушечной французской батареи крупного калибра. Слева начала действовать другая батарея. Полку не разрешали идти в атаку. Французские ядра летели с двух сторон, но гренадеры спокойно выдерживали огненный смерч, не двигаясь ни на шаг.

Так продолжалось до 6 часов вечера. С музыкой и барабанным боем французы вечером двинулись вперёд, и всё поле покрылось атакующей пехотой и кавалерией.

Действие огня было губительным. Земля стонала от канонады.

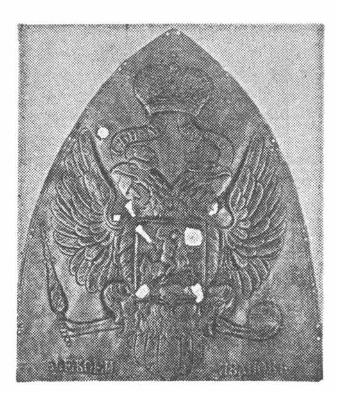
В этот решительный момент перед фронтом павловцев появился генерал-майор Мазовский. Со словами: «За мной, ребята!» — он бросился вперёд. Громовым «Ура!» гренадеры ответили своему командиру. Этот крик перекрывал визг ядер и треск гранат, лопавшихся в рядах полка. Французы не выдержали жестокой штыковой схватки и отступили. Полк преследовал врага по пятам.

Раненый в руку и ногу, несомый впереди полка гренадерами, Мазовский продолжал ободрять своих воинов. Изнемогая от ран, Мазовский в последний раз повёл своих гренадеров в штыки. «Друзья, — говорил он слабеющим голосом,— умрём или победим!» И гренадеры вновь бросались вперёд...

Этот беспримерный подвиг павловцев на полях войны был удостоен исключительной награды, составляющей гордость русских гренадерских полков.

Вот выдержка из указа 20 января 1808 года:

«Желая передать сие потомству и вознаградить заслуги по достоянию, повелеваю, чтобы в почесть оного полка ныне состоявшие в нём шапки оставить в нём

Простреленная бляха гренадерки А. Иванова.

в том виде, в каком сошёл он с места сражения, хотя б некоторые из них были повреждены; да пребудут они всегдашним памятником отменной его храбрости».

Полк не легко стяжал эту славную награду. 532 простреленные гренадерки с именами солдат, их носивших и оставшихся в живых в день битвы у Фридланда, хранились в полку, как священная реликвия, как памятник геройства и мужества русского солдата.

Вот почему на медной простреленной бляхе гренадерки-шапки солдата Павловского полка,—единственном экземпляре, хранящемся в Государственном Историческом музее,— выбита надпись: «Алексей Иванов».

В летописи полка имеются следы биографии этого солдата-героя. За сражение при Бородине он награждён был георгиевским крестом. Получить награду Алексей Иванов не успел. Во время заграничного похода, в одном из сражений 1813 года, он был убит.

Гренадерка Алексея Иванова служит ярким примером того, как русский солдат всегда и везде превыше всего ценил честь и славу своей родины.

М. ПОРТНОВ

Почему мы так говорим

ОЛИМПИАДА, СПАРТАКИАДА

В Олимпии — древней Греции — каждые четыре года происходили спортивные состязания. На соревнования съезжалось множество народа со всей страны. Победители получали венки и денежные награды. Победа приносила славу не только участнику игр, но и его родному городу. На торжественную встречу с гражданами победитель въезжал в роскошной одежде на колеснице, запряжённой четвёркой белых коней. Иногда для торжественного въезда разбиралась часть городской стены. В честь победителя устраивали пиры и слагали гимны. Олимпийским играм придавали такое значение, что начиная с 776 года до нашей эры греки вели счёт летам по олимпиадам.

В современной Греции в 1896 году были устроены крупнейшие международные состязания, названные в память древних олимпийских игр «олимпиадой». Затем эти состязания решено было устраивать периодически в различных странах. Когда в СССР были организованы первые крупные спортивные состязания, то в отличие от буржуазных олимпиад их, по образцу игр, происходивших в древней Спарте, назвали спартакиадой. Но слово «олимпиада» уже вошло в русский язык, и в дальнейшем стали называть олимпиадами и спартакиадами не только спортивные, а также другие состязания и смотры (музыкальная олимпиада, районная спартакиада).

НА ШИРОКУЮ НОГУ

Когда французы говорят «иметь сено в башмаках», — это значит быть богатым. В XIV веке была мода на длинную и большую обувь, иногда больше полуметра. Эта мода касалась только высших классов. Чем длиннее была обувь, тем знатнее и богаче считался человек. Чтобы можно было ходить в таких башмаках и сохранять их форму, их набивали сеном. Одно время носки даже загибали кверху и закручивали. От этой моды родились перешедшие к нам выражения: «Жить на большую ногу», «Жить на широкую ногу» — жить богато. Можно полагать, что выражение «чего моя нога хочет» восходит к этой же моде.

ДВА АЯКСА

Аякс, сын Теламона, и Аякс, сын Оилея,— герои осады Трои, воспетой в гомеровской «Илиаде». У нас применяют выражение «два Аякса», большей частью иронически, к двум неразлучным приятелям. Это противоречит образу мифических Аяксов, совершавших героические подвиги и вовсе не неразлучных. Изменение смысла произошло под влиянием оперетты Жака Оффенбаха «Прекрасная Елена», впервые поставленной в 1865 году в Париже и с легендарным успехом прошедшей по театрам Европы. В этой пародийной буффонаде, где под видом древней Греции изображена Франция эпохи Наполеона III, выведена пара бездельников и повес — два Аякса.

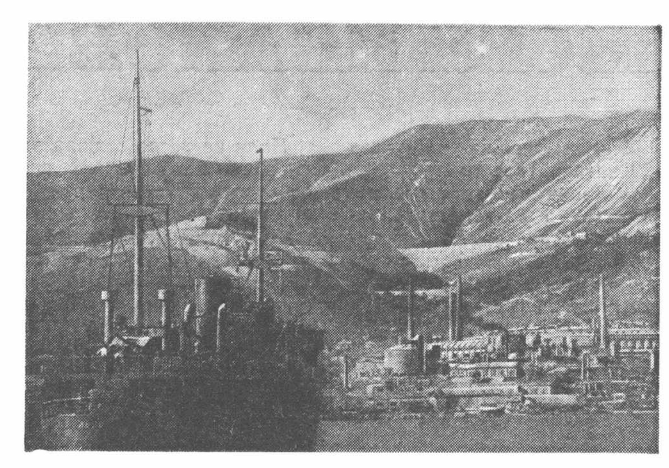
БАЛБЕС, СМОРОЗИТЬ

В дореволюционной гимназии основное внимание уделялось древним языкам — греческому и латинскому. Преподаванию латыни до последнего класса отводилось пять часов в неделю. Поэтому средняя школа была одним из источников проникновения греческих и латинских слов в русский язык, причём эти заимствования подчас приобретали новый и неожиданный смысл. Ученика, не выучившего урок и читавшего с запинками, называли насмешливо «заикой». Заика по-латыни—«бальбус». Отсюда обрусевшее «балбес»— неуч, невежда, лентяй. От реплик учителей греческого языка «морос» (по-русски — глупость, глупо) образовалось другое слово — «сморозить», сказать глупость.

НИКОТИН

Табак впервые стал известен в Европе после открытия Америки. Матросы Колумба, научившиеся в Америке курению, привезли не только листья, но и семена табака. В XVI веке он уже рос в садах Испании. В 1560 году в Париж вернулся французский посланник в Португалии Жан Нико. Он привёз с собой во Францию семена табака, разводившегося в королевских садах в Лиссабоне, и посеял их в своём саду. Листья нового растения Нико преподнёс как медицинское средство страдавшей головными болями Марии Медичи. Благодаря королеве растение это стало модным. Весь Париж стал нюхать растёртые в порошок листья чудесного растения Нико. Так случайно табак получил научное название «никоциана». Когда в 1826 году был выделен из табака алкалоид, он был назван никотином.

И. Уразов

Горная цепь, окружающая Новороссийский порт. Самое ветренное место на земле.

«ПОЛЮС ВЕТРОВ»

Мархотский перевал в районе Новороссийска считается самым ветренным местом на земле. Его называют полюсом ветров. Наблюдения расположенной на перевале метеостанции показали, что из 90 зимних дней 83 дня здесь свирепствует ветер, достигающий силы урагана, и только 7 дней он дует со скоростью менее 15 метров в секунду.

Наука до сих пор бессильна измерить на Мархотском перевале самый сильный ветер по той простой причине, что ни один из существующих приборов не выдерживает огромной силы норд-оста, превышающей 100 метров в секунду.

Сохранилось любопытное описание свирепствовавшего в январе 1893 года норд-оста:

«8-го января... деревянный бриг, груженый сеном, стоял на рейде, на двух якорях, и ещё закреплён был троссовым концом за бакен. От ударов ветра цепи и канат лопнули, и его выбросило на городской берег. На станции Новороссийск ветер срывал железные кровли с вагонов и зданий, опрокинул два груженых вагона».

Откуда над Новороссийском, лежащим на берегу тёплого Чёрного моря, такой суровый ветер?

Казалось, горы должны были бы защищать город от холодного дыхания севера. Но они и способствуют зарождению норд-оста. Объясняется это тем, что по ту сторону невысокого перевала расположена обширная котловина, в которой зимой воздух сильно охлаждается. Плотность его по сравнению с тёплым воздухом побережья становится во много раз выше. Стремясь заполнить всё пространство, плотные воздушные массы могучим потоком низвергаются через перевал к городу. Ветер лавиной падает по крутому склону, разрушая и сметая всё на своём пути.

Существует смелый проект: сквозь толщу горы пробить тоннели, чтобы по ним мог свободно происходить обмен воздушных масс. Тогда плотность воздуха на побережье и в котловине будет одинаковой.

Ал. Ш.

Впервые...

...попытку применить автомобиль во льдах Антарктики сделал в 1908 году английский полярный исследователь Э. Шекльтон, но из-за рыхлости снега и пересечённой местности это не дало положительного результата.

●

...моторные сани в Антарктике применил английский путешественник Роберт Скотт во время его трагической экспедиции 1910—1912 годов. Сани сослужили ему хорошую службу при транспортировке грузов с парохода в ледовый лагерь.

●

...киносъёмку в Арктике во время плавания в 1899 году на ледоколе «Ермак» использовал русский адмирал С. О. Макаров.

●

...самой северной оконечности Азии достиг в 1742 году штурман Челюскин. В дальнейшем мыс Таймырского полуострова стал именоваться на картах «мысом Челюскина».

●

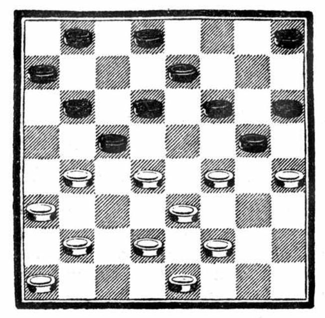
...исследователь дальневосточных берегов Г. И. Невельский в 1849 году установил, что Сахалин — остров и что река Амур с моря доступна для небольших судов.

ШАШКИ

под редакцией мастера Г. ТОРЧИНСКОГО

Многоходовая комбинация

В партии Д. Сушкин — С. Сабо, игранной в воинской части, полевая почта № 63564, после неосмотрительного хода белых 10. c3—b4 создалась позиция, изображённая на диаграмме:

Сабо провёл здесь следующую многоходовую комбинацию:

10. . . .	f6 — e5!
11. h4 : f6	e5 : a5
12. f2 — g3	e7 : g5
13. g3 — h4	. . .

Белые играли до сих пор лучшим образом и, казалось бы, должны выиграть. Однако...

13. . . .	c5 — d4!!
14. h4 : f6	. . .

Если 14. e3 : e7, то 14. ... g5 : c1; 15. e7 — f8 b6 — c5 и т. д. с лёгким выигрышем.

14. . . .	d4 : f2
15. e1 : g3	d6 — e5!!
16. f6 : d4	. . .

На 16. f4 : d6 последует 16. . . . b6 — c5.

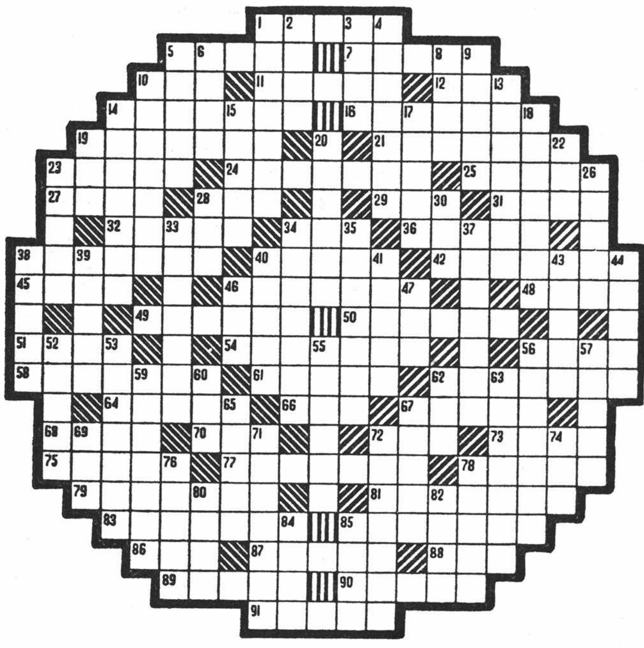
16. . . .	h6 — g5!
17. f4 : h6	h8 — g7!
18. h6 : f8	b6 — c5

и вскоре белые сдались.

Решение задачи Н. Пустынникова, помещённой в № 5 «Огонька». 1. c3 — b4 a5 : c3 (A); 2. e1 : h4 a1 : g3; 3. h4 : e1 h6 — g5; 4. e1—f2 и т. д. (A) 1. ... a1 : g3; 2. h : f4 a5 : c3; 3. e1 : g5×.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Р. Марченко

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Принадлежность туалета. 5. Американский писатель. 7. Старое название города на Кавказе. 10. Дерево. 11. Часть орудия. 12. Растение. 14. Газета, издававшаяся Герценом. 16. Страдающий сомнамбулизмом. 19. Русский адмирал. 21. Портьера. 23. Нравственный недостаток. 24. Преподаватель. 25 Опера Рубинштейна. 27. Плод. 28. Корабельная смола. 29. Консул в Сирии при Августе. 31. Места в театре. 32. Отдельный выпуск журнала. 34. Член футбольной команды. 36. Огородное растение. 38. Часть квартиры. 40. Болезнь. 42. Порода овец. 45. Газ. 46. Госпиталь. 48. Река в СССР. 49. Столица Албании. 50. Рыба. 51. Полевое укрепление. 54 Город в СССР. 56. Город в Японии. 58. Голос. 61. Предмет купли-продажи. 62. Насекомое. 64. Мера веса. 66. Деталь машины. 67. Город в Средней Азии. 68. Представитель народности в Дагестане. 70. Химический элемент. 72. Местоимение. 73. Вид аркана в Южной Америке. 75. Фотоаппарат. 77. Равное представительство сторон. 78. Государство в Средней Азии. 79. Русский художник. 81. Чёрная руда. 83. Редкая вещь. 85. Болезнь глаз. 86. Верблюд. 87. Город в Британской Индии. 88. Отрицание. 89. Город в УССР. 90. Болезнь лошадей. 91. Револьвер.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Живое существо. 2. Горный хребет в СССР. 3. Животное. 4. Русский полководец. 5. Сжатая кисть руки. 6. Упрёк. 8. Кавалерист в старой России. 9. Химическое вещество. 10. Паук. 13. Геодезический прибор. 14. Персонаж из романа Л. Толстого. 15. Машина для забивки свай. 17. Наплыв на свече. 18. Горючее. 19. Английский утопист. 20. Крытый экипаж. 22. Приток Днепра. 23. Часть саней. 26. Типографский термин. 28. Английский сановник. 30. Мифический основатель Рима. 33. Военное судно. 34. Герой из романа Тургенева. 35 Река на Кавказе. 37. Политикан, заискивающий перед массами. 38. Часть пулемёта. 39. Часть электромашины. 40. Верёвка. 41. Французский писатель. 43. Рыба. 44. Медикамент. 46. Краситель. 47. Река в Якутии. 52. Представитель рода войск. 53. Участник боя быков. 55. Повреждение судна. 56. Предмет, высеченный из целого камня. 57. Помидор. 59. Насекомое. 60. Приток Дуная. 62. Мужской голос. 63 Предельные очертания предмета. 65. Шум. 67. Быстроходное судно. 69. Произведение Леонова. 71. Крепостное сооружение. 72. Старый, заслуженный деятель. 74. Латвийская монета. 76. Священная книга магометан. 78. Посуда. 80. Знак препинания. 82. Произведение Золя. 84. Древнегреческая колония на Чёрном море. 85. Домашнее животное.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Муниципалитет. 12. Корин. 13. Кот. 14. Ритор. 16. Голова. 17. Египет. 19. Мерак. 21. Дар. 22. Репин. 25. Пикар. 26. Сено. 28. Ибис. 30. Манас. 31. Наб. 33. Таракан. 35 Лов. 36. Сеновал. 38. Папирус. 39. Дакар. 41. Наган. 42. Наварин. 45. Терек. 47. Макаров. 50. Ло. 51. Нож. 52. Ад. 53. Динамит. 56. Памир. 58. Ледокол. 61. Катер. 62. Надел. 63. Карадаг. 65. Телефон. 67. Тон. 68. Перекоп. 72. Рис. 73. Роман. 75. Сало. 76. Ария. 77. Волос. 78. Русак. 80. Таз. 81. Минёр. 82. Макака. 84. Аромат. 86. Белёв. 87. Тюк. 89. Тениз. 90. Каталогизация.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Турок. 2. Миномёт. 3. Пикадор. 4. Материк. 5. Пиридин. 6. Ветер. 7. Могар. 8. Нил. 9. По. 10. Тип. 11. Тотем. 15. Декан. 18. Минор. 19. Минерализатор. 20. Работа. 23. Палица. 24. Навуходоносор. 27. Набат. 29. Барак. 32. Кади. 34. Рана. 37. Ландтаг. 38. Памфлет. 40. Ренар. 41. Нежин. 43. Вон. 44. Рим. 46. Ром. 48. Код. 49. Рак. 54. Ананас. 55. Икар. 56. Пепел. 57. Разор. 59. Елец. 60. Оберон. 64. Ромул. 66. Филёр. 68. Параван. 69. Ротатор. 70. Казакин. 71. Пилотаж. 74. Намёк. 77. Вития. 79. Калат. 81. Мания. 83. Кет. 85. Мец. 88. Юг.

Ответственный редактор — А. СУРКОВ. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А 01947. 5½ печ. л. Подписано к печати 9/III—46 г. Изд. № 208. Тираж 150.500. Заказ 367.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Государственный ЗАЕМ ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКИ

(ВЫПУСК ЧЕТВЕРТОГО ГОДА)

(БЕСПРОИГРЫШНЫЙ ВЫПУСК)

СПРАВОЧНАЯ ТАБЛИЦА СЕМНАДЦАТОГО ТИРАЖА ВЫИГРЫШЕЙ

ТИРАЖ СОСТОЯЛСЯ 28 февраля 1946 г. в гор. Москве

В тираже разыграно 644.000 выигрышей на сумму 102.522.000 рублей, в том числе: 70 выигрышей по 3.000 рублей, 350 выигрышей по 1.000 рублей, 3.500 выигрышей по 500 рублей, 84.000 выигрышей по 200 рублей и 556.080 выигрышей по 150 рублей.

В ТАБЛИЦЕ УКАЗАНЫ ВЫИГРЫШИ НА СТОРУБЛЕВЫЕ ОБЛИГАЦИИ

Нарицательная стоимость выигравшей облигации включается в сумму выпавшего на нее выигрыша.

Выигрыши выпали на следующие номера серий и облигаций во всех 70 разрядах беспроигрышного выпуска займа:

№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях
100005	1—50	150	105033	28*)	500	110649	1—50	150	114619	1—50	150
100239	08*)	500	105214	42*)	500	110717	17*)	500	114699	04*)	500
100358	1—50	200	105222	1—50	200	110774	1—50	150	114714	1—50	150
100479	1—50	150	105258	33*)	1.000	110776	1—50	150	114777	1—50	150
100489	13*)	500	105457	07*)	1.000	110861	1—50	150	114923	1—50	150
100505	43*)	500	105517	1—50	150	110904	08*)	500	115281	1—50	150
100572	01*)	500	105736	03*)	500	110914	1—50	150	115415	01*)	500
100666	29*)	500	105875	1—50	150	110933	1—50	150	115424	48*)	500
100737	1—50	200	106129	1—50	150	110937	1—50	150	115428	1—50	200
101128	1—50	150	106168	1—50	150	110961	1—50	150	115429	1—50	200
101244	1—50	150	106532	1—50	150	111100	1—50	150	115450	1—50	150
101251	1—50	150	106674	1—50	150	111187	1—50	150	115459	34*)	3.000
101280	29*)	500	106744	1—50	150	111264	1—50	150	115469	19*)	1.000
101337	01*)	500	106750	1—50	150	111320	1—50	200	115504	1—50	150
101344	1—50	150	106944	1—50	150	111358	10*)	500	115701	1—50	200
101424	1—50	150	107541	1—50	200	111429	1—50	150	116080	1—50	150
101494	16*)	500	107554	39*)	500	111542	1—50	200	116403	1—50	150
101839	1—50	150	107565	1—50	200	111592	21*)	500	116531	1—50	150
101929	1—50	150	107629	16*)	500	111595	34*)	500	116631	1—50	150
101956	23*)	500	107712	1—50	150	111910	1—50	200	116817	1—50	150
102021	1—50	150	107847	1—50	150	111912	1—50	150	116869	1—50	150
102282	1—50	150	107851	35*)	500	111984	11*)	500	116925	1—50	150
102485	1—50	150	108011	1—50	150	112106	1—50	150	117159	1—50	150
102495	1—50	150	108423	1—50	150	112153	1—50	200	117571	14*)	500
102945	1—50	200	108477	1—50	150	112285	1—50	150	117602	06*)	500
103216	1—50	200	108564	1—50	150	112520	37*)	500	117628	1—50	150
103246	1—50	150	108710	1—50	150	112562	1—50	150	117828	34*)	500
103407	1—50	200	108724	34*)	500	112577	1—50	150	118119	1—50	150
103483	1—50	150	108796	1—50	150	112757	1—50	150	118145	1—50	150
103596	1—50	150	108878	48*)	500	112776	42*)	500	118236	1—50	200
103638	1—50	150	108911	1—50	150	112874	1—50	150	118240	1—50	150
103657	04*)	500	108959	06*)	500	113311	1—50	200	118246	1—50	150
103792	02*)	500	109263	1—50	150	113336	1—50	150	118328	1—50	150
103865	1—50	150	109451	1—50	150	113532	1—50	150	118424	1—50	150
103920	1—50	200	109632	1—50	150	113637	06*)	500	118427	35*)	500
103927	24*)	500	109860	25*)	500	113783	09*)	500	118575	03*)	500
104067	26*)	500	109936	1—50	150	114082	26*)	500	118935	1—50	150
104105	20*)	1.000	109989	14*)	500	114155	16*)	500	119167	41*)	500
104190	1—50	150	110003	1—50	200	114186	1—50	150	119339	1—50	150
104398	02*)	500	110070	1—50	150	114217	1—50	200	119366	1—50	150
104415	1—50	150	110094	1—50	150	114225	1—50	150	119752	1—50	200
104516	38*)	500	110190	1—50	150	114337	1—50	200	119773	24*)	500
104581	1—50	150	110214	1—50	150	114403	1—50	150	119780	12*)	500
104610	46*)	500	110289	1—50	150	114412	1—50	200	119795	1—50	150
104716	1—50	150	110393	1—50	150	114515	1—50	150	119828	1—50	200
104732	1—50	150	110563	1—50	150	114576	32*)	1.000	119936	1—50	150

*) На остальные 49 номеров облигаций этой серии выпали выигрыши по 150 рублей.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСТРУДСБЕРКАСС И ГОСКРЕДИТА

